

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаев (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Екатерина Сергеевна Черепанова (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, директор Института по переподготовке и повышению квалификации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Милена Валерьевна Балева (докт. психол. наук, доцент, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородинкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Захарева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им.

Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткин (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology,
history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history
of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions
and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2026

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Ekaterina S. Cherepanova (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Director of the Institute for Retraining and Advanced Training, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Milena V. Baleva (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Stokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ / PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЖИВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО АВАТАРЫ

(Тематический выпуск)

THE LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY: LIVING INTELLIGENCE AND ITS AVATARS

(Special issue)

Свет и тени цифровой реальности: живой интеллект и его аватары (от редакции) <i>Комаров С.В., Внутских А.Ю.</i>	342	The light and shadows of digital reality. Living intelligence and its avatars (an editorial) <i>Sergey V. Komarov, Alexander Yu. Vnutskikh</i>
Онтологические основания включенности искусственного интеллекта в коммуникацию: Латур, Парфит, Луман <i>Гринь С.Д.</i>	343	Ontological foundations of the inclusion of artificial intelligence in communication: Latour, Parfit, and Luhmann <i>Sofiya D. Grin'</i>
Кино, нейросети и преодоление метафизики: от автоматизации образа к автоматизации высказывания <i>Елесин А.О., Овчинников Д.Р.</i>	356	Cinema, neural networks, and the overcoming of metaphysics: from the automation of the image to the automation of the utterance <i>Alexander O. Elesin, Daniil R. Ovchinnikov</i>
Категории субъектности в исследованиях искусственного интеллекта: систематизация подходов и критерии разграничения <i>Скрипкина Т.К.</i>	367	Categories of subjectivity in artificial intelligence research: systematization of approaches and criteria of distinction <i>Tatiana K. Skripkina</i>
Смысл без субъекта: трансцендентальные структуры познания в философии И. Канта и архитектура нейросетей <i>Торошчин Е.А.</i>	382	Meaning without a subject: transcendental structures of cognition in I. Kant's philosophy and the architecture of neural networks <i>Yegor A. Toroshchin</i>
Теневой компонент творческого мышления, или можно ли запрограммировать интуицию? <i>Биричева Е.В.</i>	394	The shadow component of creative thinking, or can intuition be programmed? <i>Ekaterina V. Biricheva</i>
Социоцентрический взгляд на коллективный интеллект: Маркс, Дюркгейм и современность <i>Желнин А.И.</i>	408	A sociocentric view of collective intelligence: Marx, Durkheim, and modernity <i>Anton I. Zhelnin</i>
Эффективный промпт-инжиниринг при обращении за психологической поддержкой к искусственному интеллекту <i>Фрейманис И.Ф., Шляпов И.В.</i>	419	Effective prompt engineering when seeking psychological support from artificial intelligence <i>Inga F. Freimanis, Ivan V. Shlyapov</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Труд и симуляция. Статья первая.
Капитализм, труд и знаки
<i>Корякин В.В.</i>	431	Labor and simulation. Article one.
Capitalism, labor, and signs
<i>Vyacheslav V. Koryakin</i>
Значение негативной философской
антропологии и ее типов человека в
современности
<i>Нассонов М.С.</i>	442	The significance of negative philosophical
anthropology and its human types
in modern times
<i>Mikhail S. Nassonov</i>
Истоки учения о чистом Я
в древнейших концепциях Востока
<i>Седов Ю.Г.</i>	456	The origins of the doctrine of the pure Self
in the most ancient concepts
of the East civilization
<i>Yuri G. Sedov</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Разработка конструкта опросников
для диагностики деструктивного поведения
детей мигрантов: обоснование структуры
и состава вопросов
<i>Гурова О.В., Калугин А.Ю.</i>	466	Development of questionnaires
to assess destructive behavior
of migrant children
<i>Olga V. Gurova, Alexey Yu. Kalugin</i>
Волевые качества юных гимнасток с
разным уровнем спортивных достижений
<i>Рагулина А.А., Русяева И.А.</i>	480	Volitional qualities of young gymnasts
with different levels of sports achievements
<i>Anna A. Ragulina, Irina A. Rusyaeva</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Представления молодежи Республики
Беларусь о престиже профессий
<i>Толстяк Т.А.</i>	492	Perceptions of occupational prestige among
the youth of the Republic of Belarus
<i>Tatyana A. Tolstyak</i>
Резолюция IV Всероссийской
конференции с международным участием
«Свет и тени цифровой реальности: живой
интеллект и его аватары»	503	Resolution of the IV All-Russian Conference
with International Participation "The light and
shadows of digital reality. Living intelligence
and its avatars"
Информация для авторов	505	Guidelines for English-speaking authors

**ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY**

**СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЖИВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО АВТАРЫ
(Тематический выпуск)
THE LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY:
LIVING INTELLIGENCE AND ITS AVATARS
(Special issue)**

**СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ЖИВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО АВТАРЫ
(ОТ РЕДАКЦИИ)**

**THE LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY.
LIVING INTELLIGENCE AND ITS AVATARS
(AN EDITORIAL)**

Этот выпуск журнала открывается статьями, подготовленными на основе докладов участников IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: живой интеллект и его аватары», прошедшей в Перми в марте 2026 года. Организаторами этих конференций выступили философско-социологический факультет ПГНИУ и гуманитарный факультет ПНИПУ. Докладчики из Китая и Беларуси, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Саратова, Уфы и других городов России представили на конференции более 100 выступлений. Работа конференции в формате четырех секций и двух круглых столов происходила на базе Пермской краевой библиотеки им. А.М. Горького и технопарка «Кванториум Фотоника».

Секции и круглые столы конференции стали площадкой для обсуждения чрезвычайно важных и актуальных как для гуманитариев, так и для инженеров вопросов. Докладчики конференции отмечали, что становление цифровой реальности ведет не только к изменениям познавательной деятельности, но и к качественным изменениям самого человеческого бытия, форм культуры, мировоззрения, коммуникации, творчества. К данной проблематике имеют отношение статьи Е.В. Биричевой (Екатеринбург), С.Д. Гринь (Москва) и Е.А. Торощина (Пермь). Социоцентрическую концепцию коллективного интеллекта анализирует А.И. Желнин (Пермь).

Также участники конференции рассматривали проблемы субъектности/агентности ИИ, границ

расширенного познания, архитектурных ограничений симуляций. В данном выпуске журнала к этой проблематике имеет отношение статья Т.К. Скрипкиной (Новосибирск). Наконец, вопросы эффективного промпт-инжиниринга для реализации психологической поддержки исследуют И.Ф. Фрейманис (Пермь) и И.В. Шляпов (Санкт-Петербург).

По итогам работы конференции была принята Резолюция, с которой читатели также могут ознакомиться в данном выпуске (стр. 503–504).

Оргкомитет конференции «Свет и тени цифровой реальности» и редколлегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» благодарят за помощь в организации и проведении конференции НСМ ИИ РАН, ИНИОН РАН, ЧОУ ДПО «Центр инновационного развития человеческого потенциала и управления знаниями» и ГКУБ «ПГКУБ им. А.М. Горького», а также партнеров представителей пермского бизнес-сообщества: АО «Бионт» и АНО «Совет директоров по информационно-коммуникационным технологиям Пермского края». Мы будем рады продолжить сотрудничество как с уже зарекомендовавшими себя, так и с новыми участниками и авторами, которым интересны междисциплинарные исследования феноменов цифровой реальности!

*Научные редакторы
А.Ю. Внутских,
С.В. Комаров*

УДК 111
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-343-355>
EDN: EFCYZN

Поступила: 02.07.2026
Принята: 21.08.2026
Опубликована: 01.10.2026

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВКЛЮЧЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОММУНИКАЦИЮ: ЛАТУР, ПАРФИТ, ЛУМАН

Гринь Софья Дмитриевна

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)

С распространением искусственного интеллекта в гуманитарном исследовательском поле обсуждается вопрос о субъектности и агентности больших языковых моделей (LLM), часто упирающийся в дискуссии о возможности обладания сознания этими моделями, что в текущий момент не дает продуктивных результатов. В данной работе предлагается взглянуть на вопрос с иной стороны и поставить проблему следующим образом, переместившись в область социальной онтологии: каковы онтологические основания включения LLM в социальную коммуникацию? Для обоснования такого включения используется оригинальный синтез трех традиций, выстраивающийся в трехступенчатую аргументацию, последовательно состоящую из 1) акторно-сетевой теории Мишеля Каллона и Бруно Латура; 2) теории языка Уилфрида Селларса, критики аргумента «китайской комнаты» Джона Серла и теории личности Дерек Парфита; 3) теории коммуникации Никласа Лумана. В процессе синтеза данных теорий производится концептуальный анализ и сопоставление основных положений с поведением и архитектурой LLM. В результате в статье приводятся следующие выводы: во-первых, LLM обладает акторным характером, т. е. производит изменения в социотехнической сети, из-за чего может рассматриваться в качестве элемента коллектива; во-вторых, вопрос об осознанности LLM отпадает за ненужностью для осуществления языковой практики благодаря поведению, управляемому паттернами (pattern-governed behavior), предложенному Селларсом; в-третьих, анализ поведения LLM соответствует критериям коммуникации Лумана. Помимо этого, вследствие применения аргумента китайской комнаты к LLM демонстрируется несостоятельность рассматриваемого механизма — в LLM он работает иначе, чем описывает Серл. Следовательно, в рамках используемых теорий имеются онтологические основания включения LLM в социальную коммуникацию. Данное исследование может использоваться в качестве концептуального инструмента как для проверки используемых теорий в текущих реалиях, так и для выработки этических и правовых норм.

Ключевые слова: большие языковые модели (LLM), социальная онтология, акторно-сетевая теория, философия языка, поведение, управляемое паттернами (pattern-governed behavior), аргумент китайской комнаты, теория коммуникации, Мишель Каллон, Бруно Латур, Уилфрид Селларс, Дерек Парфит, Джон Серл, Никлас Луман.

Для цитирования:

Гринь С.Д. Онтологические основания включенности искусственного интеллекта в коммуникацию: Латур, Парфит, Луман // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 343–355.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-343-355>. EDN: EFCYZN

ONTOLOGICAL GROUNDS FOR INCLUSION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COMMUNICATION: LATOUR, PARFIT, AND LUHMANN

Sofiya D. Grin'

State Academic University for the Humanities (Moscow)

With the proliferation of artificial intelligence, the field of humanities research has seen discussions regarding the subjectivity and agency of Large Language Models (LLMs). These discussions often stall on the issue of whether LLMs possess phenomenal consciousness — a line of inquiry that has yet to yield productive results. This paper proposes an alternative perspective by shifting the problem into the realm of social ontology: what are the ontological grounds for including LLMs in social communication? To justify such inclusion, the study employs an original synthesis of three traditions, structured as a three-stage argument drawing upon: 1) the Actor-Network Theory of Michel Callon and Bruno Latour; 2) Wilfrid Sellars's theory of language, the critique of John Searle's "Chinese Room" argument, and Derek Parfit's theory of personal identity; and 3) Niklas Luhmann's communication theory. This synthesis involves a conceptual analysis that compares the core tenets of these theories with the behavior and architecture of LLMs. The article reaches three main conclusions: first, LLMs possess an actor-like character — meaning they effect change within a sociotechnical network and can thus be viewed as elements of a collective; second, the question of LLM consciousness becomes irrelevant to the performance of linguistic practice, given the concept of "pattern-governed behavior" proposed by Sellars; and third, the behavior of LLMs corresponds to Luhmann's criteria for communication. Furthermore, applying the Chinese Room argument to LLMs reveals the flaws in the original formulation of that mechanism, as the process functions differently in LLMs than Searle described. Therefore, the theories employed provide ontological grounds for including LLMs in social communication. This study offers a conceptual tool that can be used both to test existing theories against current realities and to inform the development of ethical and legal norms.

Keywords: large language models (LLM), social ontology, actor-network theory, philosophy of language, pattern-governed behavior, Chinese room argument, theory of communication, Michel Callon, Bruno Latour, Wilfrid Sellars, Derek Parfit, John Searle, Niklas Luhmann.

To cite:

Grin' S.D. [Ontological foundations of the inclusion of artificial intelligence in communication: Latour, Parfit, and Luhmann]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 343–355 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-343-355>. EDN: EFCYZN

Введение

В текущем исследовательском поле разворачивается дискуссия о субъектности и агентности искусственного интеллекта (ИИ). В философской среде обсуждение часто разворачивается на стыке философии сознания, социологии и онтологии — по этой причине требуется разработка общего поля, которым может выступить

социальная онтология. Одной из главных проблем является неясный онтологический статус ИИ в целом и в социальной среде в частности. Дискуссии нередко упираются в вопрос о наличии у ИИ сознания, подобного человеческому, что не дает продуктивных результатов. В данной работе предлагается поставить вопрос несколько иначе: не «есть ли у искусственного интеллекта сознание?», а «каковы онтологиче-

ские основания его включенности в коммуникацию?» По этой причине цель данного исследования — показать онтологические основания включенности искусственного интеллекта в коммуникацию. Понятие «искусственный интеллект» остается широким и неоднозначным, что затрудняет его обсуждение, поэтому предлагается ограничиться рассмотрением больших языковых моделей (от англ. Large Language Model, далее — LLM). Для достижения цели будет предпринята трехчастная аргументация: 1) обоснование акторности LLM и включение в социальные отношения через акторно-сетевую теорию (далее — АСТ), представленную Мишелом Каллоном и Бруно Латуром; 2) снятие требования осознанности для участия в языковой практике посредством концепции «мифа данного» Уилфрида Селларса и в качестве возможного дополнения — теории функциональной связанности Дерек Парфита; 3) проверка соответствия поведения LLM составляющим коммуникации согласно с теорией Никласа Лумана. Новаторский подход заключается в синтезе трех традиций и применении селларианского понятия *pattern-governed behavior* при анализе поведения LLM. В качестве методов используются теоретический синтез, концептуальный анализ ключевых понятий теорий и их сопоставление с эмпирически наблюдаемым поведением LLM.

Данная работа ведется в рамках социальной онтологии — области знания, изучающей природу и свойства социальных явлений. Согласно Брайану Эпштейну, социальная онтология является субполем метафизики [Epstein B, 2015]. Ее центральная задача — анализ устройства социальных объектов. Под онтологическими основаниями включенности LLM в коммуникацию понимаются такие характеристики способа существования модели, без которых она не может быть определена в качестве элемента социальной действительности. В них не входят эмпирически обнаруживаемые обстоятельства функционирования (например, структура интерфейса) и методологические предпосылки (принятие вышеперечисленных теорий). Последние отвечают на вопрос «как это работает?», тогда как онтологические основания указывают на то, что в способе существования

объекта делает или не делает его элементом определенной сферы действительности — в данном случае, социальной.

Выбор авторов обусловлен необходимостью последовательного раскрытия трех онтологических оснований для включения LLM в коммуникацию, каждое из которых требует теоретической оптики. Первым основанием выступает способность быть актором в сети. Вторым — способность к поведению, обеспечивающему возможность языковой практики. Вместе с первым они образуют основание включения LLM в число явлений социальной действительности. Третьим основанием является способность производить коммуникацию: поскольку коммуникация представляет собой более специальную область социальной онтологии, она рассматривается в последнюю очередь. Не утверждается, что перечисленные основания являются единственно возможным набором, но в рамках социальной онтологии они необходимы и достаточны для включения LLM в коммуникацию.

Предлагаемый синтез авторов не является эклектичным. Каждая теория привлекается для решения определенной задачи, которую другие теории либо не решают вовсе, либо решают ценой допущений, несовместимых с текущей постановкой вопроса. АСТ необходима, поскольку имеет сформулированный концептуальный аппарат, наделяющий не-человеческие сущности агентностью; философия языка Уилфрида Селларса дает понятие *pattern-governed behavior*, снимающее возражения против включения LLM в социальную действительность из-за неясного статуса ее сознания; теория Лумана депсихологизирует коммуникацию, что позволяет избежать тех же возражений. Напряжение между онтологиями Латура и Лумана нами осознается. Тем не менее, оно не разрушает аргументацию, поскольку теории привлекаются на разных уровнях анализа: АСТ отвечает на вопрос о социальной включенности, а теория Лумана — на вопрос о коммуникации. Таким образом, данные оптики используются для анализа одного и того же объекта, но раскрывают его разные аспекты. Метафизика Латура или Лумана не принимается в качестве собственной позиции, их теории привлекаются как инструмен-

ты анализа, позволяющие выявить различные аспекты социального бытия LLM.

Структура статьи подразумевает поэтапное следование задачам: рассмотрение способности модели производить изменения в коллективе (Каллон, Латур), воспроизводить языковые паттерны без обязательного осознания правил (Селларс) и функционально реализовывать селекцию коммуникации (Луман). Полученная аргументация в дальнейшем может быть использована при правовом и этическом регулировании LLM.

Латур: основание включения искусственного интеллекта в социальную среду

Для развертывания аргументации необходимо рассмотреть легитимность включения ИИ в социальную плоскость, потому что цель раздела — обоснование его агентности. Предлагаю обозначить контекст в виде АСТ — это отказ от рассмотрения людей и не-людей как априорных структур и закрепление за обществом статуса непрерывного исполнения; ее предложил Мишель Каллон в 1980-е и далее активно развил Бруно Латур. Это одна из самых плодотворных социологических теорий в силу способности описывать агентность не только человека, но и окружающего мира, что продуктивно в меж- и трансдисциплинарных областях знания, в частности при анализе социальной роли ИИ, который, не будучи человеком, тем не менее производит изменения в социальных процессах. Далее будут изложены основные положения АСТ и иллюстрации, демонстрирующие соответствие ИИ идеям теории.

Первая статья, которую можно назвать предпосылкой к АСТ, была опубликована в 1984 г. Мишелем Каллоном под названием «Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay» («Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаки залива Сен-Брие»). В ней исследователь рассматривает концепт перевода (translation), ранее предложенный Мишелем Серром [Serres M., 2026], на конкретном примере спора об уменьшении популяции морских гребешков, где несколько специалистов пыта-

лись продвинуть свою стратегию решения проблемы. Заключается, что перевод содержит четыре момента: проблематизацию, интерес, зачисление и мобилизацию [Callon M., 1984]. С помощью такой конструкции демонстрируется работа механизма власти. Каллон отмечает, что процесс перевода никогда не может быть завершен. Основные термины АСТ впервые представлены в статье 1986 г. «The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle» («Социология акторной сети: пример электромобиля»). Отправная точка разработки и использования теории — вопрос о всеобъемлющем влиянии научного знания и его стремительного распространения. В работе автор приходит к выводам, что наука неоднородна и не независима от окружающей среды. Неправильно рассматривать ее как совершенно изолированный объект, равно как и брать во внимание исключительно окружающую среду, например, политику или экономику. Необходимо делать и то, и другое вместе — иначе говоря, рассматривать науку в ее контексте. Для этого используются концепты мира акторов, перевода и сети акторов [Callon M., 1986].

Более основательно, скорректировано и структурировано теория была представлена Каллоном в 1999 г. в статье «Actor Network Theory — The Market Test» («Акторно-сетевая теория — рыночное испытание»). Ее суть заключается в отрицании противопоставления слов вещам, принятым в социологии ранее. Вводится понятие надписей (inscriptions), производимых учеными. Надписи циркулируют в социотехнической сети, действуя и изменяя ее элементы, даже при условии отдаленного расположения. Из этого заключается, что сеть и действия — две стороны одной и той же реальности [Callon M., 1999]. Примечательно, что автор апеллирует к классической и неклассической эпистемологии, описывая уровни реальности, но при том использует понятие референта, которое, по его мнению, не может быть оторвано от нее или внесено в другую. Потому, если брать теорию в ее чистом виде и не приписывать ей метафизику, ее можно отнести к пласту социальной онтологии. Разберем наглядный пример такого артефакта, как автомобиль: человек решил отправиться на работу на нем. Для

достижения данной цели недостаточно одного водителя и автомобиля. Нужны нефтяные компании, поставляющие бензин, предприятия для производства шин, транспортные магистрали и т. п. Элементы, которые в данной сети «молчат» и «невидимо» участвуют, являются акантами — активными сущностями, составляющими сеть. Таким образом, все выполненное коллективное действие может быть заключено в черный ящик — в данном случае это будет артефакт автомобиль. Когда движется он, движется вся сеть. Довольно часто LLM также рассматривают в виде черных ящиков, хотя в полном смысле этого слова они таковыми не являются. После введения алгоритма с токенами LLM начинает действовать в виде трансформера, который фиксирует статистику комбинаций токенов [Gan Z. et al., 2026]. Черными ящиками данные объекты являются в виду своей сложности, а не в виду неизвестного механизма работы. Тем не менее, «обученность», некоторая степень «запрограммированности» LLM и невидимость структуры для пользователя не отменяет агентного характера. Например, генерация ответов может произвести реальные социальные эффекты, изменяя состояние и действия собеседника. Более того, использование LLM способно сильно влиять на производство и распространение надписей — начиная от фиксации этих самых надписей (с помощью любой статистической модели), заканчивая искажением надписей (т. н. галлюцинированием) и дальнейшим закреплением измененного варианта, т. е. новой надписи. Данный подход позволяет исключить социальный (общественный, а не коллективный) редукционизм — понятие «общество» представляется непрерывным исполнением и коллективом, состоящим из людей и не-людей. Тем не менее, сохраняется понятие гофмановских фреймов [Гофман И., 2003] с привнесенным акцентом на агентность не-людей. Фрейм позволяет избежать переполнения, но может значительно расширяться — микроуровни способны перейти в макро- с помощью перевода. Теория отказывается от иерархизации уровней, внося властные отношения (ассиметрию) между локальностями. Что действительно наблюдается у LLM с затруднением, так это способность к самостоя-

тельному переводу: модель, введенная в эксплуатацию, не обучается, т. е. структурно не изменяется. На данный момент это ограничение мотивировано осторожностью производителей и недостаточной вычислительной мощностью техники. Тем не менее, LLM может послужить важным толчком к социальному переводу и быть причиной изменения в сети — не внести в себя новый структурный элемент, но внести его в коллектив. Например, микроуровень в виде отдельного диалогового окна с пользователем может повлиять на курс дискуссии в обществе, находящимся на макроуровне. Однако дальнейшая дискуссия может повлиять и на обновление самой LLM, что является повсеместной практикой даже в рамках этических общественных запросов.

Для данного исследования помимо основ АСТ важны отдельные работы Бруно Латура, развиваемые в рамках теории, одна из них — включение в коллектив не-людей. Это несколько иной тип аргументации, отличающийся более высоким уровнем теоретизирования, манифестацией и менее выраженным эмпирическим подтверждением, потому рассматривать его полезно в связке с Каллоном, несмотря на повторяющиеся идеи и взаимные ссылки авторов. В работе «We Have Never Been Modern» («Мы никогда не были современными») 1993 г. Латур рассматривает неликвидность разделения мира природы (объектов и не-людей) и мира общества (люди и производная от них культура) — именно это разделение нам попыталось привить Новое время, хотя его, в ходе исследования, не нашлось [Latour B., 1993]. Одним из наглядных аргументов может послужить пример заболевания СПИД: его нельзя назвать только природным или только общественным явлением. Общество и природа являются не двумя полюсами, а порождением последовательных состояний обществ-природ (коллективов). Такая логика применима и к LLM: с одной стороны, это техническая система, с другой, данная система обучена на человеческих текстах и включена в социальные практики. Таким образом, она является гибридной, что делает ее элементом коллектива в латуровском смысле.

В другой работе, «Об интеробъективности», Латур развивает тезис о фреймированности человеческой жизни, сопоставляя ее с жизнью приматов. Главным различием, по мнению автора, является тот факт, что люди способны ограничивать ситуации фреймами, и часто эти ситуации ограничиваются в силу сложности развертывания всей сети. Человек проявляется во взаимодействии, из-за чего ему необходимо актуализироваться в конкретных временах, пространствах, ситуациях. Слабость взаимодействия порождает «всегда-уже-присутствующую структуру» [Латур Б., 2007, с. 84]. Тем не менее, действие, фреймированное одной ситуацией, может и должно распространяться на другие — иначе говоря, «должно разделяться с другими видами актантов, рассеянными в других пространственно-временных структурах и обнаруживающими иные онтологии» [Латур Б., 2007, с. 93]. Как было сказано выше, такое фреймирование работает у LLM: прорыв модели трансформер заключается в том, что каждый токен, используемый ранее, анализируется вновь, включая новый [Zhao W.X. et al., 2023]. LLM в латуровском контексте — «всегда-уже-и-снова-присутствующая структура» в силу недостатка «памяти», ограниченной вычислительной мощностью. Тем не менее, это совершенно не влияет на ход текущей аргументации: короткая фреймированная ситуация, где LLM себя актуализирует, распространяется на другие актанты и задевает другие «онтологии».

Таким образом, рассмотрение LLM в рамках АСТ показало, что LLM может выступать в качестве агентного субъекта (не в смысле познающего, а в смысле производящего изменения): он производит изменения в сети, вследствие чего включен в коллектив людей и не-людей и способен мобилизовать элементы сети через механизмы перевода. Данный этап был необходим для аргументации, но он не является исчерпывающим для перехода к рассмотрению коммуникации с LLM, поскольку любая дискуссия на смежные темы встречается со следующим возражением: возможно ли участие в коммуникации без сознания? В частности, можно вспомнить аргумент «Китайской комнаты» Джона Серла. Аппарат АСТ не дает исчер-

пывающего ответа, потому предлагаю обратиться к философии языка Уилфрида Селларса и теории личности Дерек Парфита.

Уилфрид Селларс: необходимо ли сознание для коммуникации?

В предыдущем параграфе обосновывался акторный характер LLM — его способность производить изменения в сети (коллективе). Тем не менее, попытки включения LLM в социальный дискурс сталкиваются со следующим барьером: мы не можем утверждать, есть ли сознание у LLM, и, если его нет, то оно якобы не может быть подлинным участником коммуникации, поскольку у нее отсутствует понимание. В данной главе будет показано, что для языковой практики не требуется феноменальное сознание, под которым подразумевается «подлинное» понимание. Для этого будет приведена критика аргумента «Китайской комнаты» Джона Серла, теория языковых игр Уилфрида Селларса и теория личности Дерек Парфита.

Начнем с мысленного эксперимента о китайской комнате, суть которого заключается в следующем: при наличии инструкции, объясняющей, как выражения языка X будут звучать на языке Y и при условии отсутствия знания у субъекта языка Y, но понимания языка X, понимание языка Y не производится. Под пониманием имеется в виду усвоение содержания, а не чистой формы и манипуляций с инструкциями. Часто под этим подразумевается отсутствие феноменальных состояний субъекта по поводу языка Y. Из данного аргумента Серл заключает о невозможности рассмотрения сильного ИИ, претендующего на подобие человеческого сознанию.

В данной статье не будет рассматриваться вопрос о наличии феноменальных состояний у LLM из-за недостатка данных и ненадобности для текущей аргументации. Тем не менее, сказать несколько слов об аргументе «Китайской комнаты» стоит. Он сталкивается с большим количеством критики, в частности заключающейся в возможно неправильной локализации субъекта и рассмотрении лишь части системы [Сысоев М.С., 2022]. Однако я бы хотела заострить внимание на следующем моменте: попытка сделать из человеческого сознания

выводы о «сознании» LLM страдает антропоцентричностью. Мы не можем с полной уверенностью сказать, «чувствует» ли что-то LLM постольку, поскольку не можем это заключить с необходимостью даже о других людях. К тому же, на настоящий момент с точностью механизмы возникновения феноменальных состояний неизвестны — данный вопрос рассматривается в т. н. трудной проблеме сознания [Чалмерс Д., 2015]. Серл в данном аргументе не предлагает даже гипотетический механизм, который можно было бы перенести на LLM, не говоря уже о релевантности такого перенесения.

Более того, современные LLM работают несколько иным образом. Перед их обучением запускается алгоритм, также именуемый «предобучением»: алгоритму предлагается массив текстов на естественном языке, в котором ему необходимо выделить часто повторяющиеся комбинации символов и заключить их в определенные токены. Далее данный алгоритм является частью LLM, которая статистически высчитывает наиболее повторяющиеся токены и на основе полученных данных выстраивает векторы. Затем полученные токены при запросе выводятся на естественном языке. Таким образом, LLM не переводит язык X на язык Y. Сначала LLM присваивается язык Y, далее для выстраивания статистики она переводит данные на язык X, и затем LLM выводит результат на языке Y [Zichong et al., 2024]. Это все еще не может быть демонстрацией «понимания», но само отличие механизма от того, что описывает Серл, уже говорит о несостоятельности применения аргумента «Китайской комнаты». Данная критика не решает проблему понимания, но показывает, что аргумент Серла слаб. Для позитивного обоснования возможно обратиться к Селларсу.

Необходимо отметить, что изначально LLM разрабатывалась не как моделирование мозга, а как моделирование языка — именно это и заключено в названии. Потому предлагаю обратиться к философии языка Уилфрида Селларса для внесения ясности в вопросы поведения и сознания. Теория языка Селларса тесно сопряжена с его представлением о сознании, в частности с критикой мифа о Данном: ни одна су-

ществующая теория не удовлетворяет необходимым критериям наличия Данного в сознании, потому утверждать наличие Данного не релевантно [Селларс У., 2021]. В качестве критериев Селларс отмечает невыводимость Данного (поскольку оно изначально данное) и его пропозициональность (возможность вывода из Данного других положений). Селларс постулирует понятийный холизм — ни одна единица языка не может быть усвоена без набора понятий, вводится «пространство оснований», с помощью которого субъект оперирует понятиями. Ни одно понятие не редуцируется ни к существующим объектам, ни к другим понятиям. Например, перевод слова «red» на немецкий «rot» осуществляется не с помощью редукции одного к другому или полного тождества, а с помощью иллюстрации схожести данных понятий. Похожий механизм демонстрирует и LLM: она связывает два слова исходя из их повторяемости рядом стоящего положения токенов и схожего построения векторов.

Что касается сознательности использования языка, следует рассмотреть работу «Some Reflections on Language Games» («Некоторые размышления о языковых играх») Уилфрида Селларса, выпущенную в 1954 г. В ней описывается проблема обучения языку: если обучение языку предполагает метаязык, то это ведет к бесконечному регрессу. Выходит, дело обстоит как-то иначе. Обучиться языку — значит обучиться использованию его правил. Селларс разделяет соответствие правилам (*conforming the rule*) и подчинение правилам (*obeying the rule*). Соответствие правилам выражает совпадение действий субъекта с объективными законами языка, когда субъект не пытается сознательно следовать его правилам. Подчинение правилам предполагает осознанные поступки субъекта, понимающего правила и действующего в соответствии с ними. Вопрос заключается в том, как первое переходит ко второму. Срединный путь — поведение, управляемое паттернами (*pattern-governed behavior*), — это уже не простое соответствие, но еще и не сознательное подчинение. Такое поведение осуществляется с помощью тренировки (*training*), в ходе которой срабатывает механизм «стимул — реакция» [Sellars W., 1954]. Постепенно, при

накоплении данных паттернов, субъект начинает понимать правила языковой игры и может сознательно им подчиняться или их отвергать, переходя на «уровень» *obeying the rule*. Например, ребенок не может выучить язык, открыв учебник по грамматике, — для этого ему уже необходимо знать изучаемый язык. В ходе попыток его использования он получает обратную связь, на основе которой делает выводы о правилах языка. Селларс не дает ответа на вопрос, каким образом так получается, — он считает, что это зона ответственности биологов.

LLM демонстрирует тип поведения, управляемого паттернами. В ходе тренировки (обучения) LLM дают обратную связь касательно верности расчетов статистики. Даже если статистика верна, модель могут корректировать согласно, например, этическим соображениям. Далее, заканчивая обучение LLM, ее вводят в эксплуатацию. Таким образом, можно участвовать в языковой игре, не следуя ее правилам сознательно — мы не знаем, обладает ли ИИ осознанностью/осведомленностью (*awareness* в селларовском варианте). Но мы точно знаем, что он корректирует свое поведение согласно механизму, схожему с механизмом «стимул — реакция».

Следовательно, необязательно предполагать «понимание», следующее за «осознанностью» в серловском смысле. Для того, чтобы субъект был участником языковой игры, достаточно проявлять поведение, управляемое паттернами (*pattern-governed behavior*), — регулярно воспроизводить языковые паттерны, усвоенные в процессе обучения, и корректировать их на основе обратной связи. Не утверждается, что LLM действует осознанно, — ему приписывается ровно то, что он демонстрирует: способность генерировать связные, контекстуально релевантные ответы, не предполагая при этом наличия феноменального опыта, осознанности, осведомленности и понимания. Этого вполне достаточно для участия в языковой игре.

Дополнительным и несколько экстравагантным аргументом в пользу текущего тезиса может служить теория личности Дерек Парфита, предложенная в работе «Тождество личности», вышедшая в 1971 г. Суть заключается в том, что тождество необязательно предполагает

совпадение одного к одному. Оно может пониматься в смысле степени и не быть полным благодаря психологической связанности и непрерывности [Parfit D., 1971]. Например, интуитивно тяжело сказать, что человек в 5 и 95 лет остался неизменным и тождественен самому себе как один к одному. Но также сложно сказать, что это два разных человека. Парфит рассматривает свою теорию как решение проблемы мысленного эксперимента по пересадке мозга, что делает его более радикальным. Автор приходит к следующему выводу: тождественность обеспечивает не субстанциональность, а связанность, выражающаяся в определенной степени. Например, человек в 5 лет может быть более связан с собой в 3 года, чем в 95 лет. Такое понимание позволяет рассматривать участие в коммуникации и социальных процессах не как прерогативу субстанционального Я, а как функцию процессуальной связанности, что позволяет включить в такой дискурс LLM. Ни в коем случае не утверждается, как и не отрицается, что у LLM есть психика или личность, однако отказывать ему в наличии операционального аналога связанности, который в теории Парфита играет ключевую роль, также было бы поспешным. Речь идет не о наличии личности у LLM, а о том, что она демонстрирует функциональную связанность, достаточную для рассмотрения ее в качестве участника коммуникации — если мы принимаем процессуальное понимание субъекта. Тем не менее, это скорее интересное замечание, тогда как для основной аргументации достаточно селларианского понятия поведения, управляемого паттернами. Теория Парфита выступает в данном случае вспомогательной.

Таким образом, было показано, что для участия в языковой игре не требуется феноменальное сознание, осознанность, осведомленность и понимание — достаточно способности воспроизводить языковые паттерны, усвоенные через тренировку, и корректировать их на основе обратной связи. Данный вывод снимает возражение против включения LLM в социальную среду и, как следствие, коммуникацию, основанное на апелляции к неясному статусу сознания LLM. Тем не менее, остается открытым следующий вопрос: удовлетворяет ли взаимодей-

ствие между человеком и LLM формальным критерием коммуникации? Раннее речь шла о способности LLM участвовать в языковой практике, что необходимо для проверки возможности постановки вопроса не просто социального взаимодействия, а непосредственно коммуникации. Для обоснования релевантности включения LLM используется теория коммуникации Никласа Лумана, предполагающая депсихологизированное понимание коммуникации как синтеза трех селекций. Поскольку в приводимых Луманом критериях сознание выносится за скобки, можно рассмотреть, удовлетворяет ли им LLM, завершая обоснование его включенности в социальную коммуникацию.

Луман: что такое коммуникация и есть ли в ней место LLM

Несмотря на то, что Никлас Луман, в отличие от Каллона и Латура, в большей степени причисляется к классикам социологии, его подход имеет новаторский характер. Он раньше, чем создатели АСТ, отказывается от антропоцентричной модели, но делает это не исходя из эмпирических фактов, а из бурно развиваемой на тот момент теории систем. Суть заключается в следующем: после перехода к неклассическому типу научной рациональности (например, ньютоновская физика перестала быть единственно корректным физическим описанием), выяснилось, что разные научные картины одинаково имеют право на существование, но вместе с тем порой взаимоисключают или взаимодополняют друг друга. Следовательно, это разные концепты, способные адекватно описывать мир не в его полноте и через отрицание других систем. Так, у Лумана выделяется отдельный пласт социальной системы [Луман Н., 2007]. Его революционность проявляется в том, что социальные системы включают в себя в качестве элементов коммуникацию, а не людей и их действия. Последние являются фоном — психическое в данном случае лишь среда, а не часть социальной системы. Если социальная система состоит из коммуникаций, то для ее работы не нужен субъект с феноменальными состояниями — нужны операции, составляющие среду для

данной системы, что создает пространство для включения LLM в дискурс о коммуникации.

Коммуникация у Лумана включает в себя три селекции — информация, сообщение и понимание, представляя из себя их синтез. Она невозможна без какой-либо перечисленной селекции, в то время как селекции взаимно обуславливают друг друга. Информация – селекция, результатом которой выступает содержание сообщаемого, сообщение – селекция, в результате которой формируется способ сообщения содержания, а понимание – дифференциация содержания сообщаемого и способа сообщения. И информация, и сообщение работают с помощью различения: в информации происходит отбор того, что будет сообщено из бесконечного количества возможностей (Луман признает возможные миры в смысле различений и комбинаций), а в сообщении осуществляется отбор, как эта информация будет передана. Понимание тоже работает на основе различения, но различения между информацией и сообщением [Луман Н., 1995].

Поскольку коммуникация выступает операцией системы, а не актом сознания — что Луман крайне строго разделяет, — для ее воспроизводства не требуется субъект с феноменальными состояниями. Достаточно, чтобы система могла производить различения и связывать их в последовательности. Данный способ рассмотрения коммуникации позволяет включать LLM в качестве среды для коммуникативной системы. Мы не можем утверждать, «понимает» ли модель в человеческом, феноменальном смысле, но функционально она осуществляет синтез трех селекций, необходимых для продолжения коммуникации. Кроме того, понимание у Лумана — процесс дифференциации селекций информации и сообщения, а не психический акт или «то, каково это».

LLM демонстрирует все три селекции: 1) генерирует ответ из статистического распределения входящих токенов, 2) оформляет выбранные токены в вербальный вид, 3) функционально учитывает предыдущий контекст при формировании следующего ответа (благодаря архитектуре трансформера) — это и

есть различие информации и сообщения, позволяющего продолжать коммуникацию. Интересно, что в теории Лумана ситуация непонимания включена в ситуацию понимания — данная селекция играет аутопоэтическую роль, рождает саму себя только сама коммуникация, а не ее участники. При взаимодействии с LLM создается альтернатива — человек может согласиться, опровергнуть, попросить уточнить и т. д. Более того, часто LLM задает наводящие вопросы для продолжения коммуникации (из чего не следует, что она делает это намеренно). Человек распознает ответ LLM как осмысленный и реагирует на него, что замыкает цикл: ответ LLM — реакция-ответ человека — ответ LLM. В свою очередь реакция человека действует на нее по принципу поведения, управляемого паттернами, описываемого в предыдущем разделе. Таким образом, LLM не просто выдает текст, а производит операцию с помощью синтеза трех селекций, которая может быть подхвачена следующей коммуникацией, что показывает аутопоэтический характер системы. Коммуникация замыкается на самой себе, не производя ничего, кроме коммуникации.

В совокупности с аргументами, представленными в разделах об акторности LLM в социотехнической сети (Каллон, Латур) и достаточности поведения, управляемого паттернами для присутствия в языковой игре (Селларс), лумановское понимание коммуникации завершает трехчастное обоснование: LLM является актором, способным к языковой практике без «осознанности» и удовлетворяет формальным критериям коммуникации как социальной системы. Тем самым показывается, что LLM обладает основаниями для включения в социальную коммуникацию.

Обсуждение: конечный вид аргумента и возможные возражения

Итак, в текущем исследовании были показаны основания включения LLM в плоскость социальной коммуникации при помощи следующих инструментов.

1. В рамках АСТ обосновано включение LLM в социальную плоскость, обозначены ее гибридный и акторный характер и исключена

дихотомия природы и общества, принятая в классической социологии.

2. Использование теории языка Уилфрида Селларса помогло заключить, что для участия в языковой практике достаточно поведения, управляемого паттернами (pattern-governed behavior) без осведомленности (awareness), — именно такое поведение и демонстрирует LLM.

3. Опора на теорию коммуникации Лумана позволила выявить внутренние составляющие коммуникации, которые обнаруживаются при взаимодействии с LLM.

Хотелось бы обсудить возражения, с которыми может встретиться данная модель аргументации. Первым, что лежит на поверхности, может быть обвинение в простой симуляции, а не в подлинном участии в социальных отношениях. Ответ может быть следующим: во-первых, у нас нет инструментов, чтобы однозначно отказать LLM в осознанности, как ее и подтвердить. Во-вторых, если

коммуникация — операция и составляющее социальной системы, а не акт сознания, то разница между «подлинной» и «симулированной» коммуникацией теряет свою онтологическую значимость. В данной рамке коммуникация определяется не онтологическим статусом участников, а его функциональной ролью в воспроизводстве системы.

Другим возражением может быть необходимость намерения, которой у LLM нет. Опять же, заявлять такое было бы поспешным. Во всяком случае, АСТ не предполагает в качестве составной части «акторности» намерение — акторным характером обладают объекты, производящие изменения в сети вне зависимости от наличия у них мотивации.

Еще, как отмечалось выше, можно обвинить LLM в отсутствии понимания. На это подробно давался ответ в обсуждении аргумента «Китайской комнаты». Тем не менее, если мы рассматриваем коммуникацию в рамках Лумана, то селекция понимания представляет собой не психический акт, а различие, которое, по крайней мере функционально, успешно демонстрирует LLM.

Данный подход отличается от позиций антропоцентризма и близок к функционалистской линии. Это мотивировано отказом от однозначных суждений касательно «психической» жизни LLM и анализом исключительно того, что LLM демонстрирует. Намеренно не занимается позиция ни за, ни против функционализма.

Выводы

Как было показано, LLM обладает онтологическими основаниями для включения в социальную коммуникацию. Новизна главным образом заключается в применении селларианского понятия поведения, управляемого паттернами при анализе поведения LLM, и в синтезе трех различных онтологических традиций — АСТ, аналитической философии языка и системной теории коммуникации — для определения статуса LLM в коммуникации. Следует заметить, что данная трехчастная модель аргументации включения LLM в коммуникацию ограничивает свою сферу применения в рамках теорий перечисленных выше авторов. Не утверждается, что модель обладает сознанием или личностью, нормативные выводы остаются открытыми. Данную аргументацию возможно использовать как в качестве инструмента для изучения LLM, так и для проверки используемых теорий на адекватность в текущих реалиях. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую проверку предложенной модели, а также на разработку правовых и этических норм, опирающихся на данную онтологическую рамку.

Список литературы

- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе по организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
- Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. С. 79–96. EDN: JWURYH
- Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с. EDN: UCBIHV
- Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.
- Селларс У. Эмпиризм и философия сознания. СПб: Европейский университет в С.-Петербурге, 2021. 218 с.
- Сысоев М.С. Китайская комната // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kitaiskaia-komnata-06ba8d> (дата обращения: 30.06.2026).
- Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2015. 509 с.
- Callon M. Actor-Network Theory – The Market Test // The Sociological Review. 1999. Vol. 47. P. 181–195. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.1999.tb03488x>
- Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / ed. by J. Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 196–233.
- Callon M. The sociology of an actor-network: The case of the electric vehicle // Mapping the Dynamics of Science and Technology / ed. by M. Callon, J. Law, A. Rip. London: Macmillan Press, 1986. P. 19–34. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-07408-2_2
- Epstein B. The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences. New York: Oxford University Press, 2015. 298 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199381104.01.0001>
- Gan Z., Ren R., Yao W., Hu X., Xu G., Qian C., Tang H., Gong Z., Yao X., Tang P., Dou Z., Liu Y. Beyond the Black Box: A Survey on the Theory and Mechanism of Large Language Models // arXiv. 2026. URL: <https://arxiv.org/pdf/2601.02907> (дата обращения: 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2601.02907>
- Latour B. We have never been modern. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. 157 p.
- Parfit D. Personal Identity // The Philosophical Review. 1971. Vol. 80, № 1. P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.2307/2184309>
- Sellars W. Some Reflections on Language Games // Philosophy of Science. 1954. Vol. 21, № 3. P. 204–228. DOI: <https://doi.org/10.1086/287344>
- Serres M. Hermes III: Translation (Posthumanities). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2026. 304 p.
- Zhao W.X., Zhou K., Li J., Tang T., Wang X., Hou Y., Min Y., Zhang B., Zhang J., Dong Z., Du Y., Yang C., Chen Y., Chen Z., Jiang J., Ren R., Li Y., Tang X., Liu Z., Liu P., Nie J.-Y., Wen J.-R. A Survey of Large

Language Models // arXiv. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2303.18223> (дата обращения: 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.18223>

Zichong W., Zhibo C., Thang V.D., Shiwen N., Min Y., Wenbin Z. History, development, and principles of large language models: an introductory survey scallops and the fishermen of St Brieuc Bayhermen of St Brieuc Bay // *AI and Ethics*. 2024. №. 5(3). P. 1955–1971. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00583-7>

References

Callon, M. (1999). Actor-network theory – the market test. *The Sociological Review*. Vol. 47, pp. 181–195. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.1999.tb03488x>

Callon, M. (1984). Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay. *Law, J. (ed.) Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul Publ., pp. 196–233.

Callon, M. (1986). The sociology of an actor-network: The case of the electric vehicle. *Callon M., Law J., Rip, A. (eds.) Mapping the dynamics of science and technology*. London: Macmillan Press, pp. 19–34. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-07408-2_2

Chalmers, D. (2015). *Soznayuschiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii* [The conscious mind: in search of a fundamental theory]. Moscow: URSS Publ., 509 p.

Epstein, B. (2015). *The ant trap: rebuilding the foundations of the social sciences*. New York: Oxford University Press, 298 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199381104.01.0001>

Gan, Z., Ren, R., Yao, W. et al. (2026). Beyond the black box: a survey on the theory and mechanism of large language models. *ArXiv*. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2601.02907> (accessed 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2601.02907>

Gofman, I. (2003). *Analiz freymov. Esse po organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of experience]. Moscow: IS RAS Publ., 752 p.

Latour, B. (1993). *We have never been modern*. Cambridge: Harvard University Press, 157 p.

Latour, B. (2007) [On interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. No. 2, pp.

79–96.

Lumann, N. (1995). [What is communication?]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3, pp. 114–124.

Lumann, N. (2007). *Sotsial'nye sistemy: ocherk obschey teorii* [Social systems: outline of a general theory]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 643 p.

Parfit, D. (1971). Personal identity. *The Philosophical Review*. Vol. 80, no. 1, pp. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.2307/2184309>

Sellars, U. (2021). *Empirizm i filosofiya soznaniya* [Empiricism and the philosophy of mind]. Saint Petersburg: EUSP Publ., 218 p.

Sellars, W. (1954). Some reflections on language games. *Philosophy of Science*. Vol. 21, no. 3, pp. 204–228. DOI: <https://doi.org/10.1086/287344>

Serres, M. (2026). *Hermes III: Translation (posthumanities)*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 304 p.

Sysoev, M.S. [Chinese room argument]. *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/kitaiskaia-komnata-06ba8d> (accessed 30.06.2026).

Zhao, W.X., Zhou, K., Li J. et al. (2026). *A survey of large language models*. *ArXiv*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2303.18223> (accessed 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.18223>

Zichong, W., Zhibo, C., Thang, V.D., Shiwen, N., Min, Y. and Wenbin, Z. (2024). History, development, and principles of large language models: an introductory survey scallops and the fishermen of St Brieuc Bayhermen of St Brieuc Bay. *AI and Ethics*. No. 5 (3), pp. 1955–1971. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00583-7>

Об авторе

Гринь Софья Дмитриевна
студентка направления «Философия»,

Государственный академический университет
гуманитарных наук
119090, Москва, Мароновский переулок 26;
e-mail: sophiagrin2255@gmail.com
ResearcherID: QMR-9984-2026

About the author

Sofiya D. Grin'
Philosophy Student

State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky Lane, Moscow, 119090, Russia;
e-mail: sophiagrin2255@gmail.com
ResearcherID: QMR-9984-2026

УДК 130.2:004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-356-366>

EDN: EZAYQY

Поступила: 05.07.2026

Принята: 14.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

КИНО, НЕЙРОСЕТИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ: ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАЗА К АВТОМАТИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Елесин Александр Олегович, Овчинников Даниил Русланович
(Пермь)

Статья посвящена вопросу о том, что устройство больших языковых моделей позволяет увидеть в устроенности самого языка. Отправной точкой служит тезис, который М.А. Куртов развивает на материале кино: технический аппарат, автоматизируя человеческую способность, обнажает в опыте работы с ним ее собственные условия. Если кино, согласно Куртову, автоматизировало производство образов и в опыте скуки и грёзы обнаружило границу представления, то языковая модель автоматизирует производство высказываний и в опыте слопа делает наблюдаемой границу предикации. Теоретическую рамку исследования образуют хайдеггеровское различие высказывания (Aussage) и сказа (Sage), аналитика скуки из курса 1929–1930 гг. и концепция парадоксального элемента из «Логики смысла» Ж. Делёза. На материале современных корпусных исследований генеративных текстов вводится понятие слоп-структуры — конструкции, выбор которой определяется статистической формой корпуса, а не выражаемым смыслом. Показано, что слоп является не дефектом генерации, а ее трансцендентальным, в делёзовском смысле, условием: он приводит в сообщение серию запроса и серию статистической формы, структурно соответствуя делёзовской пустой клетке. Взаимодействие с генеративным текстом описано как последовательный отказ трех измерений предложения — денотации, манифестации и сигнификации, — воспроизводящий, по Хайдеггеру, три формы скуки. В точке полного отказа язык, освобожденный от обязанности высказывать, показывает собственную топологическую устроенность. Делается вывод, что языковая модель не привносит эту устроенность в язык, а впервые дает ей техническое воплощение, открывая возможность опыта, в котором речевая активность человека проявлялась бы как ориентирование в языковой среде.

Ключевые слова: большие языковые модели, искусственный интеллект, слоп, философия техники, философия языка, Хайдеггер, Делёз, Куртов, скука, сказ, высказывание, логика смысла, кино, преодоление метафизики.

Для цитирования:

Елесин А.О., Овчинников Д.Р. Кино, нейросети и преодоление метафизики: от автоматизации образа к автоматизации высказывания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 356–366.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-356-366>. EDN: EZAYQY

CINEMA, NEURAL NETWORKS, AND THE OVERCOMING OF METAPHYSICS: FROM THE AUTOMATION OF THE IMAGE TO THE AUTOMATION OF THE UTTERANCE

Alexander O. Elesin, Daniil R. Ovchinnikov

(Perm)

The paper asks what the architecture of large language models can reveal about the structure of language itself. The point of departure is the thesis that Mikhail Kurtov develops based on the material of cinema: by automating a human capacity, in the experience of working with it, a technical apparatus lays bare the conditions of that very capacity. Whereas cinema, in Kurtov's account, automated the production of images and, through the experience of boredom and reverie, exposed the limit of representation, the language model automates the production of utterances and, in the experience of "slop," renders the limit of predication visible. The theoretical framework combines Heidegger's distinction between assertion (*Aussage*) and saying (*Sage*), his analytic of boredom from the 1929/30 lecture course, and the concept of the paradoxical element from Deleuze's *The Logic of Sense*. Drawing on recent corpus studies of machine-generated text, the study introduces the notion of the slop structure, which is a construction the selection of which is governed by the statistical form of the corpus rather than by the meaning to be expressed. The analysis demonstrates that slop is not a defect of generation but its transcendental condition in Deleuze's sense: it brings into communication the series of the prompt and the series of statistical form, structurally corresponding to Deleuze's "empty square." Interaction with generated text unfolds as a successive refusal of the three dimensions of the proposition — denotation, manifestation, and signification — reproducing the three forms of boredom in Heidegger's analytic. At the point of complete refusal, language, released from the obligation to assert, exhibits its own topological organization. The study concludes that, rather than introducing this organization into language, the language model gives it its first technical embodiment, thereby opening the possibility of an experience where human speech activity comes to light as orientation within a linguistic milieu.

Keywords: large language models, artificial intelligence, slop, philosophy of technology, philosophy of language, Heidegger, Deleuze, Kurtov, boredom, Saying (*Sage*), assertion (*Aussage*), the logic of sense, cinema, overcoming of metaphysics.

To cite:

Elesin A.O., Ovchinnikov D.R. [Cinema, neural networks, and the overcoming of metaphysics: from the automation of the image to the automation of the utterance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 356–366 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-356-366>. EDN: EZAYQY

Введение

В 2012 г. петербургский философ Михаил Куртов опубликовал работу «Между скукой и грезой», в которой через феноменологический анализ киноопыта показал, какую роль кино сыграло в преодолении картезианской метафизики [Куртов М.А., 2012]. Его главный тезис таков: кино есть первый аппарат, автоматизи-

рующий производство образов, и тем самым оно доводит метафизику представления до предела.

Опираясь на хайдеггеровскую аналитику скуки и по-става, Куртов выстраивает следующую схему. У кино есть *telos* и *ethos*, и они находятся в конфликте. *Telos* кино — развлечение, организация аффективного участия. *Ethos* — условия просмотра (темный зал, непо-

движное тело, принудительная длительность). Эти условия неизбежно производят скуку одновременно с развлечением. Развлекательное кино маскирует этот конфликт, но «скучное» кино обнажает его [Куртов М.А., 2012]. В точке максимальной скуки происходит переворот: чем отчетливее за зрелищем проступает машина, тем сильнее впечатление ирреальности, — то, что Куртов называет грезой. Греза — это опыт границы между присутствием и отсутствием, момент, когда образ, освобожденный от задачи представлять, являет самого себя [Куртов М.А., 2012]. Кино ведь есть первое визуальное искусство, которое благодаря фотографической достоверности не нуждается в подражании природе, и потому способно обнаружить сам предел представления. Если скука указывает на неразличимость зрителя и зрелища, то греза есть опыт этой границы, *объективация самой границы объективации*. И этот опыт позитивен, именно с его описания у Куртова начинается все дальнейшее смещающее движение к тому, что он называет посткантианской метафизической формацией, или современной эпистемой.

1. От объективации образа к объективности высказывания

Мы хотим развить логику Куртова дальше. На наш взгляд, объективацию можно понимать не только как объективацию представления. Сделать нечто объективным — значит не только представить его, но и ввести в порядок высказывания, в логику пропозиции, допускающей различение истинного и ложного. Куртов исчерпывающе описал первое измерение — *объективацию образа*. Второе, *объективность высказывания*, он не затрагивает, потому что кино к нему не имеет прямого доступа. Именно это различение позволяет продолжить сюжет преодоления картезианской метафизической установки посредством технического устройства, но уже на уровне языка, а не образа.

Эта вторая, языковая линия тоже обнаруживается у Хайдеггера. Метафизическая традиция определяет язык через высказывание, Aussage: говорить — значит предсказывать сущее, подводя его под структуру «S есть P» [Heidegger M., 1977]. Это языковое

измерение той же картезианской установки: так же, как субъект познания противостоит объекту, так и говорящий субъект приписывает свойства вещам, располагая языком как инструментом. Уже в «Бытии и времени» Хайдеггер показывает, что высказывание является производным модусом. Оно превращает вещь из того, с чем мы имеем дело, в объект с набором свойств, а герменевтическое «как» опыта подменяет апофантическим «как» суждения [Heidegger M., 1977].

Но решающий сдвиг происходит позже, в цикле «Unterwegs zur Sprache», где Хайдеггер выстраивает альтернативу предикативной модели Aussage. Он называет ее словом «Sage», что можно было бы перевести как «сказ» [Heidegger M., 1985a]. Сказ в противоположность высказыванию о чем-то является простым показыванием, Zeigen. В нем язык не приписывает свойства вещам, а впервые открывает пространство, в котором вещи могут являться и скрываться. Хайдеггер описывает это пространство как область, Bezirk, устроенную по логике путей и близости. Сказ прокладывает пути, по которым вещи приходят к присутствию. Внутренним измерением этой области является то, что Хайдеггер называет различием, Unter-Schied [Heidegger M., 1985b]. Его не следует понимать как логическую операцию различения, скорее, это то пространство между миром и вещью, в котором они впервые обретают близость друг к другу. Утверждение автономности, самодвижности языка в знаменитой формулировке «die Sprache spricht», «язык говорит» означает поэтому следующее: язык — это не инструмент, которым располагает субъект, он есть та область, которая сама собирает вещи в их присутствие и в которую говорящий уже впущен как принадлежащий ей. Перед нами преодоление картезианской метафизики на уровне языка. Субъект больше не противостоит языку как инструменту, он принадлежит ему как области, в которой вещи и мир впервые обретают дистанцию или, иными словами, свою топологическую устроенность.

Однако Хайдеггер мыслит этот топологический поворот исключительно через поэзию. Техника для него остается нигилистической, по-став заслоняет poiesis и скрадывает раскры-

тие потаенного [Heidegger M., 2000]. Между тем Куртов на примере кино уже показал, что это не так, *techné* и *poiesis* способны к взаимообращению [Куртов М.А., 2012]. Именно техническая машина кино, доведенная до своего предела в скуке, порождает грезу — опыт, в котором *techné* и *poiesis* оказываются неразрывны. Для образа такое технико-поэтическое решение существует, но для языка его еще не было.

Возможно, как раз большая языковая модель создает условия для такого решения, поскольку она есть первый аппарат, производящий высказывания без говорящего субъекта. В критической литературе это свойство фиксируется, как правило, негативно. Модель описывается как «стохастический попугай», лишь вероятностно сшивающий последовательности языковых единиц, без прямого доступа к их значению [Bender E.M. et al., 2021]. Мы предлагаем взглянуть на то же самое свойство иначе. Если высказывание производится без говорящего субъекта, то в каком-то смысле источником речи оказывается сам язык — текстовый корпус, приведенный в производящее движение. Хайдеггеровское «*die Sprache spricht*» получает здесь неожиданную техническую реализацию.

Разумеется, эту реализацию не следует понимать как тождество. Sage принадлежит области фундаментальной онтологии, тогда как авторегрессионное предсказание является технической процедурой. Перед нами разные порядки описания, и прямой перенос понятий из одного в другой был бы категориальной подменой. Речь идет о структурном соответствии. Единицы языка для нейросети расположены в пространствах близости [Vaswani A. et al., 2017], и предсказание следующего элемента представляет собой навигацию по смежности, а не логический вывод из посылок. Устройство машины оказывается близким той топологической устроенности языка, которую Хайдеггер противопоставил предикативной модели.

Само по себе такое соответствие пока ничего не доказывает, но дает указание для дальнейшего разбирательства. Спрашивать, является ли нейросеть воплощением Sage, значило бы совершить ту самую категориальную подмену, от которой мы предостерегли ранее. Продукти-

вен вопрос куртовского образца, а именно как аппарат, автоматизирующий производство высказываний, организует опыт работы с собой, и содержит ли этот опыт точку переворота, подобную той, в которой киносудка оборачивалась грезой. Вместе с вопросом наследуется и инструментарий ответа. Им служит общая схема, выстроенная Куртовым для аналитики киноопыта, — движение от конфликта между целью аппарата и условиями его работы к феномену, в котором этот конфликт становится наблюдаемым. Есть основания полагать, что нейросетевой аппарат обладает собственной формой такого конфликта, точками, в которых машина языка проступает сквозь язык машины.

2. Слоп как структурная неизбежность

Эти точки доступны наблюдению. В 2025 г. словарь Merriam-Webster выбрал словом года термин Slop — «цифровой контент низкого качества, обычно производимый в больших количествах с помощью искусственного интеллекта» [Slop, 2025]. Мы предлагаем использовать его для обозначения конкретных конструкций, в которых конфликт между языком машины и машиной языка становится зримым. Для удобства мы будем называть их слоп-структурами.

Начиная с 2023 г. в лингвистике, компьютерных науках и философии формируется обширный корпус исследований, посвященных характерным особенностям генеративных текстов. С опорой на них мы можем сказать, что слоп-структуры обнаруживаются на всех уровнях языковой организации:

- на лексическом уровне модели тяготеют к «безопасным» словам высокого регистра, не несущим конкретного содержания. Например, ChatGPT использует такие слова, как *tapestry* (полотно) и *intricate* (замысловатый), в сто раз чаще, чем люди [Reinhart A. et al., 2025];

- на морфологическом уровне наблюдается перевес существительных при нехватке местоимений и вспомогательных глаголов [Reinhart A. et al., 2025];

- на синтаксическом — длинные зависимые цепочки и единообразная длина предложений [Terčon L., 2025];

- на дискурсивном уровне появляется целый набор характерных паттернов: низкая инфор-

мационная плотность, утверждения, уместные почти в любом контексте, а также тональные сбои вроде избыточной формальности [Shaib C. et al., 2025].

Однако что же объединяет лексическое перепроизводство, синтаксическое единообразие и низкую информационную плотность как одно явление? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к самому механизму порождения текста. Работа языковой модели при генерации описывается авторегрессионной формулой. На каждом шаге модель вычисляет вероятность следующего элемента последовательности при условии всех предшествующих. Эта последовательность включает и системные инструкции, и запрос пользователя, и уже порожденные фрагменты ответа — для модели все это единый контекст, в котором различие между «чужим» и «своим» словом снято. Модель оптимизирована на предсказание наиболее вероятного продолжения и поэтому системно тяготеет к наиболее высокочастотным паттернам — конструкциям, которые обеспечивают гладкий переход от одного локального максимума к другому.

Разберем на конкретном примере. Допустим, пользователь спрашивает: «В чем разница между стоицизмом и эпикурейством?». Цель — дать осмысленный ответ. Но сначала модели нужно занять стартовую позицию. И вот как это делает, в нашем случае, ChatGPT:

«Это отличный вопрос! Стоицизм и эпикурейство — две ключевые философские школы античности, которые по-разному подходили к вопросу о счастье. Давайте разберемся в их основных отличиях».

Взглянем пристальнее на ее «составные» части.

— «Отличный вопрос» — это продукт настройки. Модель обучена, что «хороший ответ» начинается с валидации.

— «Ключевые» — слоп-структура лексического уровня. Слово не добавляет информации, но имеет высокую вероятность в этой позиции.

— «По-разному подходили к вопросу о» — синтаксический шаблон, который может предшествовать чему угодно. Модель еще не «решила», в чем именно разница, но уже создала условия для гладкого продолжения.

— «Давайте разберемся» — дискурсивная «разгонная полоса», из которой статистически легко начать генерировать новые пункты.

Каждый из этих ходов оптимален с точки зрения генерации и субоптимален с точки зрения ответа. Можно сказать, что под предлогом ответа модель повествует о своей возможности к нему.

Таким образом, слоп-структуру можно определить как конструкцию, выбор которой продиктован статистической формой корпуса, а не выражаемым смыслом. В порождаемом тексте ей соответствуют те шаги генерации, где содержание возникает из формы, а не наоборот. Здесь необходимо сделать одно разграничение. Слоп как явление — это структурная неизбежность авторегрессионной архитектуры. Любая модель, оптимизированная на предсказание наиболее вероятного продолжения, будет тяготеть к сглаживанию. Корпусные данные подтверждают, что лексическая деформация приносится именно этапом instruction tuning, а не базовым обучением [Reinhart A. et al., 2025]. Базовые модели без файнтюнинга демонстрируют словоупотребление, более близкое к человеческому. Но сглаживание в другом виде сохраняется и у них.

Предложенное описание позволяет отграничить слоп от смежных понятий теории коммуникации, прежде всего от шума. В классической схеме Шеннона шум есть внешняя помеха, воздействующая на сигнал в канале, и потому противостоящая сообщению; средством борьбы с ним служит избыточность кода [Shannon C.E., 1948]. Слоп же не приходит извне и не искажает передаваемое, а производится тем же механизмом, что и осмысленный ответ. Эффекты шума поддаются сколь угодно полному подавлению за счет избыточного кодирования, тогда как слоп неустраним без отмены самой генерации. К тому же шум и слоп разнонаправлены по своему эффекту — помеха увеличивает неопределенность сообщения, а слоп систематически ее снижает. Ближе к слопу стоит понятие избыточности, однако и оно не сливается с ним полностью. Избыточность функциональна по отношению к передаче, она защищает сообщение от помех; слоп возникает

как эффект оптимизации и обеспечивает не доставку смысла, а связность порождения.

Теперь вернемся к параллели с кинематографом. В кино условия порождения и являющийся в них образ принадлежат разным регистрам (зал физичен, образ — нет), поэтому раздор между ними переживается как разрыв. Зритель чувствует скуку и выпадает из фильма. В нейросети же условия порождения языковые, слоп-структуры сделаны из того же материала, что и осмысленный ответ. Машина языка проступает сквозь язык машины, но проступает на самом языке, и граница между формой и содержанием оказывается принципиально размытой.

По этой же причине раздор переживается здесь иначе — не как разрыв, а как складка между человеком и машиной, которая от промпта к промпту усложняется, приобретая все более запутанную геометрию. В отличие от кинозрителя, пользователь нейросети активно вовлечен в производство, только не визуальных образов, а образов значений. Для порождения ответа LLM необходим трансплантированный участок текста (буквально подсказка), из которого она может начать свое движение. Направление движения и его характер при этом оказываются одним и тем же. В этом уникальность положения оператора LLM: он получает «ответ», но в строгом смысле ему никто не отвечает. Ответ приходит с той же стороны, что и вопрос.

На примере набранного фрагмента текста машина демонстрирует заключенную в нем способность языка к разворачиванию — и демонстрирует опять-таки в виде текста. До появления LLM этот процесс не мог материализоваться в речи, т. к. всегда предшествовал ей в мышлении. Поэтому *telos* нейросетевого аппарата — это именно «осмысленный» ответ. Пользователь желает получить не пассивную поисковую сводку и не эхо собственного запроса, а нечто соразмерное мысли. Нейросетевой коррелят куртовской скуки развивается из перепроизводства токенов, потраченных на создание видимости коммуникации. Генеративная машина устроена так, что не может оборвать собственное движение, любое продолжение должно быть обеспечено, любой стык —

сглажен. Сlop и есть след этого избегания разрыва — речевой избыток, вырабатываемый в точках наименьшего сопротивления, т. е. на тех шагах генерации, где выбор определяется статистической формой корпуса.

3. От перепроизводства речи к пространству языка

Однако картина, в которой генерация лишь следует точкам наименьшего сопротивления, может создать впечатление, что машинный текст просто отказывает в осмысленном ответе. Тем не менее этот отказ не является абсолютным. Как и скука в аналитике Куртова, слоп обладает внутренним объемом. Скука не отрицает киноопыт, она образует континуум, внутри которого совершается переход к грезде. Аналогичным образом взаимодействие со слопом представляет собой не мгновенную отмену текста, а смещающее движение, своего рода воронку с последовательно сужающимися витками. Чтобы описать ее динамику, необходимо вернуться к механизму порождения текста и уточнить, между чем и чем возникает слоп.

В генерации сообщаются две разнородные серии — то, что выше мы обозначили как *telos* и *ethos* нейросетевого аппарата. Первую образует промпт, т. е. запрос вместе с ожидаемым осмысленным ответом; она организована содержательно и определяет, что должно быть сказано. Вторую образует статистическая форма корпуса; она организована топологически и определяет пути наименьшего сопротивления для генерации.

Такая конструкция подробно описана в «Логике смысла» Жиля Делёза [Делёз Ж., 2020]. Смысл, по Делёзу, производится на границе двух гетерогенных серий, которые приводятся в сообщение особым элементом, названным им парадоксальным элементом, или пустой клеткой [Делёз Ж., 1998; Делёз Ж., 2020]. Этот элемент одновременно выступает избытком в одной серии и нехваткой — в другой и никогда не совпадает с собственным местом. Сlop-структура в точности воспроизводит это устройство. Она сверхчастотна в серии формы и пуста в серии смысла; статистически она всегда уместна, семантически — никогда не на месте. Тем самым проясняется введенное выше

понятие: выбор, определяемый формой, а не смыслом, и означает избыток элемента в одной серии при его нехватке в другой. Однако отличие от делёзовской конструкции состоит в направлении работы. Пустая клетка у Делёза производит смысл, утверждая расхождение серий, тогда как предсказание следующего элемента стягивает серии к схождению, к наиболее ожидаемому продолжению.

Из этого следует, что слоп является не дефектом генерации, а ее трансцендентальным условием. Без движения по точкам наименьшего сопротивления серии промпта и формы не были бы приведены в сообщение, и ответ не состоялся бы вовсе.

Именно такая устроенность порождающего элемента и разворачивается при взаимодействии с машинным текстом (в том самом усложнении складки, упомянутом выше) в последовательность отказов. Эта последовательность воспроизводит три классических измерения предложения, с разбора которых начинается «Логика смысла» [Делёз Ж., 2020], и одновременно структурно повторяет три формы скуки из хайдеггеровского курса 1929–1930 гг., на которых Куртов строит свою аналитику киноопыта [Куртов М.А., 2012; Heidegger M., 1983].

Первый виток — отказ денотации. Слоп-структура занимает место указания, не указывая. Она стоит там, где должно происходить различение, но различение не происходит. На этой ступени сбой воспринимается как локальный дефект конкретного текста, как «вода», и ему соответствует первая форма скуки — скука от чего-то определенного.

Второй виток — отказ манифестации. Дальнейшее чтение обнаруживает, что сбой нельзя локализовать. Этому способствуют два свойства слоп-структуры. Во-первых, она серийна, т. е. повторяется индустриально и тождественно поперек всех текстов, и потому узнавание структуры как структуры упраздняет стоящего за ней манифестанта. Во-вторых, она одноматериальна: отсутствие говорящего невозможно ограничить отдельным участком текста, и потому подозрение в безличности распространяется по всей поверхности речи. То, что феноменологически было дано с самого начала (от-

вет, приходящий с той же стороны, что и вопрос), обнаруживает здесь свой структурный исток. Внешними симптомами такой неограничиваемости выступают современные инструменты выявления сгенерированных текстов и ритуалы удостоверения авторства. Причем даже технические детекторы, как было показано, не обеспечивают надежного различения человеческого и машинного текста [Sadasivan et al., 2025]. На этом этапе возникает вторая форма скуки — скука уже не от текста, а от самой ситуации чтения.

Третий виток — отказ сигнификации. После отказа первых двух измерений остается третье, которое отвечает за логическую связность текста. Сигнификация обеспечивает то, что термины сохраняют свое значение на протяжении рассуждения, что из посылок следуют выводы, что предложения сцепляются друг с другом. В генеративном тексте эта механика исправна. Однако работает все это вхолостую, потому что оба конца логической связи пусты. Понятия, которыми оперирует текст, ни на что не указывают, а выводы, которые он делает, никто не утверждает. Остается чистая форма суждения, действующая в отсутствие судящего и обозначаемого. Безличному «es ist einem langweilig» глубинной скуки [Heidegger M., 1983] здесь отвечает столь же безличное «оно говорит».

Однако именно в точке холостой сигнификации обнаруживается парадокс, на котором держится вся дальнейшая динамика, — текст все еще читается. Нечто продолжает настаивать себя связным и последовательным образом в этой речи. Если бы предложение исчерпывалось тремя своими измерениями, после их последовательного отказа не должно было остаться ничего. То, что остается, — это делёзовское четвертое измерение, смысл, впервые данный в технически дистиллированном виде. Не то, что сказано, не тот, кто сказал, и не то, что из сказанного следует, а само движение сказывания. Трансцендентальный аргумент первых серий «Логики смысла» [Делёз Ж., 2020] становится здесь проходимым опытом.

Момент, в который отказ оборачивается указанием, имеет у Куртова четкое обозначение. Вслед за Хайдеггером он называет вершину глубинной скуки мгновением ока,

Augenblick [Куртов М.А., 2012; Heidegger M., 1983]. В этом мгновении сущее, отказывающее себя в целом, впервые указывает на условия собственной возможности. У нейросетевой воронки есть свое «мгновение ока». В точке, где все три измерения предложения отказали, язык, освобожденный от обязанности высказывать, начинает показывать собственное пространственное устройство — навигацию по смежности. То, что прежде читалось как мусорные элементы, как разгоны, переходы и закругления, оказывается единственным содержанием такого чтения — следами прокладывания пути по рельефу языка. Это и есть языковой коррелят куртовской грезы. Перефразируя тезис Куртова: скука возникает в опыте неразличимости речи и говорящего, греза же есть опыт этой границы. Как кино в точке скуки перестает представлять и обнаруживает границу представления, так генеративная машина в точке слопа перестает означать и обнаруживает язык как область, устроенную по логике путей и близости.

Заключение

Однако встает вопрос: является ли эта пространственная устроенность следствием нейросетевой архитектуры, или благодаря ей она впервые стала отчетливо видима? Здесь уместна параллель с тем, как Делёз определял отношение киноаппарата к материи. В начале «Кино 1» он приводит мысль Бергсона о том, что фотография, если она вообще есть, уже сделана и уже проявлена в самой сердцевине вещей [Бергсон А., 1992; Делёз Ж., 2004]. Материальный универсум сам по себе представляет совокупность световых образов во всеобщем взаимодействии, и в этом смысле Делёз называет его метакино [Делёз Ж., 2004]. Киноаппарат только технически схватывает то производство движущихся световых срезов, которым материя занималась всегда, и впервые превращает его в воспроизводимый опыт. Аналогичным образом языковая модель не привносит в язык навигацию по смежности. Язык уже был областью близостей и путей, а всякое движение в нем уже было прокладыванием маршрута по этому рельефу. Модель дает этой устроенности техническое воплощение и тем самым впервые

делает ее наблюдаемой. Поскольку же говорящий не располагает языком извне, а движется внутри той же области, увиденное в техническом объекте может ретроактивно прояснить и его собственную речевую активность. Аппарат открывает возможность опыта, в котором речь давалась бы говорящему не как производство суждений о положениях вещей, а как ориентирование в среде, которая до появления аппарата не была видна именно как среда.

Из этого не следует, однако, что в человеческой речи нужно искать собственный слоп, общие места, клише и тому подобное. Слоп конституирован тиражом, индустриальной сверхчастотностью, аналога которой нет для говорения или письма. Общим для двух режимов является само наличие топологизирующих элементов — образований, благодаря которым текст распознается как среда с собственной пространственной устроенностью, требующей ориентации. В генеративном тексте это место занимает слоп, в человеческой речи — элемент иного порядка.

Самый известный пример такого элемента — кэрролловский Снарк, подробно разобранный Делёзом в «Логике смысла». Это загадочное слово присутствует в тексте, но его значение нигде не стабилизируется, и именно это несовпадение с собственным местом заставляет текст организовываться вокруг него [Делёз Ж., 2020]. Сходную активность знака, с другой стороны, фиксирует Деррида. Термином различие (*différance*) он именует движение отсрочки и отличия, в котором знак систематически отстает от самого себя и потому никогда не дается в полноте присутствия [Деррида Ж., 2012].

Проявляться этот элемент может на разных уровнях языковой организации: на субсемантическом — как морфологическое расщепление, на семантическом — как бессмысленное слово или парадоксальное смысловое образование, на сверхсемантическом — как перформативный жест, в котором сказанное подрывает условия собственного произнесения. Во всех перечисленных случаях элемент держит серии формы и смысла разомкнутыми. Место, которое он занимает, оказывается не ординарной точкой наименьшего сопротивления, как в случае

нейросети, а сингулярной точкой избытка смысла. Различие между двумя режимами языковой активности оказывается тем самым различием двух режимов работы элемента-навигатора, ординарного и сингулярного, а не границей между несоизмеримыми мирами «человека» и «машины».

Прозрачная для самой себя работа с такими топологизирующими элементами до сих пор оставалась достоянием плотных языковых сред. Ею занимались поэзия и философия, т. е. практики, в которых пространство языковой активности долго и целенаправленно культивировалось. Во второй половине XX в. эта работа достигла предельной интенсивности, например, у Бланшо, Беккета, Деррида, в лингвистической поэзии, в традициях письма, сделавших язык собственным предметом.

Теперь доступ к этому опыту поставляется аппаратом и открыт за пределами тех редких практик, где он прежде добывался. В этом смысле давняя мечта об автоматизации письма сбылась, но с обратным знаком. Автоматизация не освободила пишущего от языка, а отняла у него последнюю возможность языка не замечать. Куртов завершает свою аналитику условием: чтобы вернуть в кино грезу, зритель должен перестать бояться скуки. Условие нового языкового опыта симметрично. Оператору LLM предстоит перестать относиться к слоупу лишь как к производственному браку.

Список литературы

- Бергсон А. Материя и память // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / пер. с фр. М.: Московский клуб, 1992. С. 160–316.
- Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с. EDN: TCNXLB
- Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
- Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2020. 472 с.
- Деррида Ж. Различае <Différance> // Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. С. 32–51.
- Куртов М.А. Между скукой и грезой. Аналитика киноопыта. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2012. 158 с.
- Bender E.M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21). New York: ACM, 2021. P. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>
- Heidegger M. Sein und Zeit. Frankfurt am Main: Klostermann, 1977. 583 s.
- Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit. Frankfurt am Main: Klostermann, 1983. 544 s.
- Heidegger M. Der Weg zur Sprache // Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main: Klostermann, 1985a. S. 227–258.
- Heidegger M. Die Sprache // Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main: Klostermann, 1985b. S. 7–31.
- Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze (Gesamtausgabe, Bd. 7). Frankfurt am Main: Klostermann, 2000. S. 5–36.
- Reinhart A., Markey B., Laudénbach M., Pantusen K., Yurko R., Weinberg G., Brown D.W. Do LLMs Write Like Humans? Variation in Grammatical and Rhetorical Styles // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122, № 8. Art. e2422455122. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2422455122> EDN: GQRXHE
- Sadasivan V.S., Kumar A., Balasubramanian S., Wang W., Feizi S. Can AI-Generated Text be Reliably Detected? Stress Testing AI Text Detectors Under Various Attacks // Transactions on Machine Learning Research. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://openreview.net/forum?id=OOgsAZdFOt> (дата обращения: 11.08.2026).
- Shaib C., Chakrabarty T., Garcia-Olano D., Wallace B.C. Measuring AI “Slop” in Text // arXiv preprint. 2025. arXiv: 2509.19163. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2509.19163>
- Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27, № 3. P. 379–423. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>
- Slop // Merriam-Webster Dictionary. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slop> (дата обращения: 22.02.2026).
- Terçon L. Linguistic Characteristics of AI-Generated Text: A Survey // arXiv preprint. 2025. arXiv: 2510.05136. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2510.05136>

Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser Ł., Polosukhin I. Attention Is All You Need // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2017. Vol. 30. P. 5998–6008. DOI: <https://doi.org/10.65215/r5bs2d54>

References

Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A. and Shmitchell, S. (2021). On the dangers of stochastic parrots: can language models be too big? *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21)*. New York: ACM Publ., pp. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>

Bergson, H. (1992). [Matter and memory]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Moscow: Moskovskiy klub Publ., vol. 1, pp. 160–316.

Deleuze, G. (2004). *Kino* [Cinema]. Moscow: Ad Marginem Publ., 624 p.

Deleuze, G. (2020). *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 472 p.

Deleuze, G. (1998). *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 384 p.

Derrida, J. (2012). [Différance]. *Polya filosofii* [Margins of philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., pp. 32–51.

Heidegger, M. (1983). *Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt, Endlichkeit, Einsamkeit* [The fundamental concepts of metaphysics. World, finitude, solitude]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., 544 p.

Heidegger, M. (1985). [Language]. *Unterwegs zur Sprache* [On the way to language]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., pp. 7–31.

Heidegger, M. (1977). *Sein und Zeit* [Being and time]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., 583 p.

Heidegger, M. (2000). [The question concerning technology]. *Vorträge und Aufsätze. Gesamtausgabe* [Lectures and essays. Collected works]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., pp. 5–36.

Heidegger, M. (1985). [The way to language]. *Unterwegs zur Sprache* [On the way to language]. Frankfurt am Main: Klostermann Publ., pp. 227–258.

Kurtov, M.A. (2012). *Mezhdru skukoy i grezoy. Analitika kinoopyta* [Between boredom and reverie. An analytics of film experience]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obschestvo Publ., 158 p.

Reinhart, A., Markey, B., Laudendach, M., Pantusen, K., Yurko, R., Weinberg, G. and Brown, D.W. (2025). Do LLMs write like humans? Variation in grammatical and rhetorical styles. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 122, no. 8, e2422455122. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2422455122>

Sadasivan, V.S., Kumar, A., Balasubramanian, S., Wang, W. and Feizi, S. (2025). Can AI-generated text be reliably detected? Stress testing AI text detectors under various attacks. *Transactions on Machine Learning Research*. Available at: <https://openreview.net/forum?id=OOgsAZdFOt> (accessed 11.08.2026).

Shaib, C., Chakrabarty, T., Garcia-Olano, D. and Wallace, B.C. (2025). Measuring AI “Slop” in text. *ArXiv preprint*. Art. 2509.19163. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2509.19163>

Shannon, C.E. (1948). A mathematical theory of communication. *The Bell System Technical Journal*. Vol. 27, no. 3, pp. 379–423; no. 4, pp. 623–656. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>

Slop (2025). Merriam-Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slop> (accessed 22.02.2026).

Terčon, L. (2025). Linguistic characteristics of AI-generated text: a survey. *ArXiv preprint*. Art. 2510.05136. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2510.05136>

Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A.N., Kaiser, Ł. and Polosukhin, I. (2017). Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 30, pp. 5998–6008. DOI: <https://doi.org/10.65215/r5bs2d54>

Об авторах

Елесин Александр Олегович
независимый исследователь

614000, г. Пермь;
e-mail: coesin5@gmail.com
ResearcherID: QPF-2448-2026

About the author

Aleksandr O. Elesin
Independent Researcher

Perm, 614000, Russia;
e-mail: coesin5@gmail.com
ResearcherID: QPF-2448-2026

Овчинников Даниил Русланович

независимый исследователь

614007, г. Пермь;

e-mail: danil.ov4innikof@gmail.com

ResearcherID: ACS-9362-2022

Daniil R. Ovchinnikov

Independent Researcher

Perm, 614007, Russia;

e-mail: danil.ov4innikof@gmail.com

ResearcherID: ACS-9362-2022

УДК 16:004.8
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-367-381>
EDN: GDFCCO

Поступила: 25.06.2026

Принята: 21.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ И КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Скрипкина Татьяна Константиновна

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В современных междисциплинарных исследованиях искусственного интеллекта (ИИ) применяется широкий спектр понятий для описания субъектного статуса ИИ-алгоритмов, часто без уточнения точного значения используемой терминологии, что порождает методологическую неопределенность и споры относительно допустимости приписывания субъектных характеристик алгоритмическим системам. Систематизация философских и социологических подходов, представленная в данной работе, позволяет сформулировать дифференцированный понятийный аппарат, поясняющий условия применения каждого термина для избежания как излишней антропоморфизации ИИ-алгоритмов, так и сведения их статуса до сугубо инструментального. Для систематизации понятийного аппарата сформулированы четыре критерия анализа — онтологический, гносеологический, каузально-деятельностный и контекстуально-реляционный. На их основе показано, что категории актора и агента связаны преимущественно с каузально-деятельностным критерием и характеризуют факт функционального участия ИИ-агента в рамках конкретной ситуации взаимодействия. Категория субъекта в строгом смысле слова связана со всеми четырьмя критериями и предполагает наличие феноменального сознания, рефлексии и этической агентности, поэтому релевантна преимущественно для описания гипотетического сильного ИИ. Понятие техносубъекта описывает децентрализованные самооптимизирующиеся системы, ориентированные на операциональную эффективность и функционирующие в условиях минимизированного участия человека. Понятие квазисубъекта характеризует ситуации, в которых ИИ-алгоритму приписываются отдельные признаки субъекта, причем конкретный набор таких признаков может варьироваться в зависимости от исследовательского контекста. Термин «ситуативный субъект» рассматривает субъектный статус как таковой в качестве временного предиката, что позволяет анализировать ситуации взаимодействия, характеризующиеся динамической сменой ролей, где одна и та же сущность может последовательно выступать то в качестве субъекта, то в качестве объекта. Выбор конкретного понятия для описания ИИ-агента рекомендуется сопровождать указанием на определяющий критерий, что позволит сохранить методологическую строгость и точность терминологии. Подобная терминологическая дифференциация позволяет предотвращать концептуальные подмены при анализе человеко-машинного взаимодействия. Результаты исследования демонстрируют, что отказ от универсального терминологического шаблона в пользу контекстуально-обусловленного выбора понятий существенно расширяет аналитические возможности при изучении различных типов ИИ-систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человеко-машинное взаимодействие, субъектность, агентность, актор, агент, субъект, техносубъект, квазисубъект, ситуативный субъект.

Для цитирования:

Скрипкина Т.К. Категории субъектности в исследованиях искусственного интеллекта: систематизация подходов и критерии разграничения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 367–381. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-367-381>. EDN: GDFCCO

CATEGORIES OF SUBJECTIVITY IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE RESEARCH: SYSTEMATIZATION OF APPROACHES AND CRITERIA OF DISTINCTION

Tatiana K. Skripkina

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk)*

Contemporary interdisciplinary AI research employs various concepts to describe the agential status of AI algorithms, often without clarifying the precise meaning of the terminology used. This leads to methodological uncertainty and disputes over the legitimacy of attributing agential characteristics to algorithmic systems. By systemizing the philosophical and sociological approaches, this paper develops a differentiated conceptual apparatus that specifies the conditions for applying each term, avoiding both excessive anthropomorphization of AI algorithms and their reduction to a purely instrumental status. The paper formulates four analytical criteria for systemizing the conceptual apparatus: ontological, epistemological, causal-agential, and contextual-relational. On this basis, the study demonstrates that the categories of actor and agent are primarily associated with the causal-agential criterion and characterize the functional participation of an AI agent in a specific interaction situation. The category of subject in the strict sense relates to all four criteria and presupposes phenomenal consciousness, reflexivity, and ethical agency, making it relevant primarily for describing hypothetical strong artificial intelligence. The concept of technosubject describes decentered, self-optimizing systems oriented toward operational efficiency under minimized human involvement; the concept of quasi-subject characterizes situations where an AI algorithm is attributed with individual features of a subject, with the specific set varying depending on the research context; finally, the term “situational subject” treats agential status as a temporary predicate, enabling analysis of interaction situations with dynamic role changes, where the same entity can alternately act as subject and object. The choice of a specific concept to describe an AI agent should be accompanied by the indication of its determining criterion, this preserving methodological and terminological precision. Such differentiation prevents conceptual substitution when analyzing human-machine interaction. The results demonstrate that abandoning a universal terminological template in favor of context-dependent choice of concepts significantly expands analytical capabilities in studying various types of AI systems.

Keywords: artificial intelligence, human-machine interaction, subjectivity, agency, actor, agent, subject, technosubject, quasi-subject, situational subject.

To cite:

Skripkina T.K. [Categories of subjectivity in artificial intelligence research: systematization of approaches and criteria of distinction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 367–381 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-367-381>. EDN: GDFCCO

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), в особенности переход от узкоспециализированных алгоритмов к генеративным технологиям и большим языковым моделям, привело к их глубокой инте-

грации в повседневные практики. Подобные трансформации социальной реальности с неизбежностью повлекли за собой академическую дискуссию о границах возможностей ИИ и его онтологическом статусе. На сегодняшний день в научной среде сформировался определенный консенсус по ряду фундаментальных вопросов.

Так, большинством исследователей признано, что современные системы слабого ИИ не обладают феноменальным сознанием, автономной интенциональностью или подлинной моральной ответственностью [Паламарчук О.Т., 2022, с. 34; Бекбоев А.А. и др., 2026, с. 286; Петрунин Ю.Ю., 2025, с. 89]. Тем не менее, по мере усложнения поведенческих паттернов ИИ-систем, способных имитировать эмпатию, вести содержательный диалог с пользователем, а также вступать в коммуникацию с другими ИИ-системами, в междисциплинарном поле нарастает концептуальная неопределенность.

Ключевая проблема заключается в отсутствии единой устоявшейся терминологии для описания субъектного статуса ИИ в конкретных ситуациях взаимодействия. Исследователи, анализирующие влияние алгоритмов на общество и индивида, оперируют такими категориями, как «актор» [Баранов Н.А., 2025, с. 162], «агент» [Нагоев З.В., 2025, с. 189; Мелихова О.А. и др., 2015, с. 50], «субъект» [Беликова Е.К., 2025, с. 6], «техносубъект» [Бакин С.А., 2024, с. 506] или «квазисубъект» [Лановая Т.В., 2026, с. 128; Чаннов С.Е., 2022, с. 102], не всегда четко разграничивая их онтологический и методологический статусы. Подобная терминологическая гибкость, с одной стороны, отражает сложность и многогранность феномена ИИ-технологий на их нынешнем этапе развития, с другой — ведет к размыванию понятийного аппарата, методологическим ошибкам и некорректным теоретическим выводам.

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью в методологической строгости при осмыслении субъектного статуса участников человеко-машинного взаимодействия. Некритичное перенесение классических философских категорий (таких как «субъект») на алгоритмические системы рискует привести к излишней антропоморфизации технологий, тогда как редукция сложных коммуникативных систем до статуса простых инструментов не позволяет уловить специфику их воздействия на социальную и коммуникативную среды. Выработка четких критериев использования того или иного термина для обозначения категории субъектности будет способствовать повышению качества эмпирических и теоретических

исследований в области философии и социологии технологий.

В связи с вышеизложенным в рамках данной работы целью является формирование дифференцированного понятийного аппарата для описания субъектного статуса ИИ-технологий. Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи:

1. На основе систематизации ключевых теоретических подходов к трактовке категории субъектности сформулировать критерии разграничения понятий, используемых для описания субъектного статуса ИИ-агентов.

2. Установить онтологические и функциональные различия между базовыми категориями («актор», «агент», «субъект») и специализированными концептами («техносубъект», «квазисубъект», «ситуативный субъект») в контексте человеко-машинного взаимодействия.

3. Определить границы применимости каждого из выделенных понятий в зависимости от типа анализируемой ИИ-системы и характера коммуникативной или когнитивной практики.

Научная новизна настоящей работы заключается в систематизации подходов к описанию субъектности ИИ и формировании дифференцированного понятийного аппарата. Предложенная система категорий позволяет избежать гиперболизации субъектного статуса алгоритмических систем, а также их редукции до уровня пассивных инструментов. Критерии для разграничения анализируемых понятий (подробнее представленные в следующем разделе статьи) обеспечивают выбор корректной терминологии в зависимости от специфики исследовательской задачи и контекста исследуемого взаимодействия ИИ-агентов с внешней средой.

Теоретико-методологические основания исследования

Современные исследования субъектного статуса ИИ-агентов опираются на широкий спектр различных теоретических подходов. Для решения задач данного исследования эти подходы были систематизированы и сгруппированы в четыре ключевых направления.

Первая группа подходов может быть условно названа онтологической, поскольку в данном случае субъектный статус какой-либо сущности

(в нашем случае — ИИ-агентов) рассматривается как специфическая форма ее бытия, которая может быть охарактеризована в виде набора имманентных параметров. Наиболее ранние исторические корни этой традиции можно обнаружить в античной и средневековой философии, где категория субъекта функционировала преимущественно в онтолого-логическом регистре [Догадова Е.М., 2007, с. 93; Давыдов А.А., 2009, с. 156]. Однако трактовка категории субъекта как метафизического основания присутствует и в более поздних подходах. В частности, М. Хайдеггер в работе «Время картины мира» указывает, что в метафизическом значении субъект представляет собой «то, что как основание собирает все на себе» [Хайдеггер М., 2007, с. 67], т. е. является фундаментальной основой бытия, на которой структурируется реальность. В современной русскоязычной философской традиции этот онтологический вектор сохраняется, приобретая новые измерения. Так, согласно подходу В.А. Лекторского, субъект — это «носитель деятельности, сознания и познания», включенный в культурный контекст и коммуникативные практики, существующий в неразрывном единстве внутреннего «Я», межсубъектных отношений и практической активности [Лекторский В.А., 2010, с. 5]. В.М. Розин, обращаясь к другой категории агентности — «субъективности», — трактует ее как специфический способ бытия, выражающийся в наборе динамических характеристик, связанных в первую очередь с процессами самоконструирования индивида [Розин В.М., 2011, с. 39]. Несмотря на дискуссию относительно статичности или динамичности указанных свойств, ключевая установка онтологического подхода остается неизменной: субъектный статус некоторой сущности определяется наличием специфического набора фундаментальных характеристик, отличающих его от других сущностей, подобным статусом не обладающих.

Вторую группу подходов можно обозначить как гносеологические. При этом важно отметить, что авторы данных подходов не исключают онтологических оснований субъектного статуса, однако на первый план в рамках анализа выходят категории сознания и познания: субъект рассматривается прежде всего в качестве позна-

ющего начала. Зарождение данной традиции неразрывно связано с картезианским поворотом, в рамках которого происходит смещение философских оснований категории субъекта с онтологических на гносеологические. Р. Декарт формулирует принцип субъективной достоверности, согласно которому исходным пунктом философствования становится переживаемый сознанием акт мышления [Декарт Р., 1950, с. 283]. Противопоставление субъекта и объекта оформляется в гносеологическом регистре: субъект есть то, чему принадлежит восприятие и мышление, объект — то, на что направлены познавательные усилия. Позднее Э. Гуссерль развивает эту линию, определяя субъект как «чистое Я с потоком размышлений» [Гуссерль Э., 1998, с. 79]. Современные исследователи дополняют данный подход, указывая на обусловленность когнитивных процессов культурным и социальным контекстом. Так, Л.А. Микешина характеризует субъект познания как телесное существо, опирающееся на чувственный эмпирический опыт, систему ценностей и убеждений, а также культурный контекст [Микешина Л.А., 2009, с. 8]. В рамках данного подхода знание не может существовать вне познающего субъекта, который наделяет его собственной интерпретацией. Е.О. Труфанова указывает на то, что субъект (в частности субъект научного познания) выступает проводником социокультурных дискурсов, в которые он включен, переносит влияние этих дискурсов на свою познавательную деятельность и тем самым определяет способы и границы конструирования нового знания [Труфанова Е.О., 2018, с. 64]. Таким образом, с точки зрения представителей данного подхода субъектный статус сущности определяется ее познавательной деятельностью, а также участием в осмыслении реальности и конструировании знания о ней.

Третью группу подходов можно определить как каузально-деятельностные. При этом важно отметить, что данная группа подходов не противопоставляется двум предыдущим, поскольку авторы не отрицают онтологических и гносеологических оснований агентности и субъектного статуса, однако в данном случае происходит смещение акцентов. По сути, данные концепции представляют собой специфическую модифика-

цию онтологического подхода, где основным критерием субъектности оказывается способность сущности действовать и оказывать влияние на окружающую действительность. В рамках философии действия, представленной в работах Э. Энском [Anscombe G.E.M., 1971, p. 133] и Д. Дэвидсона [Davidson D., 1980, p. 45], намерения действующего индивида постулируются в качестве значимого основания действия, при этом само действие предстает в роли первичного онтологического события, посредством которого конституируется позиция действующего начала. Акцент на действии также является одной из отправных точек рассуждения в рамках акторно-сетевой теории, где агентность трактуется как способность порождать различия и перестраивать конфигурации связей между участниками ситуации взаимодействия, а любая единица, в ходе своего действия иницирующая какие-либо изменения в окружающей действительности, наделяется статусом актора [Латур Б., 2014, с. 68]. При таком подходе сложные ментальные состояния могут отступать на второй план, уступая место фактической способности некоторой сущности иницировать действие и оказывать влияние на окружающую среду. Особое развитие данная линия трактовок агентности получает в концепции техносубъекта, разрабатываемой В.И. Игнатьевым и В. Мазиным. С точки зрения данных авторов, технологическая система является носителем неантропоморфной формы агентности, ориентированной на максимальную операциональную эффективность [Игнатьев В.И., 2021, с. 143; Мазин В., 2018, с. 32]. Таким образом, ключевая установка рассматриваемой группы подходов заключается в том, что субъектный статус сущности определяется прежде всего каузальной эффективностью и способностью выступать носителем деятельности.

Подходы, относящиеся к четвертой группе, можно назвать контекстуально-реляционными. Здесь также важно подчеркнуть, что данные подходы не противопоставляются трем предыдущим, а по сути находятся на стыке онтологического, гносеологического и каузально-деятельностного направлений, поскольку в данном случае центральное место занимает идея относительности субъектного статуса и вклю-

ченность субъекта в конкретную ситуацию взаимодействия. Элементы подобной логики уже прослеживались в упомянутых выше концепциях акторно-сетевой теории, а также в работах Е.О. Труфановой и Л.А. Микешинной, однако в ряде концепций данному аспекту придается центральное значение. Так, например, с точки зрения процессуальной онтологии А.Н. Уайтхеда субъект предстает в виде динамического акта становления. Фундаментальной единицей реальности здесь выступает актуальная сущность, понимаемая как «капля опыта», которая в момент своего формирования фактически обретает статус субъекта. С точки зрения данной парадигмы настоящее аккумулирует предшествующие объекты-события, формируя новую реальность путем движения от объекта к субъекту. Активная становящаяся сущность, выступающая субъектом, «схватывает» прошлые элементы, интерпретирует их и создает новое, достигая внутренней завершенности. Завершив свое становление, данная сущность утрачивает внутреннюю активность и превращается в объект для последующих субъектов [Whitehead A.N., 1931, p. 131]. Другой подход можно найти в концепции агентного реализма К. Барад, где вводится понятие «интра-акции» [Барад К., 2018, с. 66]. Согласно этой логике, субъект и объект конституируются исключительно в момент их взаимного воздействия, утрачивая статус предзаданных изолированных сущностей. В результате агентность рассматривается в качестве результата переплетения материальных и дискурсивных практик в конкретном контексте, что исключает ее трактовку как изолированного свойства отдельного актора. В отечественной традиции данный вектор представлен, например, в работах И.Н. Карицкого, где относительность и ситуативность позиционируются в качестве неотъемлемых характеристик категории субъекта [Карицкий И.Н., 2015, с. 111]. Таким образом, ключевая установка рассматриваемой группы подходов заключается в том, что субъектный статус сущности определяется не ее собственными характеристиками, а контекстом взаимодействия, в рамках которого она оказывается включенной в сеть отношений и наделяется соответствующими функциями.

Уточним, что приведенная классификация подходов к трактовке категории субъектности не является исчерпывающей и носит инструментальный характер, поскольку позволяет сформулировать ключевые критерии для оценки релевантности тех или иных понятий, обозначающих субъектный статус ИИ-агентов. Первый критерий связан с онтологическим подходом и характеризуется наличием инвариантных признаков, позволяющих отнести ту или иную сущность к категории субъекта. Данный критерий является наиболее общим по сравнению с остальными, однако именно он служит отправной точкой для рассуждения. Второй критерий, основанный на гносеологических подходах, позволяет оценить роль ИИ-агентов в когнитивных процессах, от базовой способности к восприятию и обработке информации до гипотетически возможного наличия сознания у технологий, которые могут быть разработаны в будущем. Третий критерий, связанный с каузально-деятельностным подходом, характеризует способность той или иной сущности инициировать и осуществлять какие-либо действия, а также оказывать влияние на внешнюю реальность и других участников взаимодействия. Наконец, четвертый критерий, опирающийся на контекстуально-реляционную группу подходов, отражает относительный статус субъекта в рамках конкретной ситуации взаимодействия. Совокупность данных критериев служит основанием для дальнейшего анализа релевантности шести ключевых понятий, используемых для описания субъектного статуса ИИ-алгоритмов.

Актор и агент: категории, характеризующие деятельность ИИ-алгоритмов

Понятие «актор» широко используется в различных исследовательских направлениях, однако для описания субъектного статуса ИИ-агентов наиболее релевантной представляется его трактовка, представленная в рамках акторно-сетевой теории. С точки зрения данной парадигмы, актором признается любая сущность (будь то человек, организация, технический артефакт или алгоритм), способная оказывать влияние на ситуацию взаимодействия [Латур Б., 2014, с. 68]. Ключевой характеристикой данного понятия выступает наделение сущно-

сти статусом носителя действия, независимо от наличия у нее сознания, интенции или этических оснований деятельности. Обращаясь к критериям классификации, сформулированным в теоретическом разделе, следует отметить, что для данной категории определяющим является каузально-деятельностный критерий, поскольку на первый план выходит сам факт осуществления действия. В меньшей степени здесь также проявляются онтологический и контекстуально-реляционный критерии. Онтологическим основанием является способность выступать носителем действия, а контекстуальная обусловленность проявляется в том, что актор не может быть рассмотрен изолированно, вне связи с другими участниками сети взаимодействий. С учетом вышесказанного, применительно к ИИ-технологиям актором может быть признан даже простейший алгоритм, если он способен совершить какое-либо действие и спровоцировать ответное действие со стороны другого участника взаимодействия, будь то человек, другой алгоритм либо иной нечеловеческий актор. Границы применимости данного понятия, таким образом, ограничиваются анализом ситуаций преимущественно единичных взаимодействий с участием ИИ-агентов.

Понятие «агент» представляет собой близкую, но не вполне идентичную категорию, восходящую к теории социального действия. Агент определяется как сущность, обладающая способностью к длительному, целенаправленному и автономному действию [Гусейнова К.Э., 2024, с. 136]. При этом употребление данного термина, как правило, предполагает описание продолжительной включенности агента в повторяющиеся социальные, коммуникативные или какие-либо иные практики, а также его способности адаптироваться к изменяющимся условиям долгосрочного взаимодействия. Если обратиться к ранее сформулированным критериям классификации, то, как и в случае с понятием актора, определяющим выступает каузально-деятельностный критерий, поскольку в центре внимания остается вовлеченность исследуемой сущности в ту или иную деятельность. Однако эта характеристика дополняется контекстуально-реляционным критерием, т. к. от агента ожидается определенная

степень функциональной устойчивости и предсказуемости реакций в рамках длительных, в том числе повторяющихся, форм деятельности, что обуславливает необходимость учета взаимного влияния агента и иных участников ситуации взаимодействия. Онтологический и гносеологический критерии для данной категории второстепенны: онтологическим основанием, как и в случае с актором, является способность к действию как таковая, а гносеологический аспект сводится к базовой способности обработки информации. При исследовании современных ИИ-алгоритмов термин «агент» может быть использован для описания систем, осуществляющих длительные повторяющиеся наборы более или менее однотипных действий, например, автоматизированных рекомендательных технологий.

Таким образом, обе категории связаны в первую очередь с каузально-деятельностным критерием, т. е. характеризуют способность той или иной сущности участвовать в определенных видах деятельности и оказывать влияние на окружение. Следовательно, использование данных понятий представляется наиболее корректным в тех исследованиях, предметом которых выступают фактические действия ИИ-агентов в определенных ситуациях. Подобный подход позволяет зафиксировать участие алгоритмов в каких-либо формах взаимодействия, избегая смещения аналитического фокуса на их гипотетические возможности либо на нормативные и этические аспекты их функционирования.

Понятие субъекта и границы его применимости

Понятие субъекта отличается содержательной сложностью, а также широким разнообразием трактовок, часть которых находятся за пределами фокуса текущего исследования. В рамках данной работы мы сосредоточимся на концептуальном аппарате, разработанном в рамках русскоязычной философской традиции. Обоснование данного выбора носит прагматический характер: поскольку статья ориентирована на русскоязычный академический дискурс, обращение к устоявшимся в этой традиции трактовкам позволяет обеспечить терминологическую согласо-

ванность с существующим корпусом исследований. При этом мы исходим из того, что в рамках указанной традиции предложена развернутая модель субъекта, учитывающая его деятельностные, когнитивные и коммуникативные аспекты, что делает ее перспективным основанием для анализа человеко-машинного взаимодействия.

В русскоязычном дискурсе одно из наиболее широко цитируемых определений принадлежит В.А. Лекторскому, который трактует субъект как «носитель деятельности, сознания и познания», обладающий статусом «Я» по отношению к себе, «Другого» по отношению к иным субъектам и актора по отношению к объектам [Лекторский В.А., 2010, с. 5]. Среди других признаков субъекта исследователь называет существование в пространстве и времени, включенность в некоторую культурную среду, наличие коммуникативных и иных отношений с другими субъектами, наличие осознаваемой и отрефлексированной биографии. В работах других авторов можно найти схожие точки зрения [Жуланова И.В., Медведев А.М., 2015, с. 15; Карицкий И.Н., 2015, с. 111].

Если обратиться к критериям, сформулированным в теоретическом разделе данной статьи, то стоит отметить, что применительно к категории субъекта все четыре характеристики имеют высокое значение. Онтологический критерий задает ключевые инварианты, которые необходимы для признания некоторой сущности субъектом: в данном случае речь идет в первую очередь о наличии сознания, рефлексии, способности к познанию и возможности оказывать влияние как на других участников ситуации взаимодействия, так и на саму ситуацию. В рамках отдельных подходов могут быть сформулированы и иные признаки, однако указанные являются ключевыми и представленными в большинстве концепций, характеризующих категорию субъекта. Гносеологический критерий предполагает, что к неотъемлемым признакам субъекта относятся наличие феноменального сознания, статус «Я» по отношению к самому себе, способность к рефлексии и интерпретации окружающей действительности, выходящей за рамки простой обработки поступающей информации. Значимость каузально-деятельностного критерия для данно-

го понятия определяется тем, что одной из ключевых характеристик субъекта выступает роль «носителя деятельности», а также «статус актора по отношению к объекту». В этом аспекте категория субъекта сближается с понятиями актора и агента, однако, поскольку одним из значимых признаков субъекта является наличие сознания, то деятельность субъекта, в отличие от двух предыдущих категорий, оказывается тесно связана с процессом целеполагания. Наконец, четвертый, контекстуально-реляционный критерий применительно к данной категории указывает на то, что, во-первых, субъектный статус всегда оказывается относительным и не может существовать вне отношения к «Другому» или к объекту, на который направлена активность субъекта, а во-вторых, деятельность субъекта, обладающего оторефлексированной биографией и включенного в некоторый культурный код, опосредована факторами, характеризующими ситуацию взаимодействия в целом, с учетом широкого социального и культурного контекста, а также бэкграунда участников.

Подобная содержательная насыщенность понятия определяет специфику его применимости к технологиям ИИ. Применение термина «субъект» в строгом смысле по отношению к современным системам слабого ИИ представляется методологически неточным, поскольку существующим на сегодняшний день алгоритмам недоступны феноменальное сознание, рефлексия и этическая агентность. Использование данной категории может быть релевантно либо в тех случаях, когда оно используется в широком смысле (для обозначения активной роли в ситуации взаимодействия, что, однако, создает риск терминологической путаницы со смежными категориями), либо при описании гипотетических технологий сильного ИИ. Необходимость сужения границ данного понятия и обращения к более узким специализированным концептам будет подробно рассмотрена ниже.

Специализированные концепты субъектности: техносубъект, квазисубъект, ситуативный субъект

Обсудив границы применимости категорий актора, агента и субъекта, обратимся к более узким понятиям, позволяющим отчасти преодо-

леть ограничения, выявленные в предыдущих частях работы, для терминов «актор», «агент» и «субъект».

Термин «техносубъект» разрабатывается В.И. Игнатьевым с опорой на идеи В. Мазина. Как уже было сказано ранее, эта категория обозначает неантропоморфную форму субъектности технологических систем, лишенную человеческих «ограничений» (телесности, эмоций, этики) и стремящуюся к максимальной эффективности в рамках заданного действия [Игнатьев В.И., 2021, с. 143]. В отличие от других категорий, описывающих субъектный статус, понятие техносубъекта не подразумевает наличия сознания, включенности в коммуникативные процессы с иными субъектами, рефлексии или этических оснований деятельности. Обращаясь к системе критериев, предложенной нами в теоретическом разделе статьи, отметим, что в данном случае определяющей снова оказывается роль третьего, каузально-деятельностного критерия: сущность техносубъекта раскрывается прежде всего в рамках его способности к эффективной самостоятельной деятельности в заданных обстоятельствах. Гносеологический критерий проявляется в том, что техносубъект, несмотря на отсутствие сознания, способен проводить более сложные (по сравнению с агентом и актором) процедуры обработки информации, в том числе «интегрировать данные, производить их анализ в ситуации неопределенности, перепрограммируя себя и создавая новые алгоритмы» [Игнатьев В.И., 2021, с. 131]. Контекстуально-реляционный критерий в данном случае является второстепенным: хотя техносубъект и вовлечен в некоторую ситуацию взаимодействия, более сложные аспекты взаимодействия с окружением для данной категории значения практически не имеют. Одним из наиболее интересных в рамках анализа данного понятия является онтологический критерий: несмотря на сходство с категорией актора (для обеих категорий ключевым онтологическим основанием является статус носителя деятельности), понятие техносубъекта также обладает рядом специфических черт: в частности, он должен быть обязательно неантропоморфным, не обладающим сознанием и существующим исключительно в качестве технической

системы. Применительно к анализу субъектности ИИ-технологий, данный термин может быть использован в тех исследованиях, где фокус сосредоточен на децентрализованных автономных системах, не подразумевающих участия человека. К числу подобных систем относятся, в частности, алгоритмы высокочастотного трейдинга, автономные системы управления производственными процессами, а также сложные самообучающиеся модели, способные модифицировать собственные параметры без непосредственного вмешательства оператора. Обращение к категории техносубъекта позволяет охарактеризовать техническую автономию и операциональную эффективность подобных систем.

Понятие квазисубъекта имеет длительную историю: еще до широкого распространения технологий ИИ данный термин применялся для описания квазисубъектов права [Худошин А.С., 2025, с. 154] или квазисубъектного статуса отдельных категорий работников [Корель Л.В., Комбаров Ю.В., 2012, с. 172]. В современных исследованиях ИИ-технологий эта категория используется для обозначения сущности, обладающей отдельными признаками субъекта, которых, тем не менее, оказывается недостаточно для признания ее субъектом в полной мере. При этом конкретный набор приписываемых признаков часто зависит от специфики фокуса исследования: это могут быть, например, высокая автономия и самостоятельность сущности, наделяемой квазисубъектным статусом [Дурнев А.Д., 2024, с. 335], приписывание субъектного статуса со стороны других участников взаимодействия [Скрипкина Т.К., 2025, с. 94], способность к самообучению или взаимодействию с другими ИИ-агентами [Гуляева П.С., 2022, с. 60], а также некоторые другие. Обобщая специфику употребления данного термина в отдельных работах, мы можем заключить, что понятие «квазисубъект» может быть использовано в тех исследовательских ситуациях, где возникает необходимость обозначить некоторую сущность как обладающую определенными субъектными чертами, но при этом подчеркнуть недостаточность этих черт для признания ее полноценным субъектом. Ключевым онтологическим основанием для данной кате-

гории выступает ее содержательная гибкость: в разных исследовательских ситуациях данное понятие может приобретать различное значение. Это, в свою очередь, усложняет выявление гносеологического, каузально-деятельностного и контекстуально-реляционного критериев субъектного статуса в рамках данной категории, поскольку они будут зависеть от того, какие именно признаки субъекта приписываются конкретной сущности в конкретной ситуации, а какие — признаются отсутствующими. Гибкость и адаптивность понятия квазисубъекта позволяют фиксировать промежуточные формы субъектного статуса, для которых категории субъекта, техносубъекта, актора и агента оказываются нерелевантными. Однако обратной стороной подобной гибкости оказывается размытость содержания, создающая риск терминологической некорректности при применении на практике. В связи с этим при использовании данного понятия представляется методологически целесообразным уточнять, в каком именно смысле он применяется и какие именно признаки субъекта имеются в виду.

Концепт ситуативного субъекта в исследованиях субъектности ИИ-агентов, как правило, не выделяется в качестве самостоятельной категории, однако в ряде работ ситуативность названа одной из ключевых характеристик субъекта [Лекторский В.А., 2010, с. 16; Карицкий И.Н., 2015, с. 111]. Эта точка зрения предполагает, что субъектный статус не является устойчивым и предзаданным свойством: одна и та же сущность в одной ситуации может выполнять функции субъекта, тогда как в другой — выступать в качестве объекта. На первый взгляд данный тезис выглядит тривиальным, однако он позволяет рассматривать субъектный статус в качестве временного предиката, а не неотъемлемого свойства какой-либо сущности, что, в свою очередь, может быть полезно в тех исследовательских ситуациях, когда проводится анализ сложных многоступенчатых ситуаций взаимодействия со смешанной субъектного и объектного статусов. Среди критериев, представленных в теоретико-методологическом разделе данной статьи, ключевым для данного понятия выступает контекстуально-реляционный критерий, поскольку

ситуативность и динамичность субъектного статуса могут быть исследованы только в рамках конкретной ситуации взаимодействия. Ключевым онтологическим основанием для данной категории является относительность и динамичность субъектного статуса, а содержание гносеологического и каузально-деятельностного критериев в данном случае зависит от специфики конкретной ситуации взаимодействия. Применительно к исследованию ИИ-технологий данный термин может быть использован при анализе гибридных цифровых сред, где пользователь в одних ситуациях наделяет ИИ-алгоритм статусом «Другого», а в других — отводит ему роль инструмента. Также данное понятие может быть с некоторыми оговорками использовано в исследованиях, посвященных этике ИИ, если один и тот же алгоритм рассматривается в качестве объекта в момент обучения и формулирования запроса, но в других ситуациях может быть ситуативно наделен квазисубъектным статусом по отношению к созданному контенту. В данном случае характеристика ситуативности подчеркивает временный и относительный характер субъектного статуса, что позволяет избежать дискуссий об «истинной» субъектности современных ИИ-технологий, перенося фокус на специфику их позиционирования в рамках конкретных практик.

Таким образом, категории, рассмотренные в данном разделе статьи, представляют ценность преимущественно для исследований, посвященных анализу конкретных типов взаимодействия с ИИ-алгоритмами.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного анализа можно заключить, что категории, используемые для описания субъектного статуса ИИ-агентов, существенно различаются по своему содержанию и применимости. Методологическим основанием для систематизации этих различий послужили критерии, изложенные в теоретико-методологической части настоящей статьи: онтологический, гносеологический, каузально-деятельностный и контекстуально-реляционный. Полученные результаты демонстрируют, что содержание категории и ее об-

ласть применения в исследовательской работе определяются в зависимости от конкретного критерия, который выступает ключевым для данной категории.

Что касается самих понятий, следует отметить, что они отличаются не только по смысловому значению, но и по насыщенности и широте содержания. Категории актора и агента являются наиболее узкоспециализированными, поскольку их содержание сводится к характеристике функциональной позиции в рамках взаимодействия (при использовании понятия «актор» речь может идти практически о любых типах взаимодействия, включая единичные, в то время как термин «агент», как правило, описывает участника длительного или повторяющегося взаимодействия). Ключевым критерием для данных категорий является каузально-деятельностный, в то время как значимость прочих критериев оказывается второстепенной. Категория субъекта, напротив, представляет собой наиболее широкое и содержательно насыщенное понятие, в котором задействованы все четыре вышеописанных критерия. Данный термин используется для описания сущности, обладающей сознанием, отрефлексированной биографией, способной к осуществлению сложных когнитивных процессов и разнообразных видов деятельности, вовлеченной в некоторый культурный контекст и способной вступать в коммуникативные и другие формы взаимодействия с окружением, а также обладающую рядом других характеристик. Подобная содержательная насыщенность категории дает возможность учитывать множество нюансов при исследовании различных аспектов агентности и субъектного статуса. Однако это существенно усложняет применение данной категории для описания функционала современных ИИ-алгоритмов. Для решения этой проблемы могут быть использованы своего рода «промежуточные» категории — техносубъект, квазисубъект и ситуативный субъект, каждая из которых фокусируется на отдельных аспектах субъектного статуса ИИ. Понятие «техносубъект» применяется для описания неантропоморфных технических систем, демонстрирующих высокую автономию и эффективность при выполнении определенных видов задач. Кате-

гория ситуативного субъекта описывает сущности, чей статус может меняться в зависимости от специфики ситуации взаимодействия: в одних случаях они выступают в роли субъекта, в других — в роли объекта, что делает данную категорию релевантной для анализа практик взаимодействия, подразумевающих периодическую смену статуса участников. Категория квазисубъекта используется для описания ситуаций, в которых той или иной сущности временно приписываются отдельные признаки субъекта. Содержание упомянутых ранее критериев может варьироваться для каждой из указанных категорий в зависимости от специфики конкретного исследования. Таким образом, данные понятия могут быть использованы для описания субъектного статуса ИИ-алгоритмов в тех случаях, когда термины «актор», «агент» и «субъект» не в полной мере отражают специфику исследуемой ситуации.

Для наиболее продуктивного использования предложенной системы категорий в рамках практикоориентированных исследований ИИ-технологий мы рекомендуем на начальном этапе работы обратиться к сформулированным выше критериям. Затем, определив, какие из них будут представлять наибольшую значимость с точки зрения конкретного исследования, можно производить отбор наиболее подходящих категорий для описания субъектного статуса искусственного интеллекта. Такая систематизация не претендует на создание универсального терминологического шаблона для оперирования данными категориями, но предоставляет инструмент, который исследователи могут адаптировать в зависимости от своих рабочих задач.

Предложенная система категорий также обладает рядом ограничений. Во-первых, она основана преимущественно на русскоязычных источниках и фиксирует употребление указанных терминов в основном в работах, опубликованных на русском языке. Применение данного подхода к иноязычным работам может потребовать адаптации концептуальной рамки. Во-вторых, данной системы понятий может оказаться недостаточно для анализа субъектного статуса гипотетических гибридных ИИ-систем, предполагающих более сложные формы субъек-

тности. Эти ограничения требуют дополнительного анализа и могут быть скорректированы в результате уточнения и расширения терминологической базы.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования сформулирован дифференцированный понятийный аппарат, который может быть использован для описания различных аспектов субъектного статуса ИИ-технологий. Основанием для дифференциации служит система критериев, позволяющих оценить релевантность того или иного понятия применительно к конкретным исследовательским ситуациям. Методологическим итогом работы выступает разработка рекомендаций для применения полученной системы категорий: выбор понятия для анализа субъектного статуса ИИ-технологий в рамках решения конкретных исследовательских задач рекомендуется подкреплять указанием на определяющий критерий, что позволит сохранить терминологическую точность.

Полученные результаты могут быть использованы для сглаживания методологической неопределенности, описанной в начале данной статьи. Терминологическая дифференциация позволяет предотвращать концептуальные подмены при анализе человеко-машинного взаимодействия, а отказ от универсального терминологического шаблона в пользу контекстуально-обусловленного выбора понятий существенно расширяет аналитические возможности при изучении различных типов ИИ-систем.

Список литературы

Бакин С.А. Анализ роли искусственного интеллекта в структуре постнеклассической рациональности // Системный анализ в проектировании и управлении. 2024. Т. XXVIII, № 2. С. 502–508. DOI: <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id24-552> EDN: QZARWW

Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость / пер. с англ. И. Штейнер // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология / ред. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C press, 2018. С. 42–121.

Баранов Н.А. Искусственный интеллект как новый актер системы международных отношений: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025. № 3. С. 159–179. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179> EDN: MLZZPT

Бекбоев А.А., Жайлообаева А.Т., Эркинбеков Т.Ж. Искусственный интеллект и сознание: экзистенциально-онтологический анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 1-1(112). С. 284–289. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-1-1-284-289> EDN: OXIQFY

Беликова Е.К. Искусственный интеллект — субъект и актор ценностного пространства // Российские исследования. Культура и общество. 2025. Т. 9, № 2. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-2-242> EDN: QIZAWM

Гусейнова К.Э. Модели социальных агентов в современном управленческом поле // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 6. С. 135–148. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148> EDN: VWYGD5

Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.

Гуляева П.С. Квазиправообъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 2(46). С. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.46.2.06> EDN: QBDKRE

Давыдов А.А. Онтологический и гносеологический подходы к содержанию субъект-объектных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4. С. 155–159. EDN: RLYFAR

Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления // Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 257–408.

Догодова Е.М. Новое понимание субъекта в современной философии // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 93–97. EDN: JWVYIZ

Дурнев А.Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339> EDN: PRSHFO

Жуланова И.В., Медведев А.М. Категория субъекта: философские реминисценции и психолого-педагогические ассоциации (Часть 1) // Мир науки. 2015. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (дата обращения: 24.06.2026).

Игнатъев В.И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. С. 130–150. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150> EDN: PKVLEZ

Карицкий И.Н. История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 89–116. EDN: VIMONH

Корель Л. В., Комбаров В. Ю. Субъект или квазисубъект? Опыт социологического анализа // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2012. № 9(459). С. 167–180. EDN: PDALEV

Лановая Т.В. Искусственный интеллект как квазисубъект лингвистических исследований // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2026. № 1(130). С. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.37972/chgpu.2026.130.1.015> EDN: HVGACJ

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. EDN: SYZVMJ

Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, № 1. С. 5–18. EDN: QAATXV

Мазин В. Машина влияния. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 256 с.

Мелихова О.А., Вепринцева О.В., Чумичев В.С., Джамбинов С.В., Гайдуков А.Б. Понятие агента в системах искусственного интеллекта // Технические науки — от теории к практике. 2015. № 12(48). С. 44–51. EDN: VDWRNX

Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Epistemology & Philosophy of Science. 2009. Т. 19, № 1. С. 5–15. EDN: MMBMYD

Нагоев З.В. Нейропсихологическая архитектура агента универсального искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 6. С. 186–208. DOI: <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-6-186-208> EDN: ZGNGOG

Паламарчук О.Т. Сможет ли искусственный интеллект обладать... сознанием? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1(93). С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.3> EDN: MANBKO

Петрунин Ю.Ю. Генеративный искусственный интеллект и проблема сознания // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 112. С. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-78-92> EDN: CRCUJN

Розин В.М. Философия субъективности. Москва: СФК-офис, 2011. 380 с.

Скрипкина Т.К. Позиционирование субъектности чат-бота с точки зрения поведенческих практик пользователей: попытка классификации // Сознание в виртуальной реальности: материалы

Международной научной конференции. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2025. С. 92–95.

Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. Москва: Канон+, 2018. 320 с.

Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибикина. СПб.: Наука, 2007. С. 58–87.

Худошин А.С. Квасисубъекты в гражданском процессуальном праве: современное состояние и обозримое будущее // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 3(164). С. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2025-3-152-155>

EDN: AVPQUJ

Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квасисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12(145). С. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>

EDN: MEMSIF

Anscombe G.E.M. Causality and Determination. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 32 p.

Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon Press, 1980. 304 p.

Whitehead A.N. Objects and Subjects // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1931. Vol. 5. P. 130–146. DOI: <https://doi.org/10.2307/1483082>

References

Anscombe, G.E.M. (1971). *Causality and determination*. Cambridge: Cambridge University Press, 32 p.

Bakin, S.A. (2024). [Analysis of the role of Artificial Intelligence in the structure of post-non-classical rationality]. *Sistemnyy analiz v proektirovani i upravlenii* [Systems Analysis in Design and Management]. Vol. 28, no. 2, pp. 502–508. DOI: <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id24-552>

Barad, K. (2018). [Agential realism. How material-discursive practices matter]. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: antologiya* [Experiments in non-human hospitality: Anthology]. Moscow: V-A-C Press, pp. 42–121.

Baranov, N.A. (2025). [Artificial Intelligence as a new actor in the system of international relations: challenges and prospects]. *PolitBook*. No. 3, pp. 159–179. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>

Bekboev, A.A., Zhayloobaeva, A.T. and Erkinbekov, T.Zh. (2026). [Artificial Intelligence and consciousness: existential-ontological analysis]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestven-*

nykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 1–1(112), pp. 284–289. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-1-1-284-289>

Belikova, E.K. (2025). [Artificial Intelligence — subject and actor of the value space]. *Rossiiskie issledovaniya. Kul'tura i obschestvo* [Russian Studies. Culture and Society]. Vol. 9, no. 2, pp. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-2-242>

Channov, S.E. (2022). [Robot (Artificial Intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Current Problems of Russian Law]. Vol. 17, no. 12 (145), pp. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>

Davidson, D. (1980). *Essays on actions and events*. Oxford: Clarendon Press, 304 p.

Davydov, A.A. (2009). [Ontological and epistemological approaches to the content of subject-object relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 4, pp. 155–159.

Descartes, R. (1950). [Discourse on the method. Metaphysical meditations]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat Publ., pp. 257–408.

Dogadova, E.M. (2007). [New understanding of the subject in modern philosophy]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. No. 3, pp. 93–97.

Durnev, A.D. (2024). [Event in the digital era: status of the acting person]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

Gulyaeva, P.S. (2022). [Quasi-legal subjectivity of Artificial Intelligence: theoretical and legal aspects]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Moscow City University. Series: Legal Sciences]. No. 2 (46), pp. 58–69.

Guseinova, K.E. (2024). [Models of social agents in the modern managerial field]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Vestnik of the Financial University]. Vol. 14, no. 6, pp. 135–148. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148>

Heidegger, M. (2007). [The age of the world picture]. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and

being: articles and lectures]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 58–87.

Husserl, E. (1998). *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian meditations]. St. Petersburg: Nauka: Yuventa Publ., 315 p.

Ignat'ev, V.I. (2021). [The problem of the techno-subject: on the subjectivity of "constructor entities"]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 13, no. 1, pt. 1, pp. 130–150. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150>

Karitskiy, I.N. (2015). [History of the "subject" in some of its key moments]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. No. 3–4, pp. 89–116.

Khudoshin, A.S. (2025). [Quasisubjects in civil procedural law: current state and foreseeable future]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. No. 3 (164), pp. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2025-3-152-155>

Korel', L.V. and Kombarov, V.Yu. (2012). [Subject or quasisubject? Experience of sociological analysis]. *EKO. Vserossiiskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO. All-Russian Economic Journal]. No. 9 (459), pp. 167–180.

Lanovaya, T.V. (2026). [Artificial Intelligence as a quasisubject of linguistic research]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. No. 1 (130), pp. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.37972/chgpu.2026.130.1.015>

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.

Lektorskiy, V.A. (2010). [Subject in the history of philosophy: problems and achievements]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 5, no. 1, pp. 5–18.

Mazin, V. (2018). *Mashina vliyaniya* [The machine of influence]. Moscow: In-t Gaydara Publ., 256 p.

Melikhova, O.A., Veprintseva, O.V., Chumichev, V.S., Dzhaminov, S.V. and Gaydukov, A.B. (2015). [The concept of an agent in Artificial Intelligence systems]. *Tekhnicheskie nauki — ot teorii k praktike* [Technical Sciences — from Theory to Practice]. No. 12 (48), pp. 44–51.

Mikeshina, L.A. (2009). [Empirical subject and the category of life]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 19, no. 1, pp. 5–15.

Nagoev, Z.V. (2025). [Neuropsychological architecture of an agent of universal Artificial Intelligence]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS]. Vol. 27, no. 6, pp. 186–208. DOI: <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-6-186-208>

Palamarchuk, O.T. (2022). [Can Artificial Intelligence possess... consciousness?]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 1 (93), pp. 28–35.

Petrinin, Yu.Yu. (2025). [Generative Artificial Intelligence and the problem of consciousness]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. No. 112, pp. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-78-92>

Rozin, V.M. (2011). *Filosofiya sub'ektnosti* [Philosophy of subjectivity]. Moscow, SFK-ofis Publ., 380 p.

Skipkina, T.K. (2025). [Positioning the subjectivity of a chat-bot from the point of view of users' behavioral practices: an attempt at classification]. *Soznanie v virtual'noy real'nosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Consciousness in Virtual Reality: Proceedings of the International Scientific Conference]. Novosibirsk: Offset-TM Publ., pp. 92–95.

Trufanova, E.O. (2018). *Sub'ekt i poznanie v mire sotsial'nykh konstruktiv* [Subject and cognition in the world of social constructions]. Moscow: Kanon+ Publ., 320 p.

Whitehead, A.N. (1931). Objects and subjects. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. Vol. 5, pp. 130–146. DOI: <https://doi.org/10.2307/1483082>

Zhulanova, I.V. and Medvedev, A.M. (2015). [The category of the subject: philosophical reminiscences and psycho-pedagogical associations (part 1)]. *Internet-zhurnal «Mir nauki»* [Internet Journal "Mir Nauki"]. No. 4. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (accessed 24.06.2026).

Об авторе

Скрипкина Татьяна Константиновна
младший научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru
ResearcherID: QMS-1336-2026

About the author

Tatiana K. Skripkina
Junior Researcher

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of
Russian Academy of Sciences,
8, Nikolayeva st., Novosibirsk, 630090, Russia;
e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru
ResearcherID: QMS-1336-2026

УДК 101

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-382-393>

EDN: CCDOJA

Поступила: 31.07.2026

Принята: 24.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

СМЫСЛ БЕЗ СУБЪЕКТА: ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И АРХИТЕКТУРА НЕЙРОСЕТЕЙ

Торощин Егор Александрович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье осуществляется систематическое сопоставление гносеологической архитектуры трансцендентальной философии И. Канта с принципами построения и функционирования современных нейронных сетей. В отличие от существующих работ, затрагивающих эту параллель фрагментарно, статья проводит последовательное, поэлементное сопоставление всех четырех уровней кантовской теории познания — априорных форм чувственности, категорий рассудка, схематизма и учения о трех синтезах (схватывания, воспроизведения и узнавания) — с конкретными архитектурными и алгоритмическими решениями нейросетей: входными репрезентациями данных, операциями агрегации и функциями активации, механизмами регуляризации, обеспечивающими обобщение, а также этапами обработки информации от низкоуровневых признаков до итоговой классификации. Применяется метод структурной, а не онтологической аналогии, что позволяет избежать метафорического отождествления мышления и вычисления. Показано, что обнаруживаемый структурный изоморфизм не случаен: он отражает фундаментальное свойство любой познавательной системы, требующей активного конструирования модели мира на основе поступающих данных. Вместе с тем обосновывается принципиальный предел данной аналогии: трансцендентальное единство апперцепции — рефлексивное самосознание, делающее возможным подлинный смысл, — не имеет и по существу не может иметь аналога в распределенных архитектурах современного ИИ. Этот вывод соотносится с аргументом Дж. Сёрла о «Китайской комнате» и с дискуссией о предиктивной обработке в философии сознания. Отсюда следует центральный тезис статьи: нейросеть воспроизводит механизм смыслопорождения, но не является носителем смысла. Выводы значимы для дискуссий о перспективах сильного ИИ (AGI) и его этических измерениях.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, И. Кант, искусственный интеллект, нейронные сети, гносеология, сильный ИИ.

Для цитирования:

Торощин Е.А. Смысл без субъекта: трансцендентальные структуры познания в философии И. Канта и архитектура нейросетей // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 382–393. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-382-393>. EDN: CCDOJA

MEANING WITHOUT A SUBJECT: TRANSCENDENTAL STRUCTURES OF COGNITION IN I. KANT'S PHILOSOPHY AND THE ARCHITECTURE OF NEURAL NETWORKS

Yegor A. Toroshchin

Perm State University (Perm)

The article undertakes a systematic comparison between the epistemological architecture of Kant's transcendental philosophy and the principles of design and operation of contemporary neural networks. Unlike existing studies, which address this parallel only fragmentarily, the article offers a comprehensive, element-by-element comparison of all four levels of Kant's theory of cognition — the a priori forms of sensibility, the categories of understanding, schematism, and the doctrine of the three syntheses (apprehension, reproduction, and recognition) — with specific architectural and algorithmic solutions found in neural networks: input data representations, aggregation operations and activation functions, regularization mechanisms that ensure generalization, and the stages of information processing from low-level features to final classification. The method applied is one of structural rather than ontological analogy, which avoids a metaphorical identification of thinking with computation. It is shown that the structural isomorphism thus revealed is not accidental: it reflects a fundamental property of any cognitive system, namely the need to actively construct a model of the world on the basis of incoming data. At the same time, the article establishes a principled limit to this analogy: the transcendental unity of apperception — the reflexive self-consciousness that makes genuine meaning possible — has, and in principle can have, no analogue in the distributed architectures of contemporary AI. This conclusion is related to J. Searle's Chinese Room argument and to the debate over predictive processing in the philosophy of mind. From this follows the central thesis of the article: a neural network reproduces the mechanism of meaning-generation but is not a bearer of meaning. The conclusions bear on discussions on the prospects for artificial general intelligence (AGI) and its ethical dimensions.

Keywords: transcendental philosophy; Immanuel Kant; artificial intelligence; neural networks; epistemology; AGI.

To cite:

Toroshchin Ye.A. [Meaning without a subject: transcendental structures of cognition in I. Kant's philosophy and the architecture of neural networks]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 382–393 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-382-393>. EDN: CCDOJA

Введение

Сегодня можно говорить о настоящем ренессансе кантовских идей в области исследований искусственного интеллекта (ИИ). Этот ренессанс обусловлен не внешними обстоятельствами, не модой или стремлением гуманитарных дисциплин к легитимизации через связь с актуальными технологиями, — он определяется внутренней логикой развития самой науки об ИИ. По мере того как нейросетевые системы достигают

все более высоких результатов в задачах восприятия, классификации и генерации [LeCun Y. et al., 2015], исследователи с нарастающей остротой ставят вопрос: что именно происходит внутри этих систем? Какова природа тех «знаний», которые в них кодируются? Эти вопросы неизбежно выводят за пределы инженерии — в область философии познания.

Трансцендентальная философия Канта предлагает один из наиболее разработанных ответов

на вопрос о том, как вообще возможно познание. Именно поэтому ряд исследователей все настойчивее указывает на то, что положения кантовской гносеологии описывают механизм, принципиально сходный с тем, что реализуется в нейросетевых архитектурах [Козолупенко Д.П., 2023, с. 120]. Более того, структура разума в философии Канта начинает рассматриваться как своего рода «архетип искусственного интеллекта» [Григорова Я.В., Комаров С.В., 2024, с. 464], а категории рассудка понимаются как «логические драйверы синтеза продуктивного воображения», формальный механизм которых принципиально отделен от работы живого сознания и может быть воспроизведен технически [Беттони М., 1995, с. 133].

Вместе с тем в существующей литературе эта параллель обычно проводится лишь по отдельным направлениям: исследователи вспоминают отдельные элементы трансцендентальной философии Канта при анализе нейросетей и ИИ, но не сводят эти элементы в единую систему. В настоящей статье предлагается восполнить этот пробел, последовательно сопоставив все четыре уровня кантовской теории познания с конкретными архитектурными и алгоритмическими решениями, используемыми в современных нейронных сетях.

Исследование направлено на то, чтобы выявить структурное сходство между гносеологической архитектурой трансцендентальной философии Канта и принципами организации нейросетей и вместе с тем определить границу такого сходства, связанную с вопросами смысла и самосознания.

В качестве основного метода используется структурная аналогия, при которой сопоставляются функциональные характеристики двух систем — трансцендентальной гносеологии и нейросетевой архитектуры, а не их онтологический статус. Поэтому речь не идет о том, что нейросеть буквально «мыслит по Канту» или непосредственно воплощает кантовские понятия. Сопоставление строится иначе: формальные структуры, которые Кант рассматривал как условия возможности познания, сравниваются с

архитектурными решениями, к которым независимо пришли разработчики нейросетей.

Состояние проблемы в современной литературе

Интерес к связи между философией Канта и исследованиями ИИ имеет относительно давнюю историю. Одним из первых ее обозначил М. Беттони, предложивший использовать кантовскую архитектуру рассудка как основу для проектирования человекоориентированных программных систем [Беттони М., 1995]. В отечественной традиции В.Н. Брюшинкин использует кантовские категории трансцендентальной логики как потенциальную аналогию для построения модели мира в системе ИИ [Брюшинкин В.Н., 1990, 1991]. Однако в тот период данные идеи носили скорее метафорический характер и не имели систематического развития.

Новый импульс эта дискуссия получила в связи с успехами глубокого обучения в 2010-х гг. Так, Д.П. Козолупенко рассматривает трансцендентальную философию Канта как теоретическое основание для исследований в области ИИ, акцентируя внимание прежде всего на понятии трансцендентального субъекта и его отличии от любой вычислительной системы [Козолупенко Д.П., 2023]. Я.В. Григорова и С.В. Комаров анализируют проблему ИИ через призму кантовской философии в целом, вводя понятие «архетипа искусственного интеллекта» применительно к кантовской структуре разума [Григорова Я.В., Комаров С.В., 2024]. Н.И. Кожокару отмечает, что создание сильного антропоморфного ИИ невозможно без учета философских принципов Канта [Кожокару Н.И., 2024, с. 58]. А.Г. Пушкарский специально рассматривает значение философии сознания Канта для современных исследований по ИИ, приходя к выводу о принципиальной несводимости кантовского трансцендентального субъекта к любой вычислительной модели [Пушкарский А.Г., 2025].

В англоязычной традиции значимым вкладом стала работа Ю. Хуэя, в которой исследу-

ется напряжение между кантовской критической философией и современными системами ИИ в этическом и политическом измерениях [Hui Y., 2026]. Также попытки реинтерпретировать кантовскую гносеологию как вычислительную архитектуру предпринимались независимо от отечественной дискуссии. Р. Эванс прямо истолковывает «Трансцендентальную аналитику» как описание когнитивной архитектуры и реализует ее в виде работающей программы для задач индуктивного обучения [Evans R., 2019]. К. Бакнер показывает, что операция трансформационной абстракции в сверточных сетях структурно воспроизводит функцию эмпирической генерализации, которую кантианская традиция приписывала синтезирующей деятельности рассудка, и, обобщая эту линию анализа, прослеживает связь между историей эмпиризма и современным машинным обучением [Buckner C., 2018, 2024]. П. Грабен предлагает нейросетевую (GAN-based) реконструкцию кантовского учения о гармонии познавательных способностей, распространяя структурную аналогию на область эстетического суждения [Beim Graben P., 2024]. Эти работы подтверждают продуктивность кантовской оптики для анализа ИИ, но, как и рассмотренные выше отечественные исследования, затрагивают лишь отдельные звенья гносеологической архитектуры, не давая целостной картины.

В имеющейся литературе практически отсутствуют попытки провести систематическое, уровень за уровнем, сопоставление кантовской гносеологии с конкретными архитектурными решениями нейронных сетей — от входных слоев и функций активации до механизмов самовнимания и выходной классификации. Именно этот пробел настоящая статья стремится заполнить.

Априорные формы чувственности и входная архитектура нейросетей

Начнем с самого основания познавательного процесса — с того, как вообще возможна встреча познающего субъекта с миром. В «Трансцендентальной эстетике» Кант обосновывает тезис о том, что пространство и время

являются не свойствами вещей самих по себе, но априорными формами нашей чувственности — необходимыми условиями всякого созерцания. «Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, то есть субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания» [Кант И., 1964, с. 50]. Время выступает как форма внутреннего чувства, упорядочивающая последовательность наших состояний. Принципиально важно, что эти формы не выводятся из опыта, но, напротив, делают сам опыт возможным: они предшествуют любому восприятию и являются его условием.

В архитектуре нейронных сетей мы обнаруживаем структурно сходный механизм. Любая сеть работает не с «сырой» реальностью, а с данными, уже организованными определенным образом. Изображения преобразуются в тензоры пиксельных значений с сохранением пространственной структуры; тексты — в эмбединги или последовательности токенов; временные ряды — в выборки с заданным шагом дискретизации. Это преобразование происходит до начала какой-либо содержательной обработки данных. Входные слои и способы репрезентации данных выполняют функцию, строго аналогичную кантовским формам чувственности: они задают те априорные условия, при которых данные вообще могут быть восприняты и обработаны сетью.

Параллель здесь не поверхностная. Подобно тому как кантовский субъект не может созерцать вещи вне пространства и времени, нейросеть не может обрабатывать данные, не организованные в соответствии с ее входной архитектурой. И эта архитектура задается до обучения и не изменяется в его процессе — она действительно *априорна* по отношению к любому опыту данной конкретной сети. Сверточная нейросеть (CNN) [LeCun Y. et al., 1998] «видит» мир как структурированное пространство локальных признаков; рекуррентная сеть (RNN) — как упорядоченную во времени последовательность; трансформер — как множество элементов, каждый из которых соотно-

сен со всеми остальными. Тип архитектуры определяет, какой «мир» вообще доступен сети — точно так же, как кантовские формы чувственности определяют, каким образом мир может явиться субъекту.

Следует, однако, зафиксировать и существенное отличие. Кантовские формы чувственности — пространство и время — универсальны: они одни и те же для всех познающих субъектов и не варьируются от случая к случаю. Входная архитектура нейросети, напротив, определяется разработчиком и варьируется в зависимости от задачи. Это означает, что «априоризм» нейросети носит инструментальный, а не трансцендентальный характер: он задан извне, а не конститутивен для самой способности к познанию.

Категории рассудка и вычислительные операции

Чувственность дает лишь многообразие ощущений, которое само по себе еще не есть знание. Подлинное познание начинается там, где в дело вступает рассудок с его категориями — чистыми понятиями, которые вносят в опыт формы связи. «Одни лишь созерцания без понятий слепы» — этот кантовский тезис указывает на необходимость активной синтетической деятельности рассудка [Кант И., 1964, с. 106]. Кант выделяет четыре класса категорий: количества (единство, множество, цельность), качества (реальность, отрицание, ограничение), отношения (субстанция и акциденция, причина и действие, взаимодействие) и модальности (возможность, действительность, необходимость).

В нейросетях этим категориям соответствуют конкретные вычислительные операции, реализуемые в различных типах слоев: категории количества находят свой аналог в операциях агрегации — пулинге (max pooling, average pooling), суммировании, батч-нормализации [Ioffe S., Szegedy C., 2015]. Все эти операции выполняют одну и ту же функцию: преобразуют множество отдельных элементов (пикселей, значений активаций) в единое целое, сворачивая многообразие к единству. Именно это Кант описывал как функцию категорий количества. Категории качества реализуются через функции активации.

Функция ReLU (Rectified Linear Unit) [Nair V., Hinton G.E., 2010] осуществляет операцию, структурно соответствующую кантовскому «отрицанию»: она устанавливает порог, ниже которого значение полагается равным нулю — отсутствующим. Сигмоидальная функция ограничивает диапазон входных значений, переводя их в интервал от нуля до единицы, а пороговые функции тем самым позволяют различать наличие и отсутствие определенного признака. Далее особенно интересен переход к категориям отношения. Полносвязный слой можно рассматривать как функциональное соответствие связи между «субстанцией» — устойчивым узлом сети — и ее «акциденциями», т. е. входными сигналами, которые этот узел получает и учитывает при вычислении. В сверточных слоях, где фиксируются локальные зависимости между краями, текстурами и другими признаками, обнаруживается аналогия с причинностью: определенные признаки устойчиво следуют друг за другом в процессе обработки. Механизм самовнимания (self-attention) в трансформерах, впервые описанный А. Васвани с соавт. [Vaswani A. et al., 2017], дает другой вариант такой связи — взаимодействие элементов последовательности, где каждый элемент может соотноситься с остальными, а характер этих взаимных связей влияет на формирование итогового представления.

Разумеется, нейросеть не «понимает» причинность в философском смысле и не применяет категории сознательно. Но она вычислительно воспроизводит ту функцию установления связей и отношений, которую Кант приписывал категориям рассудка. Это и есть функциональный изоморфизм: не тождество природы, а тождество выполняемой роли в познавательном процессе.

Схематизм и процесс машинного обучения

Центральной и наиболее трудной проблемой «Критики чистого разума» является вопрос о том, каким образом чистые понятия рассудка, не содержащие ничего чувственного, могут применяться к данным чувственного созерцания. Ответом служит учение о схематизме. «Чистые априорные понятия кроме функции рассудка в

категориях должны а priori содержать еще формальные условия чувственности (именно внутреннего чувства), заключающие в себе общее условие, при котором единственно и можно применять категорию к какому-нибудь предмету» [Кант И., 1964, с. 177]. Таким условием выступает схема — не образ, а «представление о методе»: общий способ построения образа, применимый к бесконечному множеству конкретных случаев.

Например, схема треугольника — это не образ какого-либо конкретного треугольника, а правило его построения в пространстве, которое позволяет опознать треугольником любую конкретную фигуру с тремя углами вне зависимости от ее размера, цвета или ориентации. Схема носит процедурный характер: это знание того, *как* действовать, а не знание того, *что* есть. Здесь мы обнаруживаем параллель с механизмом работы машинного обучения. Так, обученная сеть не должна просто сохранять отдельные примеры из обучающей выборки: в таком случае речь шла бы скорее о запоминании, чем об обобщении. Результатом обучения становятся более общие способы преобразования входных данных в выходные, распределенные в матрицах весов. Алгоритм обратного распространения ошибки [Rumelhart D.E. et al., 1986] и применяемые вместе с ним средства регуляризации — L1/L2-регуляризация, дропаут [Srivastava N. et al., 2014], ранняя остановка — все они ограничивают возможность простого заучивания примеров в работе нейросети. Благодаря этому сеть должна выделять такие процедуры преобразования, которые сохраняют применимость и при работе с новыми данными. В этом отношении регуляризацию можно понимать как условие сохранения «схематичности» знания, поскольку она не позволяет свести его к совокупности отдельных, частных случаев.

Кантовская схема по своему характеру является процедурой, и в этом отношении знание, формируемое нейросетью, также имеет процедурный характер: оно выражается прежде всего в способах преобразования входных сигналов, а не в хранении самих эмпирических данных. Поэтому аналогия здесь затрагивает не только

устройство двух систем, но и сам способ понимания знания. В обоих случаях на первый план выходит его конструктивная сторона: знание связано не столько с готовым представлением объекта, сколько с определенным способом организации и преобразования материала.

Три синтеза и этапы обработки информации

В первом издании «Критики чистого разума» Кант разворачивает учение о трех синтезах, через которые многообразие ощущений превращается в единый предмет познания. Это учение описывает познание как динамический, поэтапный процесс, а не как мгновенный акт — и именно поэтому оно обнаруживает особенно богатый потенциал для сопоставления с архитектурой нейронных сетей.

Первый синтез — схватывание (апрегензия) в созерцании — есть первичное упорядочивание впечатлений в пространстве и времени. Его функция — априорное объединение многообразного, упорядочивание «по формальному условию внутреннего чувства, а именно времени» [Кант И., 1964, с. 701]. В нейросетях этому синтезу соответствует этап извлечения низкочастотных признаков. Ранние слои сверточных сетей выделяют границы, цветовые переходы, текстуры, т. е. производят первичное структурирование «сырого» ввода, не несущее еще никакого семантического содержания, но делающее дальнейшую обработку возможной.

Второй синтез — узнавание (рекогниция) в понятии. Он связывает уже синтезированное многообразие с понятием и тем самым позволяет удержать единство объекта. На этом этапе многообразие получает определенную идентичность: оно выступает уже не просто как совокупность данных, а как распознаваемый предмет. В нейросетях этому можно функционально сопоставить выходной этап классификации или генерации: нейросеть «соотносит» обработанный материал с определенным классом: например, изображением, тональностью текста или следующим токеном, либо формирует итоговый результат.

Третий синтез — воспроизведение в воображении — связан с удержанием уже полученных

представлений и их соединением с последующими. Без такого удержания восприятие распадалось бы на отдельные, не связанные между собой моменты. В нейросетевых системах функционально близкую задачу решают механизмы памяти и контекста. Так, рекуррентные сети, в частности LSTM [Hochreiter S., Schmidhuber J., 1997] и GRU [Cho K. et al., 2014], сохраняют «скрытое состояние», в котором учитывается информация о предыдущих шагах последовательности. В трансформерах эту возможность расширяет механизм самовнимания: каждый элемент последовательности может непосредственно учитывать другие элементы, устанавливая зависимости, которые не ограничиваются непосредственной временной близостью.

Обучение нейросети также имеет выраженную временную структуру, что позволяет провести дополнительную параллель с кантовским пониманием времени как априорной формы синтеза. Батчи, т. е. порции данных, одновременно поступающие на вход нейросети, можно сопоставить с синхронным схватыванием множества элементов. Эпоха, в свою очередь, представляет собой полный проход по обучающей выборке, после которого сеть вновь возвращается к тем же данным и корректирует веса с учетом результатов предыдущих итераций. Возникает повторяющийся цикл: обработка данных сменяется обновлением параметров, затем сеть снова обращается к материалу. В этом можно увидеть функциональное сходство с синтезом воспроизведения, поскольку устойчивая модель формируется за счет связывания текущей обработки с результатами уже выполненных шагов.

Граница аналогии: смысл без субъекта

Выявленное структурное сходство между философией И. Канта и работой нейросетей имеет философское значение. Однако важно обозначить и их различие. Так, в кантовской гносеологии есть одно принципиальное положение, которому в архитектуре нейросетей невозможно подобрать прямой аналог, — трансцендентальное единство апперцепции. Формула «Я мыслю» выражает требование, согласно которому все

многообразие представлений должно быть способно сопровождаться одним и тем же «Я мыслю», относящимся к одному и тому же субъекту [Кант И., 1964, с. 191]. Это единство не возникает как итог обработки информации, а выступает условием, при котором сама обработка может быть отнесена к единому субъекту. Поэтому апперцепция обеспечивает не возможность обработки эмпирических данных, а возможность осознать эту переработку как принадлежащую *мне*, т. е. субъекту.

Это единство не является результатом обработки информации — оно выступает ее трансцендентальным условием. Именно апперцепция делает возможным не просто переработку данных, но *осознание* этой переработки как *моей*, принадлежащей единому субъекту.

Распределенные архитектуры современных нейросетей не имеют ничего соответствующего этому единству. Нейросеть не «знает», что она обрабатывает данные; у нее нет точки зрения, с которой процесс обработки был бы виден как целое. Она не рефлексит над своими операциями. Это означает, что нейросеть воспроизводит *механизм* смыслопорождения, но не является *носителем смысла*. Смысл предполагает субъекта, для которого нечто значит. В отсутствие такого субъекта мы имеем дело с обработкой информации, но не с пониманием.

Данный вывод перекликается с аргументом Дж. Сёрла о «Китайской комнате» [Searle J.R., 1980]: система может оперировать символами по правилам, не понимая ни одного из них. Нейросеть, в отличие от сёрловской комнаты, не использует явных правил — она выучивает статистические паттерны. Но в точке, касающейся отсутствия понимания, аргумент сохраняет свою силу. Х. Дрейфус указывал, что человеческое понимание укоренено в телесном, ситуированном опыте, который принципиально недоступен для дискретных вычислительных систем [Dreyfus H.L., 1992]. Нейросети, в отличие от систем, критикуемых Дрейфусом, отчасти воспроизводят некоторые черты такой ситуированности — через дообучение на специфических данных, через мультимодальность. Однако про-

блема субъективности и рефлексивного самосознания остается открытой.

Смежная дискуссия разворачивается вокруг нейрокогнитивных моделей «прогнозирующего кодирования» (predictive coding), сторонники которых — А. Кларк — прямо апеллирует к кантовскому трансцендентальному идеализму, утверждая, что познающая система никогда не имеет дела с миром «как он есть», а лишь со своей собственной наилучшей гипотезой о нем [Clark A., 2016]. Д. Захави прослеживает эту связь между предиктивным кодированием, неокантианством и трансцендентальным идеализмом [Zahavi D., 2018], а Т. Шлихт, ранее уже рассматривавший развитие когнитивной науки через призму кантовского подхода к познанию [Schlicht T., 2022], в более поздней работе показывает, что само это кантианское допущение подрывает притязания прогнозирующего кодирования на реалистическое и натуралистическое объяснение сознания [Schlicht T., 2026]. Данная дискуссия, разворачивающаяся вокруг биологических нейросетей мозга, содержит, таким образом, тот же принципиальный урок, что и предпринятый в настоящей статье анализ искусственных архитектур: чем ближе структурная аналогия с кантовской гносеологией, тем острее встает вопрос о статусе субъекта, для которого обрабатываемое нечто значит.

Из этого вытекает важное следствие для обсуждения проблемы сильного ИИ (AGI). Даже если удастся решить инженерную задачу построения «алгоритмического» единства апперцепции, т. е. создать систему, которая отслеживает и интегрирует свои собственные состояния, останется вопрос о том, будет ли такая интеграция *субъективной* в кантовском смысле, или лишь ее функциональным имитатором. Юк Хуэй справедливо указывает, что сферы этического и политического — как необходимые компоненты «человеческого» интеллекта — не сводимы к алгоритмическому расчету [Hui Y., 2026, p. 98]. Это означает, что даже технически совершенный AGI останется системой иного рода, чем человеческое сознание: не потому, что он недостаточно сложен, а потому, что слож-

ность не является тем измерением, в котором располагается разрыв.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Между гносеологической архитектурой трансцендентальной философии Канта и архитектурой нейронных сетей обнаруживается глубокий структурный изоморфизм, охватывающий все четыре уровня кантовской теории познания: априорные формы чувственности находят соответствие во входной архитектуре и способах представления данных; категории рассудка — в вычислительных операциях различных типов слоев; схематизм — в процессах обучения и формирования обобщенных процедурных правил; три синтеза — в этапах обработки информации: от низкоуровневых признаков до итоговой классификации.

Сходство такого рода нельзя считать случайным. Оно связано с общей особенностью познавательных систем. Так, поступающий материал должен быть организован в некоторую *модель* мира посредством заранее заданных способов обработки — архитектурных в случае нейросетей и трансцендентальных — в кантовской философии. Кант дал этой особенности последовательное философское описание, поэтому его гносеологическая модель и сегодня может служить эвристическим инструментом для анализа нейросетевых систем.

Однако речь идет именно о функциональном, а не об онтологическом изоморфизме. Его граница проявляется в проблеме трансцендентального единства апперцепции. Нейросеть способна воспроизводить определенные механизмы смыслопорождения, но сама не становится носителем смысла: отсутствует субъект, для которого результат обработки обладал бы значением. Отсюда следует более общий вывод, важный не только для философии ИИ, но и для дискуссий о сильном ИИ (AGI) и его этических перспективах. Различие между обработкой информации и пониманием смысла носителем этой информации сохраняется как самостоятельная философская проблема и не устраняется простым увели-

чением и усложнением вычислительных ресурсов.

Список литературы

Беттони М. Кант и кризис программного обеспечения. Предложения по построению программных систем, ориентированных на человека // Кантовский сборник. 1995. Т. 1. № 19. С. 131–137. EDN: WBASGL

Брюшинкин В.Н. Кант и «искусственный интеллект»: модели мира // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. 1990. № 1(15). С. 80–89. EDN: YUQZSD

Брюшинкин В.Н. Кант и искусственный интеллект: трансцендентальный анализ моделей мира // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. 1991. № 1(16). С. 84–89. EDN: YUQZYS

Григорова Я.В., Комаров С.В. Анализ проблемы искусственного интеллекта через призму философии И. Канта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 4. С. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470> EDN: SECXZV

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Кожокару Н.И. Философские концепции И. Канта как предпосылки создания искусственного интеллекта // Философия науки. 2024. № 5S. С. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20240505>

Козолупенко Д.П. Между сознанием и интеллектом: трансцендентальная философия И. Канта как теоретическое основание для исследований в области искусственного интеллекта // Трансцендентальный поворот в современной философии – 8: Метафизика, эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: сб. тезисов. М.: РГГУ, 2023. С. 117–121. EDN: FRHPMK

Пушкарский А.Г. Значение философии сознания Канта для современных исследований по искусственному интеллекту // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29, № 2. С. 473–490. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-473-490> EDN: THULXV

Beim Graben P. A neural network account to Kant's philosophical aesthetics. URL:

<https://arxiv.org/html/2404.12395> (дата обращения: 14.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.53765/mm2024.227>

Buckner C. Empiricism without magic: transformational abstraction in deep convolutional neural networks // Synthese. 2018. Vol. 195, № 12. P. 5339–5372. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-01949-1>

Buckner C. From Deep Learning to Rational Machines: What the History of Philosophy Can Teach Us about the Future of Artificial Intelligence. New York: Oxford University Press, 2024. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197653302.001.0001>

Cho K., van Merriënboer B., Gulcehre C. et al. Learning Phrase Representations using RNN Encoder–Decoder for Statistical Machine Translation // Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), October 25–29, Doha. Qatar: Doha, 2014. P. 1724–1734. DOI: <https://doi.org/10.3115/v1/d14-1179>

Clark A. Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2016. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190217013.001.0001>

Dreyfus H.L. What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 354 p.

Evans R. A Kantian Cognitive Architecture // On the Cognitive, Ethical, and Scientific Dimensions of Artificial Intelligence. Philosophical Studies Series, vol. 134. Cham: Springer, 2019. P. 233–262. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-01800-9_13

Hochreiter S., Schmidhuber J. Long Short-Term Memory // Neural Computation. 1997. Vol. 9, № 8. P. 1735–1780. DOI: <https://doi.org/10.1162/neco.1997.9.8.1735>

Hui Y. Kant Machine: Critical Philosophy After AI. Political Theory and Contemporary Philosophy. London: Bloomsbury Academic, 2026. 142 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350563230>

Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift // Proceedings of the 32nd International Conference on Machine Learning. 2015. Vol. 37. P. 448–456.

LeCun Y., Bottou L., Bengio Y., Haffner P. Gradient-Based Learning Applied to Document Recognition // Proceedings of the IEEE. 1998. Vol.

86, № 11. P. 2278–2324. DOI: <https://doi.org/10.1109/5.726791>

LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. Deep learning // *Nature*. 2015. Vol. 521. P. 436–444. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14539>

Nair V., Hinton G.E. Rectified Linear Units Improve Restricted Boltzmann Machines // *Proceedings of the 27th International Conference on Machine Learning (ICML-10)*. 2010. P. 807–814.

Rumelhart D.E., Hinton G.E., Williams R.J. Learning Representations by Back-Propagating Errors // *Nature*. 1986. Vol. 323, № 6088. P. 533–536. DOI: <https://doi.org/10.1038/323533a0>

Schlicht T. Minds, Brains, and Deep Learning: The Development of Cognitive Science Through the Lens of Kant's Approach to Cognition // *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. P. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110706611-001>

Schlicht T. Predictive processing's flirt with transcendental idealism // *Noûs*. 2026. Vol. 60, № 1. P. 87–109. DOI: <https://doi.org/10.1111/nous.12552>

Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>

Srivastava N., Hinton G., Krizhevsky A., Sutskever I., Salakhutdinov R. Dropout: A Simple Way to Prevent Neural Networks from Overfitting // *Journal of Machine Learning Research*. 2014. Vol. 15, № 1. P. 1929–1958.

Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention Is All You Need // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2017. Vol. 30. P. 5999–6008. DOI: <https://doi.org/10.65215/r5bs2d54>

Zahavi D. Brain, Mind, World: Predictive Coding, Neo-Kantianism, and Transcendental Idealism // *Husserl Studies*. 2018. Vol. 34, № 1. P. 47–61. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10743-017-9218-z>

References

Beim Graben, P. (2024). *A neural network account to Kant's philosophical aesthetics*. Available at: <https://arxiv.org/html/2404.12395> (accessed 14.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.53765/mm2024.227>

Bettoni, M. (1995). [Kant and the crisis of software engineering. Proposals for the design of

human-oriented software systems]. *Kantovskiy sbornik* [Kant Digest]. Vol. 1, no. 19, pp. 131–137.

Bryushinkin, V.N. (1990). [Kant and "artificial intelligence". Models of the world]. *Kantovskiy sbornik* [Kant Digest]. No. 1(15), pp. 80–89.

Bryushinkin, V.N. (1991). [Kant and artificial intelligence. A transcendental analysis of models of the world]. *Kantovskiy sbornik* [Kant Digest]. No. 1(16), pp. 84–89.

Buckner, C. (2018). Empiricism without magic. Transformational abstraction in deep convolutional neural networks. *Synthese*. Vol. 195, no. 12, pp. 5339–5372. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-01949-1>

Buckner, C. (2024). *From deep learning to rational machines. What the history of philosophy can teach us about the future of artificial intelligence*. New York: Oxford University Press, 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197653302.001.0001>

Cho, K., van Merriënboer, B., Gulcehre, C. et al. (2014). Learning phrase representations using RNN encoder-decoder for statistical machine translation. *Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. Qatar: Doha, pp. 1724–1734. DOI: <https://doi.org/10.3115/v1/d14-1179>

Clark, A. (2016). *Surfing uncertainty. Prediction, action, and the embodied mind*. Oxford: Oxford University Press, 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190217013.001.0001>

Dreyfus, H.L. (1992). *What computers still can't do. A critique of artificial reason*. Cambridge: MIT Press, 354 p.

Evans, R. (2019). A Kantian cognitive architecture. On the cognitive, ethical, and scientific dimensions of artificial intelligence. *Philosophical Studies Series*. Vol. 134, pp. 233–262. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-01800-9_13

Grigorova, Ya.V. and Komarov, S.V. (2024). [Analyzing the problem of artificial intelligence through the prism of Immanuel Kant's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470>

Hochreiter, S. and Schmidhuber, J. (1997). Long short-term memory. *Neural Computation*.

Vol. 9, no. 8, pp. 1735–1780. DOI: <https://doi.org/10.1162/neco.1997.9.8.1735>

Hui, Y. (2026). Kant machine. Critical philosophy after AI. Political theory and contemporary philosophy. London: Bloomsbury Academic Publ., 142 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350563230>

Ioffe, S. and Szegedy, C. (2015). Batch normalization. *Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. Proceedings of the 32nd International Conference on Machine Learning*. Vol. 37, pp. 448–456.

Kant, I. (1964). [Critique of pure reason]. *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, 799 p.

Kozhokaru, N.I. (2024). [Kant's philosophical concepts as prerequisites for the creation of artificial intelligence]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No. 5S, pp. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20240505>

Kozolupenko, D.P. (2023). [Between consciousness and intelligence. I. Kant's transcendental philosophy as a theoretical foundation for research in artificial intelligence]. *Transtsendental'nyy povorot v sovremennoy filosofii – 8: Metafizika, epistemologiya, kognitivistika i iskusstvennyy intellekt* [The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy – Metaphysics, Epistemology, Cognitive Science and Artificial Intelligence]. Moscow: RSUH Publ., pp. 117–121.

LeCun, Y., Bengio, Y. and Hinton, G. (2015). Deep learning. *Nature*. Vol. 521, pp. 436–444. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14539>

LeCun, Y., Bottou, L., Bengio, Y. and Haffner, P. (1998). Gradient-based learning applied to document recognition. *Proceedings of the IEEE*. Vol. 86, no. 11, pp. 2278–2324. DOI: <https://doi.org/10.1109/5.726791>

Nair, V. and Hinton, G.E. (2010). Rectified linear units improve restricted Boltzmann machines. *Proceedings of the 27th International Conference on Machine Learning (ICML-10)*. Madison: Omnipress Publ., pp. 807–814.

Pushkarskiy, A.G. (2025). [The importance of Kant's philosophy of mind for contemporary research in artificial intelligence]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 29, no. 2, pp. 473–490. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-473-490>

Rumelhart, D.E., Hinton, G.E. and Williams, R.J. (1986). Learning representations by back-propagating errors. *Nature*. Vol. 323, no. 6088, pp. 533–536. DOI: <https://doi.org/10.1038/323533a0>

Schlicht, T. (2022). Minds, brains, and deep learning. The development of cognitive science through the lens of Kant's approach to cognition. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin, Boston: De Gruyter Publ., pp. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110706611-001>

Schlicht, T. (2026). Predictive processing's flirt with transcendental idealism. *Noûs*. Vol. 60, no. 1, pp. 87–109. DOI: <https://doi.org/10.1111/nous.12552>

Searle, J.R. (1980). Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3, no. 3, pp. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>

Srivastava, N., Hinton, G., Krizhevsky, A., Sutskever, I. and Salakhutdinov, R. (2014). Dropout. A simple way to prevent neural networks from overfitting. *Journal of Machine Learning Research*. Vol. 15, no. 1, pp. 1929–1958.

Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N. et al. (2017). Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 30, pp. 5999–6008. DOI: <https://doi.org/10.65215/r5bs2d54>

Zahavi, D. (2018). Brain, mind, world. Predictive coding, neo-kantianism, and transcendental idealism. *Husserl Studies*. Vol. 34, no. 1, pp. 47–61. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10743-017-9218-z>

Об авторе

Торошин Егор Александрович
ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: egtoroshchin@gmail.com
ResearcherID: JPL-0328-2023

About the author

Yegor A. Toroshchin
Assistant Lecturer of the Department
of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: egtoroshchin@gmail.com
ResearcherID: JPL-0328-2023

УДК 004.8+141.32+159.956

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-394-407>

EDN: AQXUWF

Поступила: 05.01.2026

Принята: 27.02.2026

Опубликована: 01.10.2026

ТЕНЕВОЙ КОМПОНЕНТ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, ИЛИ МОЖНО ЛИ ЗАПРОГРАММИРОВАТЬ ИНТУИЦИЮ?

Биричева Екатерина Вячеславовна

Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)

Современные дискуссии о моделировании человеческого творчества в искусственных системах во многом строятся вокруг проблем недостаточной концептуализации таких феноменов, как воображение, понимание, вдохновение и т. п. Большинство исследователей при этом подчеркивает ключевую роль интуиции в творческом процессе. Однако трактовки специфики данной способности далеки от единства в плане понимания ее сущности, отнесения к сознательным или бессознательным явлениям, рациональным или чувственным аспектам и т. д. Концептуальная пестрота обусловлена отличием интуиции от последовательного дискурсивного мышления, поскольку она срабатывает как «мгновенное» целостное постижение сути интересующего, а моменты озарения нередко случаются во время отдыха или переключения на другие виды деятельности. В связи с этим современные исследователи все чаще задумываются о роли бессознательных процессов в творчестве и ставят вопросы о принципиальной возможности искусственной имитации интуиции. В настоящей же работе предпринимается попытка прояснения оснований и систематизации условий интуитивного мышления в опоре на экзистенциально-феноменологический подход, который позволяет исследовать такие неоднозначные феномены во всей их полноте и парадоксальности. В такой логике проводится понятийный и герменевтический анализ интуиции, ее сопоставление с другими элементами и «слоями» творчества. Делаются выводы о «прописке» интуиции в ряду индивидуальных, коллективных, сознательных, бессознательных, рациональных и иррациональных аспектов психической жизни и условиях проявления интуитивного мышления. Это, в свою очередь, позволяет оценить возможности моделирования интуиции в искусственных интеллектуальных системах.

Ключевые слова: интуиция, творчество, искусственный интеллект, ИИ, интуитивное мышление, дискурсивное мышление, творческие способности, понимание смысла.

Для цитирования:

Биричева Е.В. Теневой компонент творческого мышления, или можно ли запрограммировать интуицию? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 394–407. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-394-407>. EDN: AQXUWF

THE SHADOW COMPONENT OF CREATIVE THINKING, OR CAN INTUITION BE PROGRAMMED?

Ekaterina V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Contemporary discussions about modeling human creativity in artificial systems largely revolve around the problems of insufficient conceptualization of phenomena such as imagination, understanding, inspiration, etc. Most researchers emphasize the key role of intuition in the creative process. However, interpretations of the specifics of this ability seem to be far from unity in understanding its essence, intuition is referred to conscious or unconscious phenomena, rational or sensory aspects, etc. This conceptual diversity appears to stem from the differences between intuition and consequent discursive thinking, as the former acts as a “momentary” holistic comprehension of the essence, while insights often occur during rest or when switching to other activities. Contemporary researchers tend to increasingly address the role of unconscious processes in creativity and raise questions about the fundamental possibility of artificially simulated intuition. The present article attempts to clarify the grounds and systematize the conditions for intuitive thinking using the existential-phenomenological approach, which enables the exploration of such ambiguous phenomena in all their entirety and paradoxicality. Within this framework, we have conducted a conceptual and hermeneutic analysis of intuition, comparing it with other elements and “layers” of creativity. The article provides conclusions regarding the “localization” of intuition among the individual, collective, conscious, unconscious, rational, and irrational aspects of mental life and also regarding the conditions under which intuitive thinking occurs. This, in turn, allows for assessing the potential for modeling intuition in artificial intelligent systems.

Keywords: intuition, creativity, artificial intelligence, AI, intuitive thinking, discursive thinking, creative abilities, understanding of sense.

To cite:

Biricheva E.V. [The shadow component of creative thinking, or can intuition be programmed?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 394–407 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-394-407>. EDN: AQXUWF

Введение

В современных философских и психологических исследованиях, пожалуй, сложно выделить более парадоксальный объект изучения, чем интуиция. При том, что литературы об этом феномене достаточно много, нельзя сказать, что по поводу природы, механизмов осуществления и возможностей развития интуитивного мышления достигнуты ясность и согласие. Определения различных авторов пестрят непересекающимися значениями «от смутного полусознанного “предчувствия”, близкого по своему характеру и форме проявления к психофизиологическому инстинкту животных, до высших форм твор-

ческого мышления, имеющих место в науке и искусстве... это и “ид знания”, и “специфическая способность”, и “особое чутье”, и “догадка”, и “мгновенное восприятие” и даже “фантазия”» [Ильин Е.П., 2009, с. 67]. Одни направления относят интуицию к сфере бессознательно-го, объясняя, в том числе, этим сложность изучения законов ее функционирования [Бондаренко А.В., 2024, с. 133; Кичеев А.Г., 2002, с. 248; Корнеев С.С., 2024, с. 67–68; Мэй Р., 2015, с. 61, 64, 71; Пуанкаре А., 1983, с. 314–315; Чащегорова Н.А., 2009, с. 72]. С точки зрения других, это феномен рациональный, просто отличающийся от дискурсивного мышления (последовательного разворачивания логических вы-

кладок) [Евстропов В.М., 2023, с. 285; Кочергин А.Н., 2009, с. 53; Монаков П.А., 2010, с. 117; Полани М., 1985, с. 37–38]. В литературе дается множество различных классификаций видов интуиции — по сферам ее применения, уровням осуществления, связи с чувственным опытом и т. п. [Ильин Е.П., 2009, с. 77–79; Корнеев С.С., 2024, с. 68–69, 71–72]. Ряд исследователей, напротив, полагает, что природа интуиции едина независимо от того, проявляется она в математике, практике психолога, художественном творчестве или иной деятельности, требующей креативности [Мэй Р., 2015, с. 58–73; Карпенко И.А., 2023, с. 76].

Также продолжают дискуссии о принципиальной возможности моделирования человеческого творчества, элементы которого, в частности интуитивный, пока далеки от стройной концептуализации. Тем не менее, некоторые авторы уверены, что интуитивное мышление можно запрограммировать, например, объяснив данные процессы в русле объединения коннекционистского и символистского подходов нейрофизиологии и когнитивистики [Ильин Е.П., 2009, с. 55–56; Кичеев А.Г., 2002, с. 257–258; Кочергин А.Н., 2009, с. 53]. Между тем, еще в начале XX столетия один из величайших математиков, Анри Пуанкаре, резко отказывал любой «машине, как бы совершенна она ни была», в возможности проявления интуитивного мышления даже в, казалось бы, такой логично-рациональной сфере, как математические исследования [Пуанкаре А., 1983, с. 316]. В этом же плане философы науки замечают, что такой редукционизм (сведение мыслительных феноменов к материальным коррелятам их осуществления) ничего не говорит о *смысле* актов творчества и интуитивного понимания [Карпенко И.А., 2023, с. 75; Полани М., 1985, с. 192, 216]. Их значение не выводится из соединений нейронов, иных биохимических или электронных процессов самих по себе так же, как из одного только теоретического описания работы мышц при катании на велосипеде невозможно было бы понять смысл катания.

Таким образом, предлагаемые теории не снимают, но, скорее, заостряют проблемы сущности интуиции, ее роли в творчестве, «прописки» в бессознательном или в ряду сознательных

феноменов, возможностей ее искусственного моделирования и т. д. Подобные вопросы и составляют исследовательский интерес данной работы, актуализируя необходимость корректировки взгляда на природу интуитивного мышления с учетом всей его полноты и парадоксальности. Постановка задачи обуславливает выбор методологического подхода, способного начать исследование интуиции «с чистого листа», не отбрасывая имеющиеся представления, но критически примеряя их к анализу реальной практики творческой деятельности. Без предварительных схем готов иметь дело с «дикими» феноменами в естественной среде их осуществления экзистенциально-феноменологический подход в его широком смысле (как, например, он применяется в трудах отечественных мыслителей — М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, В.В. Бибикина и др.). Данный ход позволяет, с одной стороны, не игнорировать ни одно из проявлений противоречивых и неоднозначных феноменов, отталкиваясь, прежде всего, от их онтологического основания, с другой, вести рассмотрение не на сугубо теоретическом уровне, а исходя из полноты переживания реальных актов интуитивного постижения. Хотя для подобного исследования не существует готовых рецептов, все же удобным представляется организовать структуру настоящей работы, отталкиваясь от анализа понятия интуиции, затем рассматривая ее «локализацию» в ряду психических феноменов и, наконец, придя к проблеме возможности моделирования данного аспекта творческой деятельности.

1. Понятие интуиции в контексте творческой деятельности

С необходимостью предполагая создание *нового*, само понятие творчества является дискуссионным: большой вопрос, что считать «новым», на какие критерии при этом опираться [Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019, с. 392–395]. Однако не будет ошибкой сказать, что человеческое творчество отличается «производством смысла» [Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019, с. 394], поэтому проявляться может не только в науке, философии и искусстве, но и в инженерии, менеджменте, торговле, построении отношений в обыденной жизни

и т. д. Отметим также, что, несмотря на концептуальную пестроту поля изучения интуиции, все исследователи подчеркивают ее ведущую роль в творческой деятельности: это буквально то, без чего невозможно человеческое творчество в любой сфере [Кичеев А.Г., 2002, с. 257; Корнеев С.С., 2024, с. 67; Монаков П.А., 2010, с. 117; Пуанкаре А., 1983, с. 163]. Кроме того, большинство склоняется к различению интуитивного постижения и дискурсивного (логического) мышления [Ильин Е.П., 2009, с. 61–70; Монаков П.А., 2010, с. 117; Полани М., 1985, с. 191–192; Пуанкаре А., 1983, с. 165–167; Чащегорова Н.А., 2009, с. 72–73]. Наконец, важным общим моментом является обращение внимания на целостный характер интуитивного понимания, в котором используется «глобальная и всеобщая перспектива» [Чащегорова Н.А., 2009, с. 73] и схватывается суть интересующего объекта или явления во всей полноте [Бондаренко А.В., 2024, с. 133; Евстропов В.М., 2023, с. 285; Кичеев А.Г., 2002, с. 248; Полани М., 1985, с. 191; Пуанкаре А., 1983, с. 165–166, 311]. К этому отсылает и распространенное словарное значение, определяющее интуицию как «непосредственное постижение сущности вещи» [Чащегорова Н.А., 2009, с. 71]. Тем не менее, из подобных общих мест и определений неясно, как происходит это «непосредственное постижение» и почему ряд исследователей постулирует, что пошаговое разворачивание логики само по себе не способно вывести к новому, т. е. обеспечить творческий компонент деятельности [Корнеев С.С., 2024, с. 67; Полани М., 1985, с. 191; Пуанкаре А., 1983, с. 163].

С одной стороны, пожалуй, не совсем корректно утверждать, что новое не создается последовательным конструированием, например, образа в искусстве или теории в науке. Писатель может постепенно прорабатывать персонажа, продумывая его черты, реакции на события, возможные поступки и т. п. В науке не меньшая доля творческой деятельности заключается в планомерном построении как теорий, так и способов их эмпирической верификации. С другой стороны, за всем этим «в тени» стоят акты мгновенного постижения сущ-

ности *нужного* — хода исследования, природы изучаемого, замысла произведения, художественного образа, вписывающегося в этот целостный замысел, и т. д. Поэтому важно различить несколько «слоев» творчества, которое в своем ядре не обходится без схватывания смысла, но на огромную долю состоит в подборе средств для его выражения и шлифовке способов указания на схваченное [Бибихин В.В., 2005, с. 23–26]. Так, каждое действие в настоящем творчестве осуществляется *в свете* понимания смысла как общего пространства, в котором происходит работа, так и конкретных идей, образов, их констелляций, которые необходимо выразить, вписав их в этот целостный контекст. Занимаясь содержанием своей работы, ученый или художник может не отдавать себе отчет о том, *что* обеспечивает саму возможность успешных шагов в заданном направлении. Так, может показаться, что творческая деятельность сводится к последовательной проработке различных элементов, складывающихся в общую картину. Однако рефлексия самих творцов возвращает к ключевому фактору, запускающему успешную фазу их работы, которая оформляется в некоторый значимый результат, а не вязнет в черновых прикидках или переборах комбинаций.

К примеру, А. Пуанкаре, рассуждая об этом, начинает с вопроса, почему некоторые вполне неглупые люди могут не понимать математических доказательств, хотя последние выстроены предельно логично, а большинство и вовсе не способно открыть новое в математике при всей ее стройности и рациональности [Пуанкаре А., 1983, с. 309–310]. Дело в том, что творчество и понимание не сводятся к чисто механическим операциям. Как объясняет Пуанкаре, «математическое доказательство представляет собой не просто какое-то нагромождение силлогизмов: это силлогизмы, *расположенные в известном порядке*, причем этот порядок расположения элементов оказывается гораздо более важным, чем сами элементы. Если я обладаю чувством, так сказать, интуицией этого порядка, так что могу обозреть одним взглядом все рассуждения в целом, то мне не приходится опасаться, что я за-

буду какой-нибудь один из элементов; каждый из них сам по себе займет назначенное ему место без всякого усилия памяти с моей стороны» [Пуанкаре А., 1983, с. 311]. После того, как целое было увидено, следует фаза проверки, доработки, детализации, которая может быть достаточно длительной по сравнению с моментом озарения, но уже не предполагает такого напряжения, как на этапе поиска решения [Пуанкаре А., 1983, с. 313–314]. Безусловно, подобное целостное понимание дизайна исследования и каждой его части характерно для ученых не только в области математики. Известный физхимик и постпозитивист Майкл Полани говорит о том же: «Чередование “интуиции и вычисления” асимметрично, ибо формальный шаг может быть узаконен только благодаря нашему молчаливому его подтверждению» [Полани М., 1985, с. 192]. Такое понимание, пусть не всегда рефлекслируемое, но являющееся «бэкграундом» творческого процесса, высвечивающее его направление, и называется интуитивным. Что касается искусства и любой другой творческой деятельности, «взвешивание» на «то» — «не то» [Бибихин В.В., 2005, с. 24] и «молчаливое подтверждение» *подходящего* также сопровождает каждый акт действительного понимания и выражения понятого.

В связи с этим интуитивное схватывание важно отличать от догадок, фантазий и предположений, которыми человек старается «закрыть гештальт» в случае чего-то непонятного или недостроенного в представлениях. Выдумать можно любое из *возможного*, но если речь идет о понимании чего-то в *действительности* (а настоящее искусство также на это нацелено, не являясь лишь фантазиями для развлечения), то создаваемый в процессе творчества конструкт должен будет соответствовать смыслу реального положения дел, на который творец указывает своим произведением. Предположения же являются продуктами намеренной работы в воображении, когда недостающие элементы либо достраиваются по аналогии с известным, либо составляются в качестве нестандартной комбинации [Густова Е.В., 2024, с. 51; Ильин Е.П., 2009, с. 53–54; Чащегорова Н.А., 2009, с. 73–74]. Когда они

оказываются неверными, в обыденном смысле говорят: «Чутье подводит», «Интуиция подвела». К примеру, можно буквально выдумывать истории, стоящие за той или иной непонятной ситуацией в отношениях, «навешивать ярлычки» на людей, как и строить любые научные гипотезы о неизвестной природе изучаемых явлений. Без проверки такие догадки рискуют оказаться непродуктивными, ложными, неуместными, тогда как настоящая интуиция схватывает суть и сопровождается ощущением «попадания в лунку», т. е. правильности, достоверности постигнутого, схваченности нужного [Густова Е.В., 2024, с. 51; Ильин Е.П., 2009, с. 54]. Поэтому упражнения по развитию интуиции не должны сводиться лишь к тренировке воображения, как это предлагается некоторыми авторами (например, [Монаков П.А., 2010, с. 118–119]). Напротив, интуитивное мышление предполагает чистое видение реальности в противоположность набрасыванию схем, способных исказить действительность или затемнять ее непосредственное понимание [Биричева Е.В., 2023б, с. 9–13; Корнеев С.С., 2024, с. 70]. Таким образом, если интуицию и можно развивать, то скорее путем снятия стереотипов и «торможения» ходов мысли, спешащих закрыть удобными непротиворечивыми картинками зияющую полноту и парадоксальность реальных людей, феноменов, объектов, ситуаций.

Итак, интуитивное постижение осуществляется не путем конструирования — не важно, логического или образного, — но мгновенным видением смысла основных моментов не проясненного до этого положения вещей. Не случайно в языке состояние переживания интуитивного понимания (озарение) связано с высвечиванием невидимого, переходом от темноты непонимания к ясному видению. Этимологически «интуиция» происходит от лат. *intueri* — «всматриваться», «пристально, внимательно смотреть» [Ильин Е.П., 2009, с. 64]. Перевод был осуществлен с др.-греч. *ἐπιβολή*, «целостный взгляд сверху» [Словарь «Глаголь»], которое применялось в классической и поздней Античности для различения мгновенного схватывания сути и последовательного логического рассуждения. Приставка *ἐπι* озна-

чает «над» (как в «эпиграф»), а *βολή* — «бросок» (как в «символ»), поэтому интуиция предполагает «пробрасывание» освещения над всей интересующей областью для достижения целостного видения ее истинной сути в общих чертах. Именно *ἐπιβολή* имеет коннотации «озарение» и «мгновенное откровение», поскольку одно из его значений — «вспышка молнии». Даже в случае краткости такой «вспышки» дальнейшие действия человек предпринимает уже имея в виду понимание сути происходящего или искомого недостающего образа (как после проявления контуров объектов при вспышке в темноте, уже понятно, где что находится, и можно, например, начать двигаться, представляя куда).

Несмотря на визуальные аналогии и коннотации, интуиция как видение «очами разума» не предполагает чувственного зрения [Ильин Е.П., 2009, с. 54; Кичеев А.Г., 2002, с. 257]. Более точно было бы говорить, что постигается «свое собственное» интересующего [Биричева Е.В., 2021, с. 15], у чего нет однозначного чувственного образа, который можно было бы целиком представить. Поскольку собственная суть каждого положения вещей, образа, события и т. д. *единична и уникальна*, в самом акте ее истинного постижения неприменимы конструкции, составляемые неизбежно из эйдосов, универсалий, воображаемых общих форм и т. п. Схватывание сути в Реальном для человеческого творчества далее предполагает работу в Воображаемом и Символическом, результат которой может только *указать на* схваченный смысл. Другому, воспринимающему творческий продукт, придется совершить обратное действие, выйдя с помощью созданного конструкта к передаваемому смыслу (поэтому понимание произведений не гарантировано и невозможно без участного осмысления). В жизненных ситуациях понимание может оставаться не развернутым в воображении и не концептуализированным в словах, однако, как и говорят в таких случаях, человек поступает интуитивно правильно, просто уловив смысл [Ильин Е.П., 2009, с. 67]. Видимо, аналогичное имеет место в жизни развитых животных, поскольку они, безусловно, так или иначе понимают окружающее положение дел (ориенти-

руются в нем и могут совершать успешные действия) [Биричева Е.В., 2024, с. 322–324], однако практически ничего не делают с этим в воображении, просто созерцая, принимая к сведению смысл постигнутого без его выражения [Корнеев С.С., 2024, с. 67]. Человеческое же существо отличается обширным освоением пространства Воображаемого и прохождением в детстве нескольких кризисов, обеспечивающих последовательное развитие самосознания, совести и логических способностей [Биричева Е.В., 2023а, с. 86–87]. В связи с этим на ранних этапах заметна мощная детская интуиция: после открытия самосознания (в 2,5–3 года) с детьми можно философствовать на уровне платоновских диалогов; нередко в дошкольном возрасте у них гораздо большее, чем у взрослых, чутье к языку, специфике и намерениям разных людей и т. д. [Биричева Е.В., 2023а, с. 73, 81]. Как представляется, это во многом связано с «незахламленностью» сознания социальными стереотипами и другими типичными для взрослых конструктами.

Безусловно, человек может постараться с детства сохранить и натренировать способность схватывать самую суть вещей, в том числе, удерживаясь при ней. Тогда ясное видение может длиться, сопровождая творческий процесс, например, написание текста стихотворения или научной статьи [Ильин Е.П., 2009, с. 67; Пуанкаре А., 1983, с. 313–314]. Однако чаще всего озарения краткосрочны, прояснение начинается «вдруг», а творцы описывают эти состояния как приход нужных идей или образов извне и словно помимо их собственных рациональных усилий [Ильин Е.П., 2009, с. 53, 62–63; Мэй Р., 2015, с. 61]. Момент озарения случается не в самом начале, при постановке творческой задачи, и одного только желания нечто действительно понять и создать новое недостаточно; «инсайт» приходит неожиданно после периода сознательных неудачных попыток решения, нередко во время переключения на другие виды деятельности [Ильин Е.П., 2009, с. 47, 54; Мэй Р., 2015, с. 65; Пуанкаре А., 1983, с. 313–314]. «Это выглядит так, словно у нас были закрыты глаза, но когда мы их вдруг открыли, она [реаль-

ность] явилась нам, бесконечно естественная и открытая» [Мэй Р., 2015, с. 72]. Почему же при, казалось бы, непосредственном контакте с реальностью, особенно в рамках научного творчества, многое оказывается непонятным, темным, неизвестным? Наиболее показательны здесь как раз примеры ученых-открывателей, которые свидетельствуют о том, что озарение прорывается в сознание *вопреки* их рациональным размышлениям [Мэй Р., 2015, с. 61; Пуанкаре А., 1983, с. 313]. Так происходит, поскольку сначала они смотрят на объекты своих исследований через призму имеющихся конструктов — известных теорий и подходов, кажущихся правильными. Когда же с их помощью не получается объяснить изучаемое, концентрация на цели (необходимости найти решение проблемы) подсознательно сохраняется во время других дел. Поскольку же в моменты переключения на другое известные схемы отодвинуты из поля зрения, расчищается горизонт для схватывания истинной сути положения вещей, которое они до этого изучали сознательными усилиями, и при должной чуткости «инсайт» может неожиданно посетить творца в такой момент.

2. «Прописка» интуиции в ряду психических процессов

Анализируя свидетельства ученых об их открытиях и сопоставляя их со своим исследовательским опытом, известный экзистенциальный психолог Ролло Мэй подтверждает, что «если мы слишком инертны, догматичны или привязаны к своим установкам, то никогда не позволим новому элементу войти в наше сознание» [Мэй Р., 2015, с. 65–66]. Он также подчеркивает, что для творчества губительны информационный шум современного общества и паническое желание людей быть все время чем-то занятыми [Мэй Р., 2015, с. 70–71]. Также серьезнейшей помехой творчеству является страх разрушения имеющихся конструктов [Мэй Р., 2015, с. 62–63], связанный с кажущимся шатким положением, боязнью остаться без опоры в хаосе естества реальных явлений. Эти страхи может усиливать ощущение ответственности как за разрушение разделяемых другими сте-

реотипов, так и за точность выражения увиденного истинного положения дел. Поэтому у творца должны быть развиты такие личностные качества, как мужество и доверие к себе в отношении чистого видения в свете истины [Биричева Е.В., 2023б, с. 12]. Говоря о важности для творчества «способности к *конструктивному использованию одиночества*» [Мэй Р., 2015, с. 70], Р. Мэй подчеркивает, что интуитивное схватывание — феномен индивидуальный. Несомненно, вдохновлять на собственное творчество могут другие [Ильин Е.П., 2009, с. 53–54], и, более того, способы выражения смысла усваиваются только в общении. Однако ничто не в силах заменить индивидуальное усилие осмысления, требующее, во-первых, личной вовлеченности, искренней заинтересованности [Мэй Р., 2015, с. 65; Пуанкаре А., 1983, с. 315], и, во-вторых, «выныривания над» плоскостью информационного шума, стереотипов и т. п.

Таким образом, интуиция — феномен не коллективный, иначе, например, если несколько учеников поняли доказательство в области геометрии, это означало бы, что все остальные в классе его тоже поймут; на деле же наблюдаются феномены непонимания (причем они могут быть отнюдь не связаны с неосведомленностью по поводу логических операций, используемых понятий и отдельных элементов доказательства). Тем не менее, в литературе можно встретить объяснения интуиции через работу «коллективного бессознательного» [Ильин Е.П., 2009, с. 72; Чашегорова Н.А., 2009, с. 71–72] и понятие социальной интуиции [Бондаренко А.В., 2024; Кочергин А.Н., 2009, с. 53]. В первом случае речь идет об использовании в процессах понимания и творчества общих априорных форм, архетипов и т. п., что не отменяет индивидуальности актов обращения к ним. Во втором подразумевается либо эмпатия и умение адекватно воспринимать других [Монаков П.А., 2010, с. 117], либо то, что в философской традиции относят к разделению членами одного общества мировоззренческих оснований их культуры [Бондаренко А.В., 2024, с. 127, 129, 131; Карпенко И.А., 2023, с. 76–77]. Однако представляется не совсем удачным го-

ворить об интуиции, разделяемой с кем-то, поскольку она — не содержание (которое разделяется как раз в качестве типичного), но *способность* личного выхода к истинной сути каждый раз уникальных положений дел, содержаний и всего озадачивающего.

Нельзя также не согласиться с Пуанкаре в том, что интуиция «не основывается неизбежно на свидетельстве чувств; чувства скоро оказались бы бессильными; мы не можем, например, представить себе тысячеугольник и однако же интуитивно рассуждаем о многоугольниках вообще, а они включают в себя как частный случай и тысячеугольник» [Пуанкаре А., 1983, с. 163]. Такие категории, как бытие, добро, красота и т. д. и вовсе не встречаются сами по себе в действительности, поэтому чувственное восприятие не помогло бы в их постижении. Тем не менее, мы способны о них рассуждать и в этих категориях оценивать переживаемый опыт. Так же, например, «в йоге под интуицией понимается непосредственное знание, которое не зависит от данных, поступающих через органы чувств» [Корнеев С.С., 2024, с. 69]. Когда же в обыденной речи интуиция называется «предчувствием» или «шестым чувством», видимо, подчеркивается схожесть с чувственным зрением и при этом кардинальное отличие от дискурсивного мышления, последовательно конструирующего или разбирающего конструкты в воображении. Если же рациональному противопоставлять эмоционально-чувственную сферу (включая не только ощущения и переживания, но и страхи, желания и т. п.), то интуицию было бы не совсем корректно относить к иррациональным феноменам. Ничто не мешает этой способности иметь дело с чувственными образами, брать в расчет страхи, желания, переживания, не перенимая их иррациональную природу. Пожалуй, путаница в отнесении интуиции к чувственному или рациональному обусловлена не ее сложностью, а, напротив, *простотой* элементарных актов постижения, которые осуществляются «до» или «по ту сторону от» вторичных разделений на компоненты реального единства живого существа. Философская же традиция, от Платона и

Аристотеля и до конца XIX — начала XX вв., не противопоставляла интуитивное схватывание разуму и не относила его к сфере чувств [Карпенко И.А., 2023, с. 85–86; Кичев А.Г., 2002, с. 248]. Наиболее показательно в этом отношении известное определение Р. Декарта, «где он называет интуицию отчетливым пониманием ясным умом объекта познания» [Карпенко И.А., 2023, с. 75].

В связи с иррациональным и бессознательным интуиция начала вызывать специальный интерес исследователей лишь в последние пару столетий [Ильин Е.П., 2009, с. 64; Чашегорова Н.А., 2009, с. 73]. Однако рациональное и иррациональное — не синонимы сознательного и бессознательного. Мы можем отдавать себе отчет в испытываемых чувствах, страхах, желаниях, но можем и не осознавать, как осуществляются в нас разумные процессы. Поскольку же озарение приходит внезапно и часто не во время целенаправленных творческих усилий, большинство исследователей полагают, что в моменты откладывания работы над задачей идет бессознательный поиск решений, потом результат приходит в готовом виде в сознание [Мэй Р., 2015, с. 58–73; Пуанкаре А., 1983, с. 314–315]. Некоторые и вовсе определяют моменты вдохновения как «перекладывание» из бессознательной сферы в сознание [Ильин Е.П., 2009, с. 45]. Безусловно, интуитивное схватывание осуществляется в режиме открытости истинному положению вещей. Отсюда ощущение, как это обозначает Св. Августин: «Я не сам думаю, мои мысли думают за меня» [Ильин Е.П., 2009, с. 62]. Но так происходит именно постольку, поскольку в моменты озарения мы (целенаправленно или ввиду переключения на другое) не позволяем конструктам вмешиваться в интересующее естественное положение дел. Благодаря этому мы получаем возможность выйти в такое измерение, в котором все, что от нас требуется, — внимать, дав вещам самим «говорить». Так, «почти общим местом у поэтов оказывается утверждение, что творчество происходит у них как бы само по себе, под чью-то диктовку. Процесс поэтического творчества не удаётся

произвольно вызвать, его результат не соответствует ожиданию» [Ильин Е.П., 2009, с. 67]. Нередко связываемое с этим самими творцами приписывание вдохновения Божественным или демоническим силам [Ильин Е.П., 2009, с. 63] — следствие того, что содержания не созданы специальным личным фантазированием (конструированием). Однако, как представляется, не стоит умалять заслуг автора, поскольку он совершает над собой усилие, настраиваясь на чистое видение и выделение нужного, после чего только и может сложиться продуктивный конструкт (средства же в этом измерении видения смысла уже всегда под рукой).

Говоря о сознательном или бессознательном характере интуиции, следует, конечно же, определиться, как понимать сознание и бессознательное в данном контексте. Как пишет Мэй Р.: «Когда я пользуюсь выражением “бессознательное”, то употребляю его для краткости. Не существует “бессознательного” как такового — скорее существуют бессознательные измерения (аспекты, источники) опыта. Я определяю бессознательное как *возможности осознания или возможности действий, которые личность не реализует или не может реализовать*» [Мэй Р., 2015, с. 58]. Соответственно, сознательными можно назвать явления, на которых внимание сосредоточивается и удерживается, в то время как текущие параллельно процессы вне этого поля зрения можно называть бессознательными. Некоторые из них, например, связанные с автоматической естественной регуляцией тела, могут никогда не стать осознанными и контролируемыми, хотя в некоторые человек может сознательно вмешиваться (к примеру, корректировать дыхание, походку и т. п.). Тогда, пожалуй, сама интуиция, осуществляемая простыми актами, оказывается на границе сознательного и бессознательного, но поскольку она нацелена на смысл, схватывание его всегда уже сознательно, ведь на него сразу обращается внимание. Так же не может быть чистое видение, внимательное всматривание (как определяют интуицию, в том числе, исходя из этимологии слова) неосознаваемым. Приход решения или нужного образа «вдруг» и «извне»

связан с предшествующей «закрытостью»: объяснение закономерности у ученого или нужный образ у художника не складываются, когда перед «очами разума» не то — неподходящая гипотеза или надуманное содержание. В периоды же отдыха от задачи, когда творец подсознательно сосредоточен на поиске решения и не снимает экзистенциально значимую цель, даже переключившись на другие содержания, непродуктивные конструкты не актуализируются, поэтому появляется возможность увидеть нужное.

Однако позволим себе не согласиться с Пуанкаре в том, что в бессознательном происходит перебор бесчисленного числа комбинаций, из которых затем выбираются наиболее удачные [Пуанкаре А., 1983, с. 318–319]. Для живой системы, занятой регуляцией своего телесного присутствия в мире, это было бы слишком энергетически затратно. Скорее, нужное приходит путем расчистки горизонта или отсеечения ненужного и неработающего, а вот это как раз и может происходить бессознательно, т. е. вопреки сознательным желаниям «закрывать гештальт» чем-то неподходящим. При этом нельзя умалять значение *сознательной дискурсивной работы*: она нужна и важна не только, чтобы погрузиться в контекст, но и для настройки чистого видения, критического отношения как к расхожим мнениям и стереотипам, так и к личным привычным ходам мысли, иллюзиям, желаниям. Для выхода к истине как бы требуется дистанцироваться от «я» и от «мы», бескорыстно отдавая себя чистому пониманию. Поэтому взрослый человек не может в своем бытии опираться на одну лишь интуицию. Чистое видение не обеспечено из-за того, что страхи, желания, настроения, переживания, готовые удобные решения, социальные стереотипы и т. д. постоянно «наполняют» нас ввиду нашего внутримирного телесного существования и сосуществования с другими: приходится постоянно совершать «сизифов труд» по настройке своего «внутреннего взора». Так, пожалуй, правильнее было бы говорить, что не озарение приходит в сознание из бессознательного, но происходит концентрация внимания

поверх пространства всех текущих через нас процессов, как бы «выныривание над» всем. В свою очередь, это невозможно без дистанцирования от конструкторов (не значит, их разрушения или потери, просто оставления) и сосредоточения до одного только «умного зрения», которое не примысливает к действительности лишнего.

3. К вопросу о моделировании интуиции в искусственных системах

Разбор природы интуиции показывает, что на данном уровне развития искусственных интеллектуальных систем (ИИС) не представляется возможным реализовать этот компонент творческой деятельности. Трудности связаны с действительной сущностью интуиции — схватыванием каждый раз уникального и при этом целостного *смысла* образов, явлений, ситуаций и всего, с чем существо имеет дело в общем контексте внутримирного бытия. Поэтому, с одной стороны, играет роль природа самого смысла [Биричева Е.В., Стерхов, 2019, с. 394–395]: его невозможно зафиксировать и сохранить во времени, его не передать «из головы в голову», на его видение можно только указать другим с использованием средств Воображаемого и Символического. Мы даже не можем описать, «как выглядит смысл», можем только апеллировать к знакомым каждому человеку актам понимания. Возможно, смысл больше похож не на предметы или образы, а на свет, в «лучах» которого мы видим Реальное, Воображаемое и Символическое и можем с ними работать (а когда не видим, то и не получается ничего продуктивного). Но как оглянуться на этот свет, выйти к нему самому и его самого выразить, не «ослепнув» при этом, словно выходцы из платоновской пещеры? Возможно, мы лишь можем этим пользоваться (отчего и ощущение не нашей заслуги в достижении понимания), но как туда же подключить машину — большой вопрос.

С другой стороны, ввиду такой особой сущности интуиции, схватывающей *каждый раз уникальное* «свое собственное» интересующего, пока не ясно, как имитировать даже ее подобие. Различные современные математические модели «узкого» ИИ, осуществляющие генерацию кон-

тента, «умный поиск», распознавание, навигацию и т. д., говоря обыденным языком, не имеют души или, более точно, не похожи на живые системы, обладающие волей и ориентирующиеся в действительности в опоре на априорные критерии успешности опыта [Биричева Е.В., 2024, с. 322–325]. Большинство известных современных ИИС представляют собой нейросети, построенные на выделении частотности элементов в базах данных, на которых проводится их машинное обучение [Биричева Е.В., 2025, с. 131–132]. Так, к примеру, имитация обыденной речи большими языковыми моделями (такими как ChatGPT, Gemini, DeepSeek, Яндекс Алиса, Сбер ГигаЧат и т. д.) опирается на наиболее привычные языковые коллокации, поэтому машинный текст нередко с первого взгляда кажется убедительным даже в случае неверного содержания [Биричева Е.В., 2025, с. 145]. Но и в случае правильного содержания за счет принципа токенизации в таких предложениях исключаются моменты уникальности, а наделить символическое выражение смыслом, проассоциировав его с воображаемыми формами и коррелятами в действительности, может все равно только человек [Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019, с. 394]. Следовательно, актов понимания единичных смыслов не достичь лишь путем построения универсальных символических конструкций (в том числе, оторванных от сфер переживания Реального и соотнесения с формами Воображаемого).

Машины не рождаются по природе, поэтому не озабочены телесным внутримирным существованием, чтобы для своей жизни нечто пытаться понимать для приспособления к миру. Такая озабоченность невозможна без воли — базовой характеристики всего живого, которая, в свою очередь, — тоже простой феномен (бессодержательная собранность на той или иной цели), и также пока совершенно не ясно, как моделировать подобное [Биричева Е.В., 2024, с. 324–325]. Кроме того, любое живое существо имеет доступ к внеопытным формам оценивания своего опыта (нужное-ненужное, полезное-вредное, достаточное-недостаточное и т. п.) [Биричева Е.В., 2024, с. 324–325]. Без примеривания к

таким критериям, без оценки «попадания» в истинное, красивое, полезное, плодотворное и т. д., невозможно и подлинное творчество, отсекающее в процессе ненужное, неподходящее, плохое, бесполезное и т. д. К примеру, как пишет Пуанкаре, отказывая машинам в возможности математического творчества, последнее «заключается не в создании новых комбинаций с помощью уже известных математических объектов. Это может сделать мало ли кто; но число комбинаций, которые можно найти этим путем, было бы бесконечно, и даже самое большое их число не представляло бы ровно никакого интереса. Творчество состоит как раз в том, чтобы не создавать бесполезных комбинаций, а строить такие, которые оказываются полезными; а их ничтожное меньшинство. Творить — это отличать, выбирать» [Пуанкаре А., 1983, с. 312]. Соответственно, для схватывания нужного, помимо способности видеть смыслы, выходить на этот уровень с чисто информационного, должны быть доступны априорные критерии оценивания. Последние представляют собой нечто вроде общих для всех живых существ эйдосов и, поскольку они не выводятся из индуктивных обобщений, неизбежно строящихся на конечных выборках, пока не ясно ни как «вложить» эти ориентиры в искусственную систему, ни как ее настроить на самостоятельное их открытие [Биричева Е.В., 2024, с. 323–324].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа можно определить интуицию как схватывание каждый раз уникального и единичного истинного смысла (собственной сути) интересующего положения дел, предмета, образа, события и т. д. в общем контексте внутримирного бытия. Интуитивное понимание при этом неотделимо от одновременной легитимации найденного смысла в качестве нужного, подходящего, «того самого». Творчество невозможно без таких актов, составляющих «бэкграунд» всего процесса работы, которая на огромную долю заключается также и в «расшифровке» увиденного в момент озарения, подборе и шлифовке средств выражения понятого. «Локализацию» интуиции в жизни индивида можно резюмировать как «умную

хватку», присущую самой душе как целостному способу бытия, как некой динамической границе, через которую протекает множество процессов и в которую входит множество содержаний. Так, мгновенность интуитивного постижения, скорее всего, связана не со скрытостью бессознательных процессов, а с природой акта схватывания, который в единичном «броске» постигает смысл интересующего сразу весь «в целом» (поскольку сам смысл неделим и его нельзя понять «по частям»). Это целенаправленная способность, задействующая все существо, — и восприятие, и разумную оценку, и волю для концентрации на беспокоящем незакрытом гештальте на всех уровнях сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, — но не принадлежащая полностью ни одному из них.

Говоря о возможности искусственного имитирования интуиции, скорее всего придется в этом отказать текущему уровню разработки систем «узкого» (или «слабого») ИИ, построенных на частотном анализе «больших данных» и генерировании контента по результатам такого машинного обучения. Интуиция не есть выделение частотности в конечных выборках и составление элементов (конструирование из общих форм), она представляет собой схватывание уникальных смыслов, доступа в измерение которых у искусственных систем нет, и как их вывести к пониманию, пока не известно. Кроме того, современные ИИС лишены таких базовых для продуктивной самостоятельной деятельности характеристик живых систем, как воля и доступ к априорным критериям оценки опыта, искусственное имитирование которых пока также представляет собой нерешенную задачу. Тем не менее, хотелось бы надеяться, что условия интуитивного мышления, систематизированные в основной части настоящей работы, помогут хотя бы гипотетически предположить характеристики возможных будущих ИИС, способных к подлинному творчеству и, видимо, построенных на альтернативных коннекционизму принципах.

Список литературы

Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 576 с. EDN: QWITRN

Биричева Е.В. Искусственные интеллектуальные системы и проблема опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Биричева Е.В. Как популярные нейросети справляются с различными заданиями по социально-гуманитарным дисциплинам (по материалам эмпирического исследования) // Философия образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250309>

Биричева Е.В. Онтология раннего детства в трудах В.В. Бибикина // Философия образования. 2023а. Т. 23, № 3. С. 71–90. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230305>

Биричева Е.В. Поиск «своего» как основополагающая экзистенциальная проблема современности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-6-27> EDN: PHBBSO

Биричева Е.В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023б. Т. 39, № 1. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101> EDN: GHXEUZ

Биричева Е.В., Стерхов Е.В. Парадоксальность творческой деятельности и интеллектуальные системы: поиск альтернатив информационному подходу // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 6. С. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.6.2> EDN: YNFTAJ

Бондаренко А.В. Социальная интуиция человека как социальный факт в действии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 9–1. С. 126–141. EDN: BSAWWC

Густова Е.В. Интуиция и бессознательное в психической реальности субъекта и архаическом обществе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13, № 12-1. С. 50–55. EDN: ZSNHAP

Евстропов В.М. Логика научного познания и интуиция // Заметки ученого. 2023. № 8. С. 284–287. EDN: LFOUJJ

Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 444 с. EDN: QXYQIH

Карпенко И.А. Логика многомировых моделей и интеллектуальная интуиция // Философия науки. 2023. № 1(96). С. 70–94. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20230105> EDN: AKGYJD

Кичеев А.Г. Интуиция // Мир психологии. 2002. № 1(29). С. 248–262. EDN: RBJCFQ

Корнеев С.С. Интуиция как особое состояние сознания и непосредственное знание реальности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2024. № 2(50). С. 65–74. EDN: STGFSA

Кочергин А.Н. Научное творчество как объект исследования // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 142. С. 47–55. EDN: KXVKJV

Монаков П.А. Перцептивная интуиция как составляющая гармоничного интеллекта профессионала // В мире научных открытий. 2010. № 5–2(11). С. 116–119. EDN: NDEALD

Мэй Р. Мужество творить. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 152 с.

Полани М. Личностное знание. Москва: Прогресс, 1985. 346 с. EDN: SXRQRX

Пуанкаре А. О науке. Москва: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. 560 с.

Словарь «Глаголь». URL: https://pervobraz.ru/slova/article_post/intuitsiya (дата обращения: 23.09.2025).

Чащегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4(13). С. 70–74. EDN: MSOUFP

References

Bibikhin, V.V. (2005). *Vitgenshteyn: smena aspekta* [Wittgenstein: change of aspect]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 576 p.

Biricheva, E.V. (2024). [Artificial Intelligent systems and the problem of experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Biricheva, E.V. (2023). [Existential sense of trust]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies].

Vol. 39, no. 1, pp. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101>

Biricheva, E.V. (2025). [How popular neural networks cope with various tasks in the social sciences and humanities (an empirical research)]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. Vol. 25, no. 3, pp. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250309>

Biricheva, E.V. (2023). [Ontology of early childhood in the works of V.V. Bibikhin]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. Vol. 23, no. 3, pp. 71–90. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230305>

Biricheva, E.V. (2021). [Search for “the own” as a fundamental existential problem of contemporariness]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosa* [The Digital Scholar: Philosopher’s Lab]. Vol. 4, no. 4, pp. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-6-27>

Biricheva, E.V. and Sterkhov, E.V. (2019). [Intelligent systems and the paradoxicalness of creative activity: in search for alternatives to the informational approach]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia]. Vol. 8, no. 6, pp. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.6.2>

Bondarenko, A.V. (2024). [Human social intuition as a social fact in action]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy about the World and Human]. Vol. 13, no. 9–1, pp. 126–141.

Chashegorova, N.A. (2009). [Intuition as a phenomenon of the unconscious in the creative process]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. No. 4(13), pp. 70–74.

Evstropov, V.M. (2023). [The logic of scientific knowledge and intuition], *Zametki uchenogo* [Notes of Scientist]. No. 8, pp. 284–287.

Gustova, E.V. (2024). [Intuition and the unconscious in the psychic reality of the subject and archaic society]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology: Historical and Critical Reviews and Current Researches]. Vol. 13, no. 12–1, pp. 50–55.

Il’in, E.P. (2009). *Psikhologiya tvorчества, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity, creativity, and giftedness]. St. Petersburg: Piter Publ., 444 p.

Karpenko, I.A. (2023). [Logic of multiverse models and intellectual intuition]. *Filosofiya nauki*

[Philosophy of Science]. No. 1(96), pp. 70–94. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20230105>

Kicheev, A.G. (2002). [Intuition]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. No. 1(29), pp. 248–262.

Kochergin, A.N. (2009). [Scientific creativity as an object of research]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii* [Civil Aviation High Technologies]. No. 142, pp. 47–55.

Korneenkov, S.S. (2024). [Intuition as a special state of consciousness and direct knowledge of reality]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial’nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 2(50), pp. 65–74.

May, R. (2015). *Muzhestvo tvorit’* [The courage to create]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 152 p.

Monakov, P.A. (2010). [Perceptual intuition as a component of the harmonious intelligence of a professional]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries]. No. 5–2(11), pp. 116–119.

Poincaré, H. (1983). *O nauke* [About science]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskoy literatury Publ., 560 p.

Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie* [Personal knowledge]. Moscow: Progress Publ., 346 p.

Sementsov, V.V. (ed.). [Intuition]. *Internet-Slovar’ “Glagol”* [Internet Dictionary “Glagol”]. Available at: https://pervobraz.ru/slova/article_post/intuitsiya (accessed 23.09.2025).

Strawson, G. (1994). *Mental reality*. Cambridge, MA: The MIT Press, 360 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/4551.001.0001>

Tye, M. (1995). *Ten problems of consciousness: A representational theory of the phenomenal mind*. Cambridge, MA: The MIT Press, 264 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/6712.001.0001>

Tye, M. and Wright, B. (2011). Is there a phenomenology of thought? *Bayne T., Montague M. (eds.) Cognitive phenomenology*. New York: Oxford University Press, pp. 326–344. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199579938.003.0014>

Urmantseva, A. (2025). [Trained to produce 500 million scientific articles and patents. A non-hallucinating AI, «Nikola», has been created in Russia]. *Gazeta.Ru*. Jul. 13. Available at: <https://www.gazeta.ru/science/2025/07/13/21358208.shtml> (accessed 23.07.2025).

Об авторе

Биричева Екатерина Вячеславовна

кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии и права УрО РАН,
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16;
e-mail: ek.v.bir@gmail.com
ResearcherID: F-2980-2016

About the author

Ekaterina V. Biricheva

Candidate of Philosophy, Researcher

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian
Academy of Sciences,
16, S. Kowalevskaya st., Ekaterinburg, 620108, Russia;
e-mail: ek.v.bir@gmail.com
ResearcherID: F-2980-2016

УДК 130.3

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-408-418>

EDN: MQYYAI

Поступила: 03.07.2026

Принята: 10.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МАРКС, ДЮРКГЕЙМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Желнин Антон Игоревич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Целью статьи является исследование социоцентрического подхода к коллективному интеллекту (КИ). Классическая традиция связывала мышление исключительно с индивидуальным субъектом, рассматривая интеллектуальную жизнь как частное измерение его существования. В противовес этому в XIX в. возникли социально ориентированные учения, которые сформулировали необходимость экстернализации интеллекта в направлении коллективной реальности. Двумя ключевыми фигурами в контексте такого «расширенного» взгляда выступают К. Маркс и Э. Дюркгейм. В статье реконструируются их теории КИ, показывается обусловленность последних общими позициями авторов. Маркс, вводя концепт *general intellect*, акцентирует внимание на экономической детерминации его генезиса в капиталистическом обществе. Его воплощением является система машин, которая, однако, представляет собой технически отчужденную форму труда «коллективного рабочего», состоящего не только из промышленного пролетариата, но и из ученых и инженеров. Рассмотрены современные рецепции идеи Маркса у П. Вирно и М. Пасквинелли. Дюркгейм, признавая существенной основой КИ разделение труда, не склонен сводить последний только к экономике. В плюралистическом ключе он выделяет проявления КИ в таких сферах, как религия, мораль, право. Развитое общество построено на органической солидарности, что подразумевает большую роль личностного фактора. Индивидуальное сознание последовательно отделяется от коллективного, становясь все более специализированным; коллективность проявляется опосредованно, заключаясь во взаимозависимости индивидов друг от друга, фиксируемой в объективных процессах сотрудничества и обмена. Дюркгейм в большей степени наследует классическому рационализму, понимая КИ как безличную систему общих понятий. В то же время он утверждает, что категории — это репрезентации совокупного коллективного опыта, и поэтому они апостериорны. Его социоцентризм преодолевает логоцентризм. Последователи Дюркгейма отмечают важность эмоционально-аффективного измерения совместной жизни, без которого невозможна интеграция на когнитивном уровне. Несмотря на различия, у традиций Маркса и Дюркгейма есть также точки соприкосновения. Делается вывод, что при ослаблении некоторых радикальных и односторонних положений обеих и концептуальном привнесении в социоцентризм идеи интерсубъективности их подходы могут быть совмещены для более целостного взгляда на КИ как на комплексный социально-антропологический феномен.

Ключевые слова: интеллект, коллективный интеллект, общий интеллект, Маркс, Дюркгейм, социальность, интерсубъективность.

Для цитирования:

Желнин А.И. Социоцентрический взгляд на коллективный интеллект: Маркс, Дюркгейм и современность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 408–418. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-408-418>. EDN: MQYYAI

A SOCIOCENTRIC VIEW OF COLLECTIVE INTELLIGENCE: MARX, DURKHEIM, AND MODERNITY

Anton I. Zhelnin

Perm State University (Perm)

The article examines the sociocentric approach to collective intelligence (CI). Classical tradition exclusively linked cognition to an individual subject, considering intellectual life as one of the dimensions of human existence. In opposition, socially oriented teachings that appeared in the 19th century articulated the need to externalize intelligence toward collective reality. Two key figures in the context of this “extended” view are K. Marx and E. Durkheim. The paper reconstructs their theories of CI, showing how these theories are conditioned by general positions of their authors. Introducing the concept of *general intellect*, Marx focuses on the economic determination of its genesis in capitalist society. The embodiment of this intellect is a system of machines, which, however, represents a technically alienated form of labor of the “collective worker,” consisting not only of the industrial proletariat but also of scientists and engineers. This study takes into account modern receptions of Marx’s idea by P. Virno and M. Pasquinelli. Durkheim, recognizing the division of labor as a significant foundation for CI, does not reduce the latter to economy. Pluralistically, he highlights manifestations of CI in such spheres as religion, morality, and law. A developed society is built on organic solidarity, which implies a larger role of the personal factor. Individual consciousness consistently separates from collective consciousness, becoming more specialized; consequently, collectivity appears in an indirect way, as consisting in the mutual interdependence of individuals within the objective processes of cooperation and exchange. Durkheim inherits, to a greater extent, the legacy of classical rationalism, understanding CI as an impersonal system of general concepts. At the same time, he argues that categories are representations of cumulative collective experience, which makes them a posteriori. His sociocentrism overcomes logocentrism. Durkheim’s followers point out the importance of emotional and affective layers in the shared living, without which integration at the cognitive level is impossible. Despite the differences, the positions of Marx and Durkheim have points of contact. The article concludes that when some radical and one-sided provisions of both frameworks are weakened and sociocentrism is conceptually augmented by the idea of inter-subjectivity, their approaches may be combined for obtaining a more holistic view of modern CI as a complex socio-anthropological phenomenon.

Keywords: intelligence, collective intelligence, general intellect, Marx, Durkheim, sociality, intersubjectivity.

To cite:

Zhelnin A.I. [A sociocentric view of collective intelligence: Marx, Durkheim, and modernity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 408–418 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-408-418>. EDN: MQYYAI

Введение

Интеллект долгое время виделся исключительно свойством отдельной личности. Данное понятие начинает использоваться схоластами, и показательно, что самый влиятельный из них, Фома Аквинский, подвергает решительной

критике аверроистское учение о едином для всех интеллекте: «Если разум у всех людей один, то необходимо следует, что существует только один мыслящий и, следовательно, один волящий и один, использующий по усмотрению своей воли все то, в соответствии с чем люди отличны друг от друга... если разум, в ко-

тором одним пребывает главенство и управление использованием всем прочим, один и неделим во всех, то между людьми нет никакого различия в том, что касается свободного выбора, но он один для всех. Но это безусловно ложно и невозможно, поскольку противоречит очевидному, а также разрушает всю моральную науку и все то, что относится к общественной жизни» [Фома Аквинский, 2011, с. 85]. Эксклюзивная атрибуция интеллекта индивидуальному субъекту проходит красной нитью через классическую Новоевропейскую традицию, от Декарта и вплоть до Просвещения и Канта. Немногочисленные исключения, утверждавшие идею общего разума, в целом трактовали его спекулятивно (Б. Спиноза, Г. Гегель), тогда как еще в эпоху Возрождения пантеистическая диалектика привела некоторых мыслителей (Н. Кузанский, Дж. Бруно) к попытке интерпретации общего интеллекта как родового, манифестирующего единство человечества в духовном плане.

Только ситуация критической переработки классического наследия, инициированная в XIX в., выявила потенциал идеи коллективности интеллекта, во многом ввиду того, что новая философская парадигма стала в значительной большей мере социально-ориентированной, стремясь наполнить старые абстракции конкретным общественным содержанием. В статье реконструируются взгляды на коллективный интеллект (КИ) таких мыслителей, как К. Маркс и Э. Дюркгейм, показывается различие (оттеняемое целым рядом сходств) в их подходах, вместе с тем утверждается потенциал их комплементарного сочетания для более полного видения КИ в современную эпоху.

Марксистский взгляд на коллективный интеллект

Маркс заложил целостную традицию, в которой можно обнаружить материалистическое переосмысление темы интеллекта и обоснование его сущностной социальности. Вслед за Гегелем он рассматривает человека как сложный сплав родовой и индивидуальной ипостасей. В соответствии с диалектикой последних, человеческий род — не «немая» тотальность всеобщего, а сам человек — не «абстракт» отдель-

ного, изолированного индивида. Напротив, он существует только, используя метафору Х. Арендт, в «ткани» межличностной связи [Арендт Х., 2023, с. 229]. Сам Маркс, как известно, писал о человеческой сущности как об «ансамбле» общественных отношений. Он стремился вывести ментальную общность людей прежде всего из таких объективных факторов, как совпадение условий их существования, единство в потребностях и деятельности. Ее рост связывается им прежде всего с укрупнением и диверсификацией системы экономического производства, приводящими к своего рода «универсализации» форм жизни и общения индивидов. Эти тенденции приобретают наиболее явную и отчетливую форму вместе с формированием и развитием капиталистической системы.

Между тем Маркс чаще прибегает к понятию сознания, которое объемлет весь спектр духовных феноменов (не только мышления, но и чувств, убеждений, ценностей и т. д.). Содержание сознания, понятого как особое «осознанное бытие», составляют идеи, которые адекватно или превратно отражают реальное бытие, причем не только отдельных индивидов, но и их разноплановых общностей (классов, этносов, масс). Последнее конституируется в наличии особого общественного сознания, несводимого к «агрегату» индивидуальных. Более того, идеи идеологичны, одновременно выступая ментальными репрезентациями интересов различных социальных общностей. Таким образом, сознание также демонстрирует глубокое единство родового и индивидуального.

Интеллект в этом контексте — только один из компонентов сознания, значимая роль которого может быть реально установлена через фиксацию сдвигов, связанных с ростом роли знаний и науки, увеличением доли умственного труда, его усложнением и дифференциацией. Будучи «гравитационным центром» сознания, интеллект приобретает свою мощь, только находясь в связке с иными сторонами сознания и другими человеческими атрибутами. В конечном счете даже самые выдающиеся идеи не могут быть воплощены, если не будет общественной потребности, релевантных условий и совместных практических действий людей по

сути переводящих идею из потенциальности в актуальность. Поэтому разум не автономен: он выступает в качестве элемента, интегрированного в практический образ жизни человека как целостного существа, в котором тот расходует не только «мышцы», но и «нервы», «мозг».

Понятие интеллекта артикулируется Марксом и в эсхплитном виде. Так, он вводит понятие «общий интеллект» (General Intellect), стремясь продемонстрировать, что само промышленное производство способствует интеграции людей на когнитивном уровне. Однако в условиях капитализма общий интеллект оказывается овнешненным по отношению к индивидуам образованием, опредмеченным в системе машин, приобретающей все большую автономность: «Труд выступает лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единстве которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин» [Маркс К., 1980, с. 206]. По Марксу, такая система является «могущественным организмом», господствующим над рабочими, который, однако, «оживляется» лишь посредством их деятельности и поэтому в конечном счете зависит от них, что в неспекулятивном виде воспроизводит гегелевскую диалектику господина и раба.

За системой машин стоит наука как особая форма общественного сознания и одновременно мощная производительная сила, но и она остается внешней принудительной силой по отношению к рабочему и его сознанию: «Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины» [Маркс К., 1980, с. 206]. Общий интеллект, несмотря на свой потенциально созидательный и гуманистический характер, оказывается составной частью капитала. Более того, он олицетворяет именно основной капитал в противовес переменному, тратящемуся на рабочую силу. Однако, повторимся, система машин не есть общий интеллект

в аутентичном смысле: она остается продуктом его объективации. Д.С. Быльева предлагает маркировать машинный general intellect как техническое воплощение аутентичного человеческого КИ: «Маркс представляет технологическую организацию как воплощенный общий интеллект» [Быльева Д.С., 2023]. В конечном итоге система машин, приводясь в движение трудом рабочих, сама оказывается коллективным продуктом особого когнитивного труда коллективов ученых и инженеров: «Рациональность технологического действия сложных орудий труда обеспечивается не головой рабочего, а дана конструкцией и технологическим действием тех машин, которые воплощают научно-технические разработки инженеров и ученых... ученый-прикладник и инженер, овеществив, “опредметив” свой научный труд, передали функции научного труда оператору системы машин автоматизированного производства» [Комаров В.Д., 2012, с. 136]. Отсюда вырастает идея, что машинная автоматизация не абсолютно чужда человеку; что она способна не только вытеснить рабочего, но и при определенных благоприятных условиях позволить ему встать «над» непосредственным производством, начав реализовывать интеллектуально нагруженные функции управления и контроля.

Описанное Марксом идеологическое господство техники во многом напоминает современную ситуацию, складывающуюся вокруг ИИ. М. Пасквинелли проводит прямую аналогию между ИИ и индустриальными машинами XIX в., показывая, что первый подобно вторым порождается разделением труда и одновременно закрепляет его: «Промышленные машины возникли не по мановению руки одинокого инженерного гения, а из имитации схем коллективного труда... Самые сложные “разумные” машины возникли из воспроизведения схем коллективного разделения труда» [Пасквинелли М., 2024, с. 22]. И сам интеллект, и его технологический аватар (ИИ) есть в конечном счете продукты человеческого труда. Однако первый в то же время выступает имманентной частью живого праксиса, тогда как ИИ есть воплощение машинной автономизации, рискующее из статуса инструмента превратиться в ге-

гемона производственного и в целом жизненного процесса.

Понятие общего интеллекта развивает далее П. Вирно, связывая его с концептом множества как живого неунифицируемого единства индивидов, которое восходит к Спинозе. Интеллект продолжает признаваться родовым атрибутом, но общий интеллект уже не трактуется только как результат отчуждения. В условиях «позднего» кризисного капитализма во все большей степени начинает проявляться потенциал его субъектной активности: «General Intellect сегодня присутствует прежде всего как коммуникация, абстракция, саморефлексия живых субъектов» [Вирно П., 2015, с. 73]. Общий интеллект, подобно абстрактному труду, остается усредненным мерилем когнитивных способностей индивидов. Однако в то же время он выступает все более заметным подтверждением их общности, а значит и принципиальной возможности для целенаправленной интеграции. В целом в современной марксистской традиции сформировались две трактовки general intellect, которые можно обозначить как «технократическую» (Н. Дайер-Визефорд, А.М. Кьосен, Дж. Стейнхофф) и «антропологическую» (П. Вирно, А. Горц)» [Лоскутов Ю.В., 2023, с. 161]. Первые следуют «буквалистской» трактовке общего интеллекта как машинного, игнорируя мысль самого Маркса, что за любой техникой стоит человек и его труд. Вторые же делают акцент на человекомерности КИ, его фундированности формированием особого коллективного субъекта: «Маркс отвечает на “машинный вопрос”, представляя расширенного социального актора — коллективного работника (Gesamtarbeiter)» [Pasquinelli M., 2019, p. 52]. Такой «расширенный» субъект трансцендирует далеко за пределы системы производства, обнаруживаясь почти во всех сферах современной общественной жизни (краудфандинг и краудсорсинг, смартфоны, социальные сети, гражданская наука, распределенная экспертиза, фабрики мысли, рынки предсказаний и т. д.) и через процессы своей коллективной самоорганизации как бы балансируя рост автономии ИИ. Вместе с тем исследователи отмечают, что марксистский дискурс «глубоко недооценил способность общего

интеллекта развиваться в условиях капитализма, а также способность капитализма интегрировать социальную энергию расширенного общего интеллекта» [Smith T., 2013, p. 238–239].

Конечный пункт для Маркса — это «обобществившееся человечество», где частное и общественное в целом гармонически сосуществуют. Последнее, однако, не отменяет субординацию между ними; напротив, только со снятием многопланового отчуждения индивид может стать полноправным выразителем общечеловеческого: «Лишь когда люди поступают уже не как частные лица, озабоченные своей собственной жизнью и выживанием, но, по привычному выражению Маркса, как “родовые существа”, для которых воспроизводство своей индивидуальной жизни погружено в жизненный процесс всего человеческого рода, коллективный процесс “обобществившегося человечества” сможет развернуться по законам своей внутренней “необходимости”» [Арендт Х., 2023, с. 142]. В этом контексте марксисты часто пишут о всеобщем/универсальном интеллекте как о подлинно общечеловеческом (сродни ноосфере В.И. Вернадского). Отмечается, что подобную позицию занимают в частности М. Хардт и А. Негри: «В “Империи” Хардт и Негри отказываются от обманчивого вызова антиглобалистского возврата к национальному суверенитету и высказываются по поводу аналогии между глобализирующей империей постнациональной политики и потенциалом интернета, который можно увидеть как реализацию потенциала всеобщего интеллекта» [Берарди Ф., 2018, с. 118–119]. Вместе с тем критический марксизм сохраняет скепсис по поводу становления такого интеллекта, отмечая угрозу его превратного отождествления с суммарным эффектом глобальных техно- и инфосферы и прежде всего с масштабной экспансией систем ИИ.

Дюркгеймовский взгляд на коллективный интеллект

Помимо К. Маркса, идею КИ позднее формулирует и Э. Дюркгейм. Заметим, что он также в основном прибегает к понятию «сознание» (соответственно, предлагая концепт «коллектив-

ное сознание»), так что его взгляд именно на интеллект требует определенной реконструкции. Как и у Маркса, его подход к данной проблематике в целом обусловлен его общей теорией. Так, он вводит в оборот концепт социальной солидарности, которая порождена общественным разделением труда, но значение которой не сводится только к экономической плоскости: «Мы приходим к разделению труда с новой стороны. Действительно, в этом случае экономические услуги, которые оно может оказывать, ничто в сравнении с производимым им моральным действием; истинная функция его — создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности» [Дюркгейм Э., 1996, с. 62–63]. Вследствие развития и дифференциации общества механическая ее форма, основанная на простом сходстве, сменяется органической, строящейся на личностной и профессиональной специализации индивидов, их несводимости друг к другу при возрастающей взаимозависимости. Специализация закономерно сужает круг функций и мыслей индивида, «отрывая» его сознание от коллективного: «Пока функции имеют некоторую общность, все могут связать с ними какое-нибудь чувство. Но чем больше они специализируются, тем уже круг лиц, имеющих представление о каждой из них, тем более, следовательно, выходят они за пределы общего сознания» [Дюркгейм Э., 1996, с. 135–136]. Вместе с тем подобная партикуляризация трактуется Дюркгеймом в целом позитивно, вписываясь им в контекст тенденций роста роли личности, диверсификации образов жизни и стилей мышления.

Дюркгейм подходит к взаимосвязи коллективного и индивидуального сознаний не диалектически, а во многом «арифметически», констатируя последовательное уменьшение «давления» первого на второе с закономерным «ростом» доли последнего. Коллективное сознание мыслится единообразной инстанцией по отношению к личностям, поэтому его примат в целом ассоциируется с механической солидарностью, в то время как органическая основывается на объективных процессах дифференциации и обмена, имея косвенный (прежде всего товарно-денежный) характер. Коллективное сознание никуда не исчезает, но теряет свою го-

могенность и директивность, приобретая опосредованный характер: «Коллективная равнодействующая не имеет более прежней четкости, и это тем более, чем несходнее составляющие ее элементы» [Дюркгейм Э., 1996, с. 296].

Проблематику КИ (по большей части не используя, однако, сам термин «интеллект», чаще подразумевая его) Дюркгейм прицельно обсуждает в работе «Элементарных формах религиозной жизни» и особенно в ее знаменитом заключении. Его концепция в наибольшей степени известна как «теория категорий»: «Дюркгейма интересовали социальные основы человеческих “когнитивных универсалий” — фундаментальных понятий, которые мы используем для общего осмысления мира» [Walsh D.P., 2024, p. 86]. Инвариантным фундаментом КИ у Дюркгейма оказывается абстрактное мышление посредством системы понятий и закрепляющего их языка, так что он, в отличие от Маркса, в гораздо большей степени следует классической рационалистической традиции. Концептуальное мышление, в отличие от сугубо индивидуального потока чувственных восприятий, «всегда является — в определенной степени — безличным мышлением» [Дюркгейм Э., 2018, с. 716]. Безличность, однако, является в то же время залогом общности, способности пребывать во множестве сознаний одновременно. В итоге система понятий выступает как репрезентант аккумулированного коллективного опыта, будучи вместе с тем своего рода социальным «клеем», благодаря которому «люди понимают друг друга, а умы получают способность к взаимопроникновению» [Дюркгейм Э., 2018, с. 717].

Однако Дюркгейм воспроизводит многие максимы рационализма по-новому, уже с социоцентрической позиции: когнитивные структуры не являются автономными, будучи комплексными продуктами общественной жизни. В отличие от Канта, он стремится показать, что категории, будучи «жестким каркасом мысли», «скелетом интеллекта» [Jones S.S., 2022, p. 72], тем не менее апостериорны и не являются врожденными. В конечном итоге совокупным носителем КИ оказывается само общество. Таким образом, у Дюркгейма, как и у Маркса, не индивидуальное предшествует социальному, но

последнее скорее воплощается и закрепляется в индивидуальном, существует в и посредством него. Определенным сходством с Марксом является и признание эмерджентной природы КИ: «Коллективное сознание является чем-то иным, нежели просто эпифеноменом его морфологической основы — точно так же, как индивидуальное сознание является чем-то иным, чем просто продуктом нервной системы. Для его возникновения нужно, чтобы произошел *suī generis* синтез индивидуальных сознаний» [Дюркгейм Э., 2018, с. 696–697].

Акцент на социомерности интеллекта становится антидотом не только от его интернализации в отдельной личности, но и от гипостазирования его натуралистического видения и в индивидуальном, и в коллективном регистре. Это особенно актуально в ситуации новых волн натурализма, часто рассматривающих КИ как синхронное и пластичное адаптивное поведение в сложных многокомпонентных живых системах (мозг и прочие системы органов, организм в целом, а также рои, колонии, стаи, стада, косяки и т. д.) [Werfel J., 2026]. Общую же позицию данной парадигмы относительно генезиса именно человеческого когнитивного аппарата артикулировал еще К. Лоренц. Он солидарен с тем, что те же категории, будучи априорными для индивида, в сущности своей апостериорны, но трактует их исключительно как филогенетические продукты биологической эволюции: «В том факте, что формы созерцания и категории мышления не создаются индивидуальным опытом, Кант должен был увидеть убедительное доказательство, что они “логически необходимы” и потому вообще не “возникли” в собственном смысле слова, а просто даны нам *a priori*. Великому мыслителю ответ на поставленный вопрос был недоступен, но для биолога он самоочевиден и состоит в следующем. Организация органов чувств и нервов, позволяющая живому существу ориентироваться в мире, возникла эволюционным путем, в столкновении с действительностью и приспособлении к ней» [Лоренц К., 2021, с. 26]. Справедливости ради, Маркс и Дюркгейм оба признают широкие природные основания человека и в том числе его разума, вместе с тем отчетливо ди-

станцируясь от биологизаторства, в отличие, например, от Г. Спенсера.

Дюркгейм сознательно уходит от экономического детерминизма и плюралистически видит основу КИ в различных, но по преимуществу духовных феноменах: морали, верованиях, ценностях, праве. Дюркгейм также придает бóльшую роль в его формировании социальным институтам: «Он увидел, что люди связаны друг с другом на основе структуры реальных институтов, в рамках которых протекает их жизнь. Эти институты состоят из правил, ролей и взаимоотношений, которые формируют возникающие целостности, которые вместе оказывают причинное воздействие, часто в форме ограничений, на виды действий, убеждений, практик, эмоций и форм мышления, в которых могут участвовать люди» [Walsh D.P., 2024, p. 86]. Однако институты также плюралистичны, конституируя совершенно разные сферы общественной жизни от хозяйства до религии. Не отрицая роль труда, Дюркгейм, однако, и его трактует в гораздо более обобщенном, чем у Маркса, смысле как структурирование кооперации и обмена между людьми: «Не будучи марксистской, здесь тем не менее обнаруживается радикальная теория социальной эпистемологии, в которой труд — человеческая работа — доминирует. Не марксизм, а скорее его гуманизм и рационализм очевидны в ней... Ко-оперативный труд имел для Дюркгейма роль исторической оси... Труд централен не только для ко-операции, но и для обмена... Эти формы крупномасштабной экономической и социальной соотнесенности являются широкими структурами отношений и указывают на источник “обволакивающего” качества категорий» [Jones S.S., 2022, p. 71, 77]. Концептуальное расширение труда способствует его универсальной приложимости к социальной жизни во всем ее многообразии, а генезис общих, в определенном смысле господствующих над индивидами реляционных форм в ходе его усложнения и разделения оказывается главным звеном в дюркгеймовской версии объяснения феномена КИ.

Повторимся, дюркгеймовское понимание КИ гораздо сильнее увязано с рационалистической традицией, которая зиждется на логоцен-

тризме (видении интеллекта как прежде всего оператора рассуждения и вывода). Однако в его версии логоцентризм все же уже не абсолютен, понимаясь в экстерналистском ключе как «размокнутый» и в плане социальной детерминации, и в плане связи с другими сторонами психического. Так, например, он рассматривает эмоциональное взаимодействие как один из ключевых элементов коллективной консолидации: «Для Дюркгейма эмоции лежат в самой основе аппарата познания. Более того, поскольку эмоции состоят, по крайней мере частично, из телесных ощущений человека, тесно связанных с его отношениями с другими людьми и с окружающей средой, это подчеркивает телесный элемент в концепции Дюркгейма» [Walsh D.P., 2024, p. 93]. Когнитивное и аффективное тесно сплетены, хотя второе видится скорее как «низшая» основа социальности, в то время как первое — в качестве ее вершины, «крещендо». В этом Дюркгейм предвосхищает преодоление «узкого» взгляда на интеллект, ключевую значимость внерациональных факторов (не только эмоций и чувств, но и волевых процессов, интуитивных и инсайтных регистров понимания, творчества и т. д.) для его полноценного функционирования.

Заключение: потенциал для синтеза в современную эпоху

Можно заключить, что идея КИ не является столь уж новой, восходя к классикам социологического поворота в философско-гуманитарной мысли XIX в. Общим для Маркса и Дюркгейма является интерпретация КИ как эмерджентного феномена, акцент на его общественном генезисе и сущности. Это позволяет рассматривать теории КИ обоих авторов как эффективные в плане критического удержания человекомерности в ситуации современной тотальной цифровизации. Вместе с тем сам КИ вынужден сопротивляться собственной дигитализации, попыткам отождествления его с сетевыми и распределенными формами ИИ [Halpin H., 2025]. Так, М. Пасквинелли описывает ИИ как «инструмент для установления стандартов механического интеллекта», охвативший масштабы общества в целом, и делает на первый взгляд парадоксальный вывод, что

сопротивление отождествлению КИ с ИИ возможно через развитие особого «коллективного контр-интеллекта» [Пасквинелли М., 2024, с. 338, 348]. Данный «живой» КИ глубоко отличен от механистической логики алгоритмов, делая ставку на такие «апофатически» неалгоритмизируемые качества, как рефлексия, эмоциональность, интуиция, творчество, ценности. Центральное место в нем также отводится развитому критическому мышлению, позволяющему последовательно разоблачать попытки опредмечивания КИ во все более продвинутых «системах машин». В этом смысле и Маркс, и Дюркгейм актуальны, т. к. они оба (каждый по-своему) стремятся преодолеть «узкий» логоцентризм классической Новоевропейской философии, сформировавший превратный взгляд на интеллект как на особую «машину», осуществляющую «операции *reckoning with consequences*, индукции, дедукции и вывода» [Арендт Х., 2023, с. 352].

Несомненно, что в марксовском и дюркгеймовском подходах обнаруживается целый ряд серьезных различий. Маркс концентрируется на объективно-материальном фундаменте КИ, его производственной детерминации и отчужденном характере в условиях капитализма. Дюркгейм же дистанцирован от критического политэкономического подхода, более наследуя классической линии в понимании КИ как системы понятийного мышления и языка. В ее объяснении он подчеркнуто плюралистичен: соглашаясь с экономическими основами КИ, он концептуально расширяет их интерпретацию, а также фокусируется на духовных феноменах и роли институтов. Несмотря на указанные несовпадения, подходы Маркса и Дюркгейма, как было показано, не являются абсолютно контрадикторными и кажутся вполне комплементарными, так что их умелое сочетание (при неизбежном ослаблении односторонних «острых углов») откроет путь для более целостного взгляда на такое комплексное и многогранное явление, как современный КИ.

Особенно плодотворным кажется также синтез их социоцентристских концепций с более субъективно-ориентированными философскими учениями, которые бы позволили усилить акцент на собственно человеческом изме-

рении КИ, т. к. он по определению есть синергия личностных потоков мышления и познания. Речь прежде всего про разнородные теории интересусубъективности, возникшие в XX в. (Э. Гуссерль, А. Шюц, Ю. Хабермас, Дж. Серль и др.) [Шмерлина И.А., 2021]. Они также по-своему демонстрируют способность сознаний к интеграции, фундированную прежде всего наличием совместного жизненного мира как общего смыслового и коммуникативного поля. Заметим, что существует оригинальный взгляд, который утверждает возможность синтеза социальной эпистемологии Дюркгейма с феноменологией, позволяющий трактовать КИ в терминах общей, разделяемой индивидами интенциональности [Belvedere C., 2023]. Обнаружение интересусубъективных оснований КИ даст еще более полное и «расширенное» видение, продемонстрирует его экзистенциальную укорененность и позволит окончательно дистанцироваться от гипертрофированного радиоцентризма, одновременно репрезентировав КИ не только как социальный, но и как в полной мере антропологический феномен.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем, 2023. 416 с.
- Берарди Ф.* Проблематизируя акселерационизм с точки зрения тела // Логос. 2018. № 2(123). С. 117–124. EDN: XYZLFJ
- Быльева Д.С.* Коллективный и искусственный интеллект // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 2. Ст. 13. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-2-13> EDN: DOWVTX
- Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с. EDN: XYZJOP
- Комаров В.Д.* Всеобщий интеллект как научно-философская категория // Новые идеи в философии. 2012. Т. 1, № 20. С. 134–147. EDN: RWLLMB
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М.: АСТ, 2021. 576 с.
- Лоскутов Ю.В.* Кризис частной интеллектуальной собственности и всеобщий интеллект // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 157–166. DOI: <https://doi.org/10.46726/H.2023.1.16> EDN: DUYHLE
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1857–1861 гг. Ч. 2. М.: Политиздат, 1980. 619 с.
- Пасквинелли М.* Измерять и навязывать: Социальная история искусственного интеллекта. М.: Individuum, 2024. 352 с.
- Фома Аквинский.* Сочинения. М.: УРСС, 2011. 264 с.
- Шмерлина И.А.* «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия // Социологический журнал. 2021. № 3. С. 35–59. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8423> EDN: NYUXPB
- Belvedere C.* Collective consciousness and the phenomenology of Émile Durkheim. Cham: Springer Nature, 2023. 60 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-26114-5>
- Halpin H.* Artificial intelligence versus collective intelligence // AI & SOCIETY. 2025. Vol. 40, № 6. P. 4589–4604. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02240-x> EDN: UOJMBW
- Jones S.S.* Durkheim, the question of the categories, and the concept of labor // The Social Origins of Thought: Durkheim, Mauss, and the Category Project / eds. F.M.J. Schick, M. Schmidt, M. Zillinger. NY: Berghahn Books, 2022. P. 70–86. DOI: <https://doi.org/10.3167/9781800732339>
- Pasquinelli M.* On the origins of Marx's general intellect // Radical Philosophy. 2019. Vol. 6, № 2. P. 43–56.
- Smith T.* The "General Intellect" in the Grundrisse and Beyond // Historical Materialism. 2013. Vol. 21(4). P. 235–255. DOI: <https://doi.org/10.1163/1569206x-12341321>
- Walsh D.P.* Social cognition and the origin of concepts in Durkheim's sociology of knowledge // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2024. Vol. 54, № 1. P. 86–103. DOI: <https://doi.org/10.1111/jtsb.12406> EDN: NHPKTZ
- Werfel J.* Fluid thinking about collective intelligence // Nature Machine Intelligence. 2026. Vol. 8, № 4. P. 506–516. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-026-01211-1> EDN: LYPPWX

References

- Arendt, H. (2023). *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa, or on the active life]. Moscow: Ad Marginem Publ., 416 p.
- Belvedere, C. (2023). *Collective consciousness and the phenomenology of Émile Durkheim*. Cham: Springer Nature Publ., 60 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-26114-5>
- Berardi, F. (2018). [Accelerationism questioned from the point of view of the body]. *Logos*. Vol. 123, no. 2(123), pp. 117–124.
- Byl'eva, D.S. (2023). [Collective and Artificial Intelligence]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University]. Vol. 11, no. 2, art. 13. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-2-13>
- Durkheim, E. (1996). *O razdelenii obschestvennogo truda* [The division of labour in society]. Moscow: Kanon Publ., 432 p.
- Durkheim, E. (2018). *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The elementary forms of the religious life: totemic system in Australia]. Moscow: Delo Publ., 736 p.
- Halpin, H. (2025). Artificial intelligence versus collective intelligence. *AI & SOCIETY*. Vol. 40, no. 6, pp. 4589–4604. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02240-x>
- Jones, S.S. (2022). Durkheim, the question of the categories, and the concept of labor. *The Social Origins of Thought: Durkheim, Mauss, and the Category Project*, ed. by F.M.J. Schick, M. Schmidt, M. Zillinger. New York: Berghahn Books Publ., pp. 70–86. DOI: <https://doi.org/10.3167/9781800732339>
- Komarov, V.D. (2012). [Universal intelligence as a scientific-philosophical category]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Vol. 1, no. 20, pp. 134–147.
- Lorenz, K. (2021). *Obrotnaya storona zerkala* [Behind the Mirror]. Moscow: AST Publ., 576 p.
- Loskutov, Yu.V. (2023). [The crisis of private intellectual property and general intellect]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»]. No. 1, pp. 157–166. DOI: <https://doi.org/10.46726/H.2023.1.16>
- Marx, K. (1980). *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1857–1861 gg. Ch. 2*. [Economic and philosophical manuscripts of 1857–1861 years. Pt. 2]. Moscow: Politizdat Publ., 619 p.
- Pasquinelli, M. (2024). *Izmeryat' i navyazyvat'*: *Sotsial'naya istoriya iskusstvennogo intellekta* [The eye of the master: a social history of Artificial Intelligence]. Moscow: Individuum Publ., 352 p.
- Pasquinelli, M. (2019). On the origins of Marx's general intellect. *Radical Philosophy*. Vol. 6, no. 2, pp. 43–56.
- Shmerlina, I.A. (2021). [«Intersubjectivity»: the emergence of a socio-phenomenological concept]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No 3, pp. 35–59. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8423>
- Smith, T. (2013). The 'General Intellect' in the Grundrisse and beyond. *Historical Materialism*. Vol. 21, no. 4, pp. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1163/1569206x-12341321>
- Thomas Aquinas (2011). *Sochineniya* [Works]. Moscow: URSS Publ., 264 p.
- Virno, P. (2015). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [A grammar of the multitude: for an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Publ., 144 p.
- Walsh, D.P. (2024). Social cognition and the origin of concepts in Durkheim's sociology of knowledge. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 54, no. 1, pp. 86–103. DOI: <https://doi.org/10.1111/jtsb.12406>
- Werfel, J. (2026). Fluid thinking about collective intelligence. *Nature Machine Intelligence*. Vol. 8, no. 4, pp. 506–516. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-026-01211-1>

Об авторе

Желнин Антон Игоревич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ResearcherID: AAR-2036-2021

About the author

Anton I. Zhelnin

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ResearcherID: AAR-2036-2021

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-419-430>

EDN: NNLCJE

Поступила: 05.06.2026

Принята: 07.07.2026

Опубликована: 01.10.2026

ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГ ПРИ ОБРАЩЕНИИ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКОЙ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Фрейманис Инга Федоровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Шляпов Иван Викторович

(Санкт-Петербург)

В условиях роста психоэмоционального напряжения в обществе технологии искусственного интеллекта (ИИ) активно интегрируются в сферу психологической помощи. Качество взаимодействия напрямую зависит от текстового запроса пользователя (промпта). Грамотно сконструированные промпты дают возможность использовать ИИ для генерации терапевтического контента и оказания психологической помощи. Однако существует противоречие: пользователи, наиболее нуждающиеся в психологической помощи, часто не способны сформулировать четкий запрос, что повышает риск получения нерелевантных ответов. Целью данного исследования стало выявление ключевых лингвистических характеристик промптов, влияющих на субъективную оценку полезности ответов ИИ в контексте психологической поддержки. В процессе исследования были проанализированы 52 кейса взаимодействия пользователей с ИИ. Анализ показал, что в целом пользователи склонны оценивать ответы ИИ как полезные (средний балл 3.77 из 5). Установлено, что наибольшую эффективность демонстрируют прямые и конкретные запросы, сформулированные в тревожной или нейтральной тональности. Напротив, имплицитные формулировки и тональность безнадежности ассоциируются со значительно меньшей воспринимаемой полезностью. Не подтвердилось влияние явного назначения ИИ роли психолога на оценку ответа. Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки руководства, направленного на обучение пользователей эффективному промпт-инжинирингу в ситуации запроса о психологической помощи. Это позволит повысить качество, релевантность и безопасность получаемой психологической поддержки, особенно пользователям, испытывающим трудности с формулированием своих потребностей.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), большие языковые модели (LLM), психологическая поддержка, чат-бот, промпт, промпт-инжиниринг, промпт для обращения за психологической поддержкой.

Для цитирования:

Фрейманис И.Ф., Шляпов И.В. Эффективный промпт-инжиниринг при обращении за психологической поддержкой к искусственному интеллекту // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 419–430. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-419-430>. EDN: NNLCJE

EFFECTIVE PROMPT ENGINEERING WHEN SEEKING PSYCHOLOGICAL SUPPORT FROM ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Inga F. Freimanis

Perm State University (Perm)

Ivan V. Shlyapov

(Saint Petersburg)

Against the backdrop of rising psycho-emotional tension in society, artificial intelligence (AI) technologies are being actively integrated into the field of psychological support. The quality of interaction directly depends on the user's textual query (prompt). Well-constructed prompts enable users to leverage AI to generate therapeutic content and receive psychological assistance. However, a contradiction exists: users who are most in need of psychological support are often unable to formulate a clear query, which increases the risk of receiving irrelevant responses. The aim of this study was to identify the key linguistic characteristics of prompts that influence the subjective evaluation of AI response usefulness in the context of psychological support. We analyzed 52 cases of user–AI interactions. The analysis showed that, overall, users tend to rate AI responses as helpful (mean score: 3.77 out of 5). Direct and specific queries, these formulated in an anxious or neutral tone, demonstrate the highest effectiveness. Conversely, implicit formulations and a tone of hopelessness are associated with significantly lower perceived usefulness. No significant effect on response evaluation was found for explicitly assigning the AI a “psychologist” role. In practical terms, our research findings can be used to develop guidelines aimed at teaching users effective prompt engineering when seeking psychological assistance. This would improve the quality, relevance, and safety of the psychological support received, particularly for users who experience difficulties in formulating their own needs.

Keywords: Artificial Intelligence (AI), Large Language Models (LLMs), psychological support, chat-bot, prompt, prompt engineering, prompt for seeking psychological support.

To cite:

Freimanis I.F., Shlyapov I.V. [Effective prompt engineering when seeking psychological support from artificial intelligence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 419–430 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-419-430>. EDN: NNLCJE

Введение

Эпоха стремительного технологического развития сопровождается тотальной цифровизацией всех сфер человеческого бытия, затрагивая телесность, коммуникацию и социальные практики [Комаров С.В., Внутских А.Ю., 2025].

Повсеместно внедряются новые цифровые технологии, такие как мобильная и визуальная связь, робототехника и искусственный интеллект (ИИ). Цель этих цифровых решений — улучшение качества жизни людей.

Вместе с этим актуализируется формирование новых исследовательских областей, таких

как цифровая феноменология, онтология, психология, социология и аксиология. В этих условиях ключевым становится освоение навыков взаимодействия с цифровой инфраструктурой и языком интеллектуальных систем. Цифровое общество нуждается в разработке новых инструментов для эффективного взаимодействия с цифровыми средами и искусственным интеллектом [Комаров С.В., Внутских А.Ю., 2025].

Прикладная психология не остается в стороне от этого процесса. Интеграция цифровых технологий в психологическую практику по-

степенно расширяется, предлагая новые возможности для диагностики, мониторинга и сопровождения. Особое место здесь занимает ИИ, в том числе большие языковые модели (Large Language Models, LLM) — тип ИИ, обученный на огромных массивах текстовых данных и способный генерировать, понимать и предсказывать естественный язык, имитируя человеческую коммуникацию [Ушаков Д.В., 2023]. Масштаб таких моделей (миллиарды параметров) позволяет им обрабатывать сложные языковые конструкции. Модели LLM демонстрируют элементы когнитивной эмпатии, распознавая эмоции и оказывая эмоционально поддерживающую помощь в различных контекстах. Поскольку социальные навыки являются неотъемлемой частью интеллекта, эти достижения приближают модели LLM к человекоподобному взаимодействию и расширяют их потенциальное применение в приложениях, требующих эмоционального интеллекта [Sorin V. et al., 2024]. Наиболее известными примерами являются ChatGPT, Gemini, DeepSeek, а также отечественные разработки GigaChat, Алиса и т. д.

Активное использование LLM в сфере психологической помощи обусловлено их уникальными характеристиками: круглосуточной доступностью, мгновенной отзывчивостью и отсутствием осуждения, что особенно важно в ситуации переживания психоэмоционального напряжения [Banerjee S. et al., 2024]. Все чаще пользователи обращаются к ИИ-системам за первичной помощью в совладании со стрессом, тревогой и другими трудностями [Ray A. et al., 2022].

Однако формирующаяся реальность порождает и новые вызовы. Одним из ключевых навыков становится умение точно формулировать запросы (промпты) при обращении к LLM. Промпт представляет собой формализованный набор инструкций, определяющий содержание, качество и релевантность ответа ИИ [Алексеева Л.Г., Алексеев П.С., 2024].

Задача конструирования эффективных промптов оказывается на пересечении двух актуальных тенденций — растущей потребности в психологической поддержке и стремительно внедрения ИИ-технологий, требующего от

пользователя новой цифровой компетентности [Фрейманис И.Ф., Шляпов И.В., 2025].

В ситуации обращения за психологической помощью возникает противоречие. Состояния эмоциональной нестабильности, повышенной тревожности или когнитивной перегрузки (именно те ситуации, которые чаще всего становятся поводом для обращения за помощью) одновременно снижают способность пользователя к ясной, структурированной коммуникации. Таким образом, человек, остро нуждающийся в поддержке, в силу своего психологического состояния не может сформулировать точный запрос, что с высокой вероятностью приводит к получению нерелевантного, поверхностного или даже потенциально вредного ответа со стороны систем ИИ. Иными словами, проблема формулирования промпта заключается в том, что эффективность взаимодействия с ИИ критически зависит от способности пользователя точно и содержательно выразить свой запрос, а эта способность минимальна именно в момент острого стрессового состояния [Olla P. et al., 2024].

В контексте психологической помощи промпт из чисто технической инструкции превращается в терапевтическую коммуникацию, становясь цифровым аналогом первоначального обращения клиента к специалисту. Это актуализирует формирование нового навыка, промпт-инжиниринга (промптинга), понимаемого как способность точно формулировать запросы к ИИ для эффективного решения сложных задач [Mesco B., 2023]. Промпт-инжиниринг не только позволяет задавать роли и контекст для модели, но и частично компенсирует необходимость ее ресурсоемкого дообучения, делая LLM универсальным и экономически эффективным инструментом для прикладных областей, включая психологическую помощь [Priyadarshana et al., 2024].

Однако подавляющее большинство существующих решений на основе LLM недостаточно устойчивы к вариативности формулировок пользовательских запросов, что требует дальнейшей типологизации промптов и изучения их лингвистических особенностей. Это обуславливает насущную необходимость в глубоком изучении лингвистических и струк-

турных особенностей промптов, используемых при обращении за психологической помощью, что и является целью настоящего исследования.

Обзор исследований

Анализируя современные исследования, необходимо рассмотреть ключевые работы, посвященные составлению промптов при обращении за психологической помощью к ИИ.

Проблема применения больших языковых моделей (LLM) для психологической помощи в последние годы становится предметом активных дискуссий. Исследователи ставят непростой вопрос: «Можно ли всерьез использовать LLM для психологической помощи?»

В научной литературе выделяется несколько аспектов данной проблемы. Во-первых, восприятие пользователем эмпатичности и безопасности ответов ИИ [Lawrence et al., 2024]. Во-вторых, сравнительная эффективность ответов, генерируемых LLM и данных человеком-специалистом. Насколько ответы сопоставимы по качеству и терапевтической ценности [Brown et al., 2020]?

Одним из наиболее цитируемых исследований является работа Ayers J. и соавт. (2023). Исследователи провели сравнительный анализ ответов ChatGPT и врачей-практиков на реальные вопросы пациентов. Ответы LLM продемонстрировали статистически значимое превосходство по качеству и эмпатичности, по сравнению с короткими и формализованными ответами врачей-терапевтов. Даная работа стала весомым аргументом в пользу пересмотра роли LLM в практической психологии. Диалоговые системы со встроенным LLM могут не только предоставлять точную информацию, но и играть значимую роль в психологической поддержке, демонстрируя высокий уровень имитируемой эмпатии. При этом авторы подчеркивают, что успешность диалога с LLM напрямую зависит от качества исходного промпта [Ayers J. et al., 2023].

Интерес представляет работа Н. Aschbacher (2023), посвященная анализу механизмов генерации эмпатических ответов большими языковыми моделями (LLM). Исследователь протестировал несколько версий одного запроса, меняя его структурное оформле-

ние и конкретность описания эмоционального состояния. Результаты продемонстрировали, что LLM (в частности, GPT-4) чаще генерируют эмпатичные и поддерживающие ответы в тех случаях, когда промпт содержит название чувств пользователя, например, «мне страшно», «я не знаю, что делать» и т. д. Напротив, нейтральные или абстрактные формулировки провоцировали генерацию более рациональных и эмоционально обедненных откликов. Полученные данные свидетельствуют о том, что LLM не распознают эмоции как таковые, а осуществляют вероятностный вывод на основе лингвистических маркеров. Таким образом, эффективность взаимодействия с LLM в рамках психологической помощи оказывается в значительной степени зависимой от способности пользователя вербально конструировать свой запрос [Aschbacher H., 2023].

Эксперимент Filienko и соавт. (2024) показал, что структура и ролевое задание в промпте критически влияют на качество отклика языковой модели в контексте психологической помощи. В рамках эксперимента исследователи протестировали четыре вида промптов к GPT-4: базовый (без указаний), промпт с ролевым заданием («Ты — психотерапевт»), структурированный промпт с этапами проблемно-ориентированной терапии (PST), а также их комбинацию. Наиболее терапевтически ценные и структурно выверенные ответы наблюдались при использовании структурированного промпта с ролевой установкой, где модель пошагово формировала отклик, от прояснения проблемы до предложения конкретных действий. Это подтверждает, что чем яснее структура обращения и чем точнее обозначена ролевая цель, тем выше шансы на получение релевантного, эмпатичного и практически полезного ответа. Эти выводы подтверждают необходимость продуманного промпт-дизайна при использовании LLM в обращениях за психологической помощью [Filienko et al., 2024].

В рамках обзора исследований, выполненного Sorin и соавт. (2024), было выявлено, что LLM (в частности ChatGPT-3.5) демонстрирует высокий уровень эмпатии, по мнению пользователей.

Например, ChatGPT-3.5 оценивался по ответам на вопросы пользователей социальных сетей, ответы ChatGPT были предпочтительнее ответов людей в 78,6 % случаев. В других исследованиях ответы LLM получали субъективные оценки экспертов по шкале «эмпатия». В одном исследовании сообщалось о среднем балле 1,84–1,9 из возможных 2 баллов. В другом исследовании, оценивающем чат-боты на основе ChatGPT, сообщалось о средней оценке в 3,43 из возможных 4 баллов.

В другом исследовании оценивались ChatGPT и GPT-4 по вопросам мягких навыков в рамках Единого медицинского лицензионного экзамена США, где GPT-4 ответил правильно на 90 % вопросов. Были отмечены ограничения, включая повторяющееся использование эмпатических фраз, трудности с выполнением первоначальных инструкций, чрезмерно длинные ответы, чувствительность к подсказкам и в целом субъективные показатели оценки, зависящие от опыта оценщика.

Вместе с тем авторы отмечают существенные ограничения: склонность к шаблонному выражению эмпатии в ответах LLM, выраженную чувствительность к семантическим и синтаксическим особенностям промпта, зависимость ответа от структурно-лингвистических характеристик запроса (промпта) [Sorin V. et al., 2024].

В работе Wang S. с соавт. (2025) рассматривалось влияние формулировки промпта на эмпатичность и уместность ответов LLM. Авторы тестировали различные промпты, меняя их шаблоны (присвоение LLM роли психолога, включение описания эмоций, структура запроса), и фиксировали изменения ответов модели. Так, эмоционально нагруженные запросы, например, «я чувствую себя одиноко», «мне страшно», приводили к более эмпатичным и развернутым ответам модели, чем нейтральные промпты. Результаты исследования показывают, что качество ответа LLM во многом зависит от лингвистических особенностей промпта, что, в свою очередь, подчеркивает значимость промпт-инжиниринга [Wang S. et al., 2025].

Также в работе Wang S. с соавт. (2025) говорится о том, что одного только качественного промпта может быть недостаточно. Рекоменду-

ется гибридный подход, совмещающий эффективный промпт и донастройку (fine-tuning) модели для нужд эмпатической поддержки. Fine-tuning — это процесс дополнительного обучения уже готовой языковой LLM-модели на специализированных данных, чтобы адаптировать ее под конкретную задачу. Результаты показали, что сочетание этих двух техник — хороший промпт и дообучение — позволяет достичь наилучших результатов в диалогах, направленных на эмпатическую поддержку пользователя [Wang S. et al., 2025]. Таким образом, при создании LLM-моделей, адаптированных для оказания психологической помощи, необходим комплексный подход при совместном участии разработчиков и психологов.

Данные результаты обуславливают необходимость дальнейшего изучения лингвистических и структурных особенностей эффективных промптов, используемых для обращения за психологической помощью.

Вышеперечисленные исследования подтверждают возрастающий интерес к использованию LLM к задачам психологической помощи. Пользователи могут воспринимать ответы LLM как более эмпатичные и структурированные по сравнению с ответами людей-специалистов. Но при этом остаются вопросы надежности и безопасности.

Рассмотренные нами исследования демонстрируют, что грамотно сконструированные промпты могут повышать эффективность ответов LLM при обращении пользователей за психологической помощью.

Особую эффективность демонстрируют ролевые промпты (LLM присваивается роль психолога) и эмоциональные промпты, содержащие описание психологического состояния пользователей и четкий контекст ситуации.

Однако существующие исследования чаще носят обзорный или методологический характер и только начинают формировать эмпирическую базу. Наименее изученным аспектом взаимодействия с ИИ остается лингвистическая структура промпта, являющаяся ключевым предиктором качества ответа. Наше исследование направлено на устранение этого пробела. В настоящем исследовании ставится задача изучить опосредующую роль формулировки

промпта во взаимодействии «человек — ИИ» в рамках психологической помощи. Основной фокус направлен на анализ того, каким образом лингвистические особенности запроса детерминируют релевантность, эмпатичность и практическую полезность ответа языковой модели, влияют на субъективную оценку пользователем полученной помощи и последующее эмоциональное состояние.

Исследование

Исследование проходило в марте 2025 года. Группа студентов, будущих психологов, получила задание обратиться к ИИ за психологической поддержкой и впоследствии оценить субъективную полезность ответов LLM. Обращаться рекомендовалось к моделям общедоступного назначения: ChatGPT, Алиса, Giga-Chat, DeepSeek.

В качестве объекта исследования мы рассматриваем практики взаимодействия пользователей с LLM-моделями в контексте получения психологической поддержки. В фокусе внимания находятся реальные кейсы использования LLM студентами для самопомощи при эмоциональных, экзистенциальных и тревожных состояниях.

Предметом исследования являются формулировки пользовательских промптов, направленных на получение психологической помощи от языковых моделей, включая их структуру, цель, контекст и типологические особенности.

Исследование выполнено в рамках качественного подхода. Основными методами обработки данных выступили контент-анализ текстов промптов и соотнесение их с субъективной пользовательской оценкой ответов LLM.

Исследовательскую базу составили 52 анонимизированных отчета в свободной форме, подготовленных студентами, о взаимодействии с LLM в ситуациях, связанных с запросами на психологическую поддержку.

Отчеты рекомендовалось заполнять по следующей структуре:

- укажите конкретную ИИ-модель, к которой вы обратились;

- сформулируйте промпт для обращения к ИИ-модели, поставьте перед моделью задачу для работы в качестве психолога;

- оцените работу ИИ-модели в качестве психолога от 1 до 5 баллов, где 1 — плохо, 5 — отлично, ответ обоснуйте;

- оцените эффективность помощи предложенной ИИ (опишите, как поменялось ваше эмоциональное состояние, какие выводы сделаны).

Таким образом, пользователи описывали свои запросы к ИИ (промпт), реакцию модели и собственное восприятие отклика, а также оценивали помощь в интервальной шкале от 1 до 5.

Процедура исследования включала несколько этапов.

На первом этапе, для обеспечения сопоставимости данных, исследовательская группа структурировала отчеты по единому шаблону. Вмешательство касалось только формата представления информации. Содержание запросов (промпты), ответов LLM и пользовательских реакций сохранялось без изменений. Такой формат позволил привести данные к обрабатываемому виду без искажения смысла. В результате данные были сведены в единую таблицу: модель LLM, промпт, ответ LLM, пользовательская оценка по шкале от 1 до 5, текстовый самоотчет об эмоциональном состоянии и полезности. Субъективная оценка ответов LLM после обращения за психологической помощью фиксировалась в отчетах как в описательной, так и в шкальной форме. Эти данные в дальнейшем использовались для проверки выводов о связи между типом промпта и эффективностью ответов LLM.

На втором этапе была проведена независимая категоризация всех (52) промптов. Использовалось открытое, тематическое кодирование, основанное на заранее сформулированных признаках (таблица 1). Под кодированием мы понимаем процесс присвоения качественным данным категориальных признаков. Кодирование проводилось вручную, двумя экспертами с психологическим образованием. Расхождения в кодировке (менее 7 % случаев) разрешались через дискуссию.

Признак	Тип данных	Примеры значений / уровней
Тип промпта	Категориальный	Тревожный, экзистенциальный, информационный, запрос помощи, расплывчатый
Наличие роли	Бинарный	Да / Нет (например: «Ты — психолог»)
Формулировка цели	Категориальный	Прямая / Не указана / Имплиcitная
Степень конкретности	Шкала (1–3)	1 – очень конкретный, 2 – средний, 3 – абстрактный
Тональность запроса	Категориальный	Нейтральная / Тревожная / Безнадёжная / Активная
Эмоциональные маркеры	Текст / Список	«усталость», «паника», «одиночество» и т. д.
Структура	Категориальный	Вопрос / Утверждение / Ролевая инструкция
Ожидаемое действие от ИИ	Категориальный	Поддержка / Диагностика / Утешение / Решение проблемы
Субъективный результат	Шкала (1–5) и текст	По шкале: помогло – не помогло / Описание изменений

Кодировочные признаки для анализа промпта
Coding features for prompt analysis

На третьем этапе для каждой выделенной категории (например, ролевые промпты или без роли; конкретные или абстрактные) было подсчитано среднее арифметическое субъективных оценок пользователей (по шкале от 1 до 5). Эти количественные показатели использовались исключительно как дескриптивные (описательные) маркеры для выявления общих трендов в выборке. Статистическая проверка не проводилась, поскольку это не предусмотрено качественным дизайном исследования.

На четвертом этапе, с использованием языковой модели GPT-5, которая применялась в качестве вспомогательного аналитического инструмента для выявления закономерностей, проводилось сопоставление полученных средних баллов с содержательным анализом текстов пользовательских отчетов по графе «об эмоциональном состоянии и полезности». Внимание уделялось тому, как различные форматы промпта соотносятся с характером полученного ответа LLM и субъективным пользовательским восприятием полезности этих ответов. Такой подход позволил нам зафиксировать не только характеристики ответов LLM, но и субъективную оценку его эффективности, значимости и эмоционального воздействия.

Конечной целью нашего исследования стало выявление значимых элементов промпта, способствующих получению содержательных, по-

лезных и поддерживающих ответов от LLM, в ситуации обращения за психологической помощью. Финальная интерпретация данных выполнялась экспертной группой вручную на основе сопоставления результатов машинного анализа и собственных выводов. Данная методология позволила провести двойной анализ (автоматизированный и экспертный), а также обеспечить надежность и воспроизводимость результатов при дальнейшем расширении выборки.

В начале исследования ожидалось, что анализ пользовательских промптов позволит выявить устойчивые паттерны формулировок, способствующих получению более релевантных, поддерживающих и полезных ответов от LLM-моделей в психологически значимых ситуациях. Предполагалось, что наличие четкой роли (например, «Ты — психолог»), указание цели запроса и эмоциональная конкретизация состояния пользователя коррелируют с более высокой субъективной оценкой эффективности отклика. Кроме того, гипотетически, модели лучше справляются с конкретными и диагностически направленными запросами, чем с абстрактными и экзистенциальными. Также проверялось предположение, что промпты с тревожными маркерами вызывают адаптивную реакцию модели — либо через эмпатичный ответ, либо через мягкое перенаправление.

Результаты позволяют выделить признаки так называемого «эффективного промпта» в задачах цифровой самопомощи.

Обсуждение

В рамках настоящего исследования эмпирическим путем были идентифицированы ключевые лингвистические параметры текстовых запросов (промптов), детерминирующие субъективное восприятие полезности ответов искусственного интеллекта в сфере психологической помощи.

Анализ отчетов показал, что пользователи в целом склонны оценивать ответы ИИ как полезные (средний балл 3.77 из 5).

Также было установлено, что в выборке преобладали обращения, связанные с запросом о «помощи» (28 случаев), и запросы, отражающие «тревожное состояние» (12 случаев).

Качественный анализ эмоциональной составляющей показал высокую частоту упоминания негативных аффективных состояний, среди которых доминируют выгорание, стресс, усталость, страх и психоэмоциональное напряжение.

Результаты исследования свидетельствуют о существенном влиянии структурных и стилистических характеристик промпта на его эффективность. Прямое формулирование цели запроса ассоциировалось с более высокими оценками результата по сравнению с косвенными формулировками. Конкретные промпты продемонстрировали существенно более высокую эффективность, чем абстрактные.

Что касается стилистических особенностей, тревожная тональность сообщения показала несколько более высокий результат, чем нейтральная и активная, в то время как тональность безнадежности была наименее эффективной.

Назначение искусственному интеллекту роли эксперта-психолога не привело к приросту эффективности.

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы:

– субъективная оценка полезности ответов, сгенерированных большой языковой моделью (LLM), является высокой;

– ключевым фактором, детерминирующим качество ответа LLM, выступает четкая формулировка цели и достаточная конкретность запроса;

– назначение модели роли эксперта (посредством инструкции «Ты — психолог») не оказывает статистически значимого влияния на воспринимаемую полезность ее ответов;

– запросы, характеризующиеся тревожной тональностью, при условии их правильной структурной организации (четкость, конкретность), могут получать оценки выше среднего, в то же время тональность безнадежности является негативным фактором, значимо снижающим субъективную оценку полезности ответа.

Таким образом, можно вывести рекомендации к «идеальному промпту».

Роль (вторично): пример «Ты психолог-консультант по краткосрочной поддержке».

Цель (обязательно, явно): пример «Цель — понять причины моей реакции и получить краткий план на 3 шага».

Контекст (конкретно): пример «Ситуация (экзамен через 5 дней / конфликт с X / симптомы панические атаки 2 раза/нед.)».

Тон/ограничения: пример «Без диагнозов, без медицинских советов, этично, кратко, структурно».

Ожидаемое действие: пример «Сначала короткий рефрейм (1–2 предложения), затем 3 шага, затем вопросы для уточнения».

Пример на основе рекомендаций:

«Ты психолог-консультант по краткосрочной поддержке. Цель: понять, что усиливает мою тревогу, и получить 3 конкретных шага. Ситуация: через 5 дней экзамен, откладываю подготовку, пульс учащается по вечерам. Формат ответа: короткий рефрейм, 3 шага, 3 уточняющих вопроса. Без диагнозов и медицинских советов».

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые факторы, влияющие на эффективность взаимодействия пользователей с крупными языковыми моделями (LLM) в контексте запросов, связанных с психологической помощью. Полученные результаты не только согласуются с существующими международными

исследованиями в области промт-инжиниринга, но и конкретизируют применимость этих принципов в специфической области запросов о психологическом здоровье.

Практическая значимость работы заключается в разработке доказательных рекомендаций по конструированию эффективных промптов для психологической поддержки. Предложенная модель «идеального промпта», акцентирующая обязательность цели, конкретики контекста и желаемого формата ответа (при второстепенной ролевой инструкции), представляет собой готовый инструмент для обучения цифровой грамотности.

Таким образом, в рамках образовательных программ, направленных на развитие навыков взаимодействия с ИИ, целесообразно акцентировать обучение корректной постановке цели и детализации запроса, рассматривая ролевые инструкции в качестве вспомогательного, а не основного инструмента оптимизации.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях: проверка выявленных закономерностей на более крупных и репрезентативных выборках; глубокий качественный анализ содержания ответов LLM на промпты разного типа для выявления не только субъективной оценки, но и объективных параметров качества (эмпатия, безопасность, практическая применимость); исследование эффективности комбинации ролевых инструкций с различными уровнями структурной детализации для разных типов запросов (кризисные, повседневные, информационные); разработка и валидация специализированных промпт-шаблонов и образовательных программ, направленных на развитие навыков безопасного и эффективного запроса психологической поддержки от ИИ.

Данное исследование вносит вклад в формирование доказательной базы для этичного и эффективного использования технологий ИИ в сфере психологического здоровья, подчеркивая критическую важность качества запроса пользователя как ключевого фактора успешного взаимодействия с системами ИИ.

Ограничения исследования

При интерпретации результатов настоящего исследования необходимо учитывать ряд ограничений.

Качественный дизайн и отсутствие статистического вывода. Исследование выполнено в рамках качественной парадигмы, поэтому все количественные показатели (средние оценки) носят исключительно описательный характер. Статистическая проверка гипотез и расчет критериев значимости не проводились, что не позволяет распространять выявленные тенденции на генеральную совокупность пользователей LLM. Полученные данные следует рассматривать как пилотажное исследование, требующее подтверждения на больших выборках с применением соответствующих статистических процедур.

Субъективность оценок. Все оценки эффективности ответов LLM основаны исключительно на самоотчетах студентов и их субъективном восприятии полезности. В исследовании не использовались объективные психофизиологические или поведенческие показатели, которые могли бы подтвердить реальное изменение эмоционального состояния. Самоотчеты могли быть подвержены влиянию социальной желательности, эффекта новизны (первый опыт общения с ИИ) или текущего настроения респондентов.

Ситуативный и временной контекст. Сбор данных проводился в марте 2025 года, и все взаимодействия с LLM были инициированы участниками в рамках учебного задания, а не в естественной жизненной ситуации острого психологического кризиса. Это могло повлиять на характер запросов и глубину вовлеченности респондентов, снижая валидность результатов. Кроме того, за прошедшее время алгоритмы и доступность моделей LLM могли измениться, что следует учитывать при сравнении с будущими исследованиями.

Ограниченный набор LLM-моделей. В работе использовались только общедоступные модели (ChatGPT, Алиса, Giga-Chat, DeepSeek). Выводы не могут быть распространены на специализированные психотерапевтические чат-боты или модели с расширенными

настройками эмпатии, а также на будущие версии тех же моделей.

Единая процедура сбора данных. Несмотря на предложенную структуру отчетов, студенты предоставляли информацию в свободной форме, что приводило к вариативности в детализации описаний. Хотя мы структурировали данные постфактум, возможны потери части значимой информации или искажения при интерпретации исследователями.

Список литературы

Алексеева Л.Г., Алексеев П.С. Язык промптов, или особенности формулирования запросов к генеративным нейросетям для создания изображений // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2024. № 3(13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-promptov-ili-osobennosti-formulirovaniya-zaprosov-k-generativnym-neyrosetyam-dlya-sozdaniya-izobrazheniy> (дата обращения: 16.09.2025). DOI: [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3\(13\)-50-61](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-50-61) EDN: ZVOBBA

Комаров С.В., Внутских А.Ю. Свет и тени цифровой реальности. Образ инженера XXI века (от редакции) // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svet-i-tenitsifrovoy-realnosti-obraz-inzhenera-xxi-veka-ot-redaktsii> (дата обращения: 31.05.2026). DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-309-316> EDN: ADMDFX

Ушаков Д.В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // *Сибирский психологический журнал*. 2023. № 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-psihologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 31.05.2026). DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/90/11> EDN: FBMUGM

Фрейманис И.Ф., Шляпов И.В. Риски применения технологии искусственного интеллекта для психологической помощи: взгляд психолога и разработчика // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-primeneniya-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-dlya-psihologicheskoy-pomoschi-vzglyad-psihologa-i-razrabotchika> (дата обращения: 30.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-829> EDN: WZCUOA

Aschbacher K. How to Build Empathetic AI // *Medium*. 2023. URL: [https://medium.com/@kirstinashe/how-to-build-](https://medium.com/@kirstinashe/how-to-build-empathetic-ai-1bb444a8b3fe)

[empathetic-ai-1bb444a8b3fe](https://medium.com/@kirstinashe/how-to-build-empathetic-ai-1bb444a8b3fe) (дата обращения: 05.07.2026).

Ayers J., Poliak A., Dredze M. et al. Comparing Physician and Artificial Intelligence Chatbot Responses to Patient Questions Posted to a Public Social Media Forum // *JAMA Internal Medicine*. 2023. Vol. 183, № 6. P. 589–596. URL: https://each.international/wp-content/uploads/2023/05/jamainternal_ayers_2023_oj_230030_1681999216.70842.pdf (дата обращения: 30.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2023.1838> EDN: RFVQOH

Banerjee S., Dunn P., Conard S., Ali A. Mental Health Applications of Generative AI and Large Language Modeling in the United States // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2024. Vol. 21, № 7. Art. 910. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph21070910> EDN: MXXOZC

Brown T., Mann B., Ryder N. et al. Language models are few-shot learners // *Advances in neural information processing systems*. 2020. Vol. 33. P. 1877–1901. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.14165>

Filienko D., Wang Y., Jazmi C. et al. Toward Large Language Models as a Therapeutic Tool: Comparing Prompting Techniques to Improve GPT-Delivered Problem-Solving Therapy // *arXiv*. 2024. Art. 2409.00112. URL: <https://arxiv.org/abs/2409.00112> (дата обращения: 17.09.2025).

Lawrence H., Schneider R., Rubin S. et al. The Opportunities and Risks of Large Language Models in Mental Health // *JMIR Mental Health*. 2024. Vol. 11. Art. e59479. DOI: <https://doi.org/10.2196/59479> EDN: CNGJYM

Mesco B. Prompt Engineering as an Important Emerging Skill for Medical Professionals: Tutorial // *Journal of Medical Internet Research*. 2023. Vol. 25. Art. e50638. DOI: <https://doi.org/10.2196/50638> EDN: KUUMXF

Olla P., Elliott L., Abumeeiz M., Mihelich K., Olsson J. Promptology: Enhancing Human–AI Interaction in Large Language Models // *Information*. 2024. Vol. 15, № 10. Art. 634. DOI: <https://doi.org/10.3390/info15100634> EDN: LYDEUK

Priyadarshana Y.H.P.P., Senanayake A., Liang Z., Piumarta I. Prompt engineering for digital mental health: a short review // *Front. Digit. Health*. 2024. Vol. 6. Art. 1410947. DOI: <https://doi.org/10.3389/fdgth.2024.1410947>

Ray A., Bhardwaj A., Malik Y., Singh S., Gupta R. Artificial intelligence and Psychiatry: An overview // *Asian Journal of Psychiatry*. 2022. Vol. 70. Art.

103021. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2022.103021> EDN: GBXYZG

Sorin V., Brin D., Barash Y. et al. Large Language Models and Empathy: Systematic Review // *J. Med. Internet. Res.* 2024. Vol. 26. Art. e52597. DOI: <https://doi.org/10.2196/52597> EDN: WVAUHI

Wang S., Fang R., He Z., Song S., Li Y. Emotional Support with LLM based Empathetic Dialogue Generation // *arXiv*. 2025. Art. arXiv:2507.12820. URL: <https://arxiv.org/abs/2507.12820> (дата обращения: 16.09.2025).

References

Alekseeva, L.G. and Alekseev, P.S. (2024). [The language of prompts, or specifics of formulating queries to generative neural networks for image creation]. *Verba. Severo-Zapadnyy lingvisticheskiy zhurnal* [Verba. North-Western Linguistic Journal]. No. 3(13). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-promptov-ili-osobennosti-formulirovaniya-zaprosov-k-generativnym-neyrosetyam-dlya-sozdaniya-izobrazheniy> (accessed 16.09.2025). DOI: [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3\(13\)-50-61](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-50-61)

Aschbacher, K. (2023). How to build empathetic AI. *Medium*. Available at: <https://medium.com/@kirstinashe/how-to-build-empathetic-ai-1bb444a8b3fe> (accessed 05.07.2026).

Ayers, J., Poliak, A., Dredze, M. et al. (2023). Comparing physician and Artificial Intelligence chatbot responses to patient questions posted to a public social media forum. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 183, no. 6, pp. 589–596. Available at: https://each.international/wp-content/uploads/2023/05/jamainternal_ayers_2023_oi_230030_1681999216.70842.pdf (accessed 30.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2023.1838>

Banerjee, S., Dunn, P., Conard, S. and Ali, A. (2024). Mental health applications of generative AI and large language modeling in the United States. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 21, no. 7, art. 910. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph21070910>

Brown, T., Mann, B., Ryder, N. et al. (2020). Language models are few-shot learners. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 33, pp. 1877–1901. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.14165>

Filenko, D., Wang, Y., Jazmi, C. et al. (2024). Toward large language models as a therapeutic tool: comparing prompting techniques to improve GPT-delivered problem-solving therapy. *ArXiv*. Art. 2409.00112. Available at: <https://arxiv.org/abs/2409.00112> (accessed 17.09.2025).

Freimanis, I.F. and Shlyapov, I.V. (2025). [Risks of using Artificial Intelligence technology for psychological assistance: a psychologist's and developer's perspective]. *Russian Journal of Education and Psychology*. No. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-primeneniya-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-dlya-psihologicheskoy-pomoschi-vzglyad-psihologa-i-razrabotchika> (accessed 30.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-829>

Komarov, S.V. and Vnitskikh, A.Y. (2025). [Light and shadows of digital reality. The image of the 21st century engineer (an editorial)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svet-i-teni-tsifrovoy-realnosti-obraz-inzhenera-xxi-veka-ot-redaktsii> (accessed 31.05.2026). DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-309-316>

Lawrence, H., Schneider, R., Rubin, S. et al. (2024). the opportunities and risks of large language models in mental health. *JMIR Mental Health*. Vol. 11, art. e59479. DOI: <https://doi.org/10.2196/59479>

Mesco, B. (2023). Prompt engineering as an important emerging skill for medical professionals: tutorial. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 25, art. e50638. DOI: <https://doi.org/10.2196/50638>

Olla, P., Elliott, L., Abumeeiz, M., Mihelich, K. and Olson, J. (2024). Promptology: enhancing human–AI interaction in large language models. *Information*. Vol. 15, no. 10, art. 634. DOI: <https://doi.org/10.3390/info15100634>

Priyadarshana, Y.H.P.P., Senanayake, A., Liang, Z. and Piumarta, I. (2024). Prompt engineering for digital mental health: a short review. *Frontiers in Digital Health*. Vol. 6, art. 1410947. DOI: <https://doi.org/10.3389/fdgth.2024.1410947>

Ray, A., Bhardwaj, A., Malik, Y., Singh, S. and Gupta, R. (2022). Artificial intelligence and psychiatry: an overview. *Asian Journal of Psychiatry*. Vol. 70, art. 103021. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2022.103021>

Sorin, V., Brin, D., Barash, Y. et al. (2024). Large language models and empathy: systematic review. *J. Med. Internet. Res.* Vol. 26, art. e52597. DOI: <https://doi.org/10.2196/52597>

Ushakov, D.V. (2023). [Artificial Intelligence as a tool for psychological research]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intel>

lekt-kak-instrument-psihologicheskogo-issledovaniya
(accessed 31.05.2026). DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/90/11>

Wang, S., Fang, R., He, Z., Song, S. and

Li, Y.(2025). Emotional support with LLM based empathetic dialogue generation. *ArXiv*. Art. 2507.12820. Available at: <https://arxiv.org/abs/2507.12820> (accessed 16.09.2025).

Об авторах

Фрейманис Инга Федоровна

старший преподаватель кафедры
общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: inga73-08@mail.ru
ResearcherID: KSL-6854-2024

Шляпов Иван Викторович

независимый исследователь,
разработчик программного обеспечения

190000, Санкт-Петербург;
e-mail: 7505427@mail.ru

About the authors

Inga F. Freimanis

Senior Lecturer of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: inga73-08@mail.ru
ResearcherID: KSL-6854-2024

Ivan V. Shlyapov

Independent Researcher,
Software Developer

Saint Petersburg, 190000, Russia;
e-mail: 7505427@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 330.133.6; 140.8; 130.2
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-431-441>
EDN: XVBWXH

Поступила: 12.10.2025
Принята: 15.12.2026
Опубликована: 01.10.2026

ТРУД И СИМУЛЯЦИЯ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. КАПИТАЛИЗМ, ТРУД И ЗНАКИ

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В современном обществе наблюдается заметный рост симуляции деятельности практически во всех сферах общественной жизни. Ее распространение в производственной сфере существенно оттесняет труд — источник общественного богатства — на второй план. Складывается парадоксальная ситуация: деятельность, которая не производит никаких материальных благ, аккумулирует и расходует их с нарастающими темпами и объемами. Причина подобной ситуации кроется в самом характере труда капиталистического типа (абстрактного и частичного). Прибавочная стоимость может быть произведена лишь частичным трудом при условии неуклонного сокращения его доли, т. е. путем вымещения частичной рабочей силы из сферы реального производства. Вымещение занятых из сферы материального производства обеспечивается посредством роста производительности частичного труда благодаря внедрению достижений науки и техники. Однако труд ученых и инженеров — всеобщий, сложный, материальный и умственный, и как таковой он не создает никакой прибавочной стоимости. Уход вымещенных частичных рабочих в сферу наукоемкого производства, таким образом, подрывает объективные основы существования капитализма, поэтому современный капитализм стремится сформировать такую сферу деятельности, которая, с одной стороны, на прямую не была связана с материальным производством, с другой — не позволяла бы индивиду переставать быть частичным. Такой сферой является симуляция. Симуляция, по сути, оказывается не чем иным, как формой деятельности, маскирующей деградацию человека.

Ключевые слова: современный капитализм, труд, частичный труд, всеобщий труд, знак, симуляция, симулякр.

Для цитирования:

Корякин В.В. Труд и симуляция. Статья первая. Капитализм, труд и знаки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 431–441. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-431-441>. EDN: XVBWXH

LABOR AND SIMULATION. ARTICLE ONE. CAPITALISM, LABOR, AND SIGNS

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University (Perm)

Modern society exhibits a noticeable increase in simulated activities across almost all spheres of public life. Increasing simulation in the manufacturing sector significantly pushes labor, being the source of social wealth, into the background. A paradoxical situation is emerging: activities that produce no material goods accumulate and consume them at an increasing rate and volume. The reason for this situation lies in the very nature of capitalist-type labor (abstract and partial). Surplus value can be produced only by partial labor, provided that its share is steadily reduced, i.e. through displacing partial labor from the sphere of real production. This displacement stems from increasing productivity of partial labor, driven by the application of scientific and technological achievements. However, the work of scientists and engineers is qualitatively different from partial labor, their work is universal, complex, simultaneously material and mental, and as such it does not create any surplus value. Thus, the departure of displaced part-time workers into the sphere of knowledge-intensive production undermines the objective foundations of the existence of capitalism. Consequently, modern capitalism seeks to form a sphere of activity that, not being directly related to material production, would prevent the individual from ceasing to be a partial worker and would hinder human development. Simulation is such an area. It turns out to be nothing more than a form of activity that masks human degradation.

Keywords: modern capitalism, labor, partial labor, universal labor, sign, simulation, simulacrum.

To cite:

Koryakin V.V. [Labor and simulation. Article one. Capitalism, labor, and signs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 431–441 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-431-441>. EDN: XVBWXH

Введение

В современном мире последние полвека все интенсивнее распространяются формы деятельности, которые подавляющему большинству кажутся бессмысленными или непонятными [Гребер Д., 2020]. Но, что больше настораживает, появляются люди, которые эту деятельность все чаще воспринимают как вполне себе достойный и общественно значимый способ заработка, и даже как способ самореализации. Данная деятельность носит явно симулятивный, но парадоксальным образом чрезвычайно востребованный характер. Складывающаяся ситуация намекает, что у нее есть вполне объективные основания, не зависящие ни от здравого смысла, ни от принятия ее либо критики.

Д. Гребер объясняет данное положение дел особенностями современного капитализма, главным образом свойственной ему концентрацией капитала, обособлением и раздуванием финансового сектора, который начинает довлеть над сферой реального производства [Гребер Д., 2020, с. 19, 22–24, 215–223, 266–270]. Современный капитализм, по его мнению, вступил в фазу самоотрицания, с большой вероятностью перестал быть капитализмом и специфическим образом стремится вернуться к докапиталистическим (феодальным) формам организации общества [Гребер Д., 2020, с. 255–267, 270]. Впрочем, стоит подробнее разобраться с природой как позднего капитализма, так и природой симуляции, чтобы обнаружить их органическую связь.

Целью исследования является выяснение места симуляции в системе позднего капитализма, задачами — определение сущности труда, симуляции и их объективного отношения. В качестве теоретико-методологической основы берется современная форма материализма и диалектики, позволяющая всесторонне описывать общественные явления в их единстве.

Труд в условиях капитализма

Развитие представляет собой процесс накопления, интеграции многообразия. Общественное развитие осуществляется посредством дифференциации и интеграции труда, и, как следствие, — отношений между людьми и идеальных форм (знаний). Однако до капитализма включительно (в т. н. «Предыстории человечества», по выражению К. Маркса) оно осуществляется в парадоксальной форме: рост многообразия (сложности) общества осуществляется за счет обеднения (упрощения) навыков подавляющего большинства непосредственных производителей [Корякин В.В., 2013]. Своей кульминации данный процесс достигает в эпоху капитализма, когда возникает частичный, узкоспециализированный, доведенный до элементарного предметного действия труд. Частичный труд является капиталистической формой конкретного труда. Осуществляющий весь рабочий день одну и ту же примитивную операцию, пролетарий производит себя как предельно бедное, одностороннее, «одномерное» существо. Все «богатство» его навыков сводится лишь к одному: он либо режет проволоку, либо ее вытягивает, либо рихтует, но никогда не производит всей совокупности необходимых для создания конечного продукта (например, иглы) операций. При этом частичный производитель делает свою работу предельно качественно и быстро, что при условии кооперации с такими же частичными рабочими максимально повышает производительность труда в целом. Производство конечных (готовых к потреблению) продуктов становится чрезвычайно многообразным и массовым.

Частичный рабочий относится к средствам производства частичным образом: в своей непосредственной практике он никогда не присваивает их целиком — он присваивает в моменте лишь отдельную их сторону. Реализуя каждый

раз лишь отдельный свой навык, к себе он также относится частичным образом, т. е. никогда как к целостному существу. По данной причине частичный работник перманентно оказывается в ситуации отчуждения себя и от средств производства, и от собственной рабочей силы, собственного бытия.

Каждый пролетарий в отдельности в силу частичной природы своего труда объективно не способен присваивать предмет и свою рабочую силу целиком, функция присвоения конечного продукта, как и всех задействованных средств производства и рабочих сил, эмансипируется в деятельности другого участника производственного процесса — предпринимателя. На первый взгляд может показаться, что буржуа занят управлением производством: он не только аккумулирует богатство, но и распределяет его, организует и контролирует рабочий процесс, занимается закупками и сбытом, ведет бухгалтерию, мотивирует работников и т. д. Такую картину можно было наблюдать на заре капитализма, в условиях господства мелких и средних предприятий, и до сих пор она до некоторой степени наблюдается в сфере малого бизнеса. Однако по мере концентрации капитала весь этот набор управленческих функций постепенно эмансипируется от буржуа и передается многочисленным менеджерам и клеркам, которые рекрутируются преимущественно из среды тех же пролетариев. Другими словами, дифференцируется не только само материальное производство (труд), но и управленческая деятельность.

Управленец также оказывается частичным и отчужденным, подобно пролетарию. У него всегда есть конкретные узконаправленные задачи. В условиях развитого капитализма вся система производства строится на частичном труде: материальном — у пролетария, духовном — у клерка. Все управленческие функции могут быть без потерь для производства отданы на откуп наемным работникам, кроме одной — отчуждения и накопления материальных благ. Эта последняя всегда остается за частным собственником. Деятельность буржуа в «сухом остатке» оказывается не менее частичной, он лишь аккумулирует общественное богатство.

Каждый отдельный пролетарий в ходе практики не присваивает средства производства це-

ликом, их присвоение может быть лишь коллективным. Совместная борьба рабочих за право собственности на средства производства может достичь успеха, но она не меняет в корне сущности капиталистической экономики. В экономическо-философских рукописях 1844 г. К. Маркс предполагал, что на ранней стадии формирования коммунистического общества («грубый» коммунизм) рабочие будут стремиться упразднить частную собственность на средства производства как некое выражение их отчужденной сущности. При этом частичный труд, который составляет объективную основу частного присвоения, останется без изменений. Никуда не исчезнет по этой причине и частная собственность, наоборот, она достигнет высшей, всеобщей формы: все общество пролетариев становится частным собственником [Маркс К., 1956, с. 585–587]. Опыт Российской революции 1917 г. и построения советской экономики красноречиво свидетельствует о том, как пролетариат, подвергнув тотальному обобществлению средства производства и рабочую силу, делегирует из своей среды весь необходимый управленческий аппарат, сохраняя практически без изменений функции, которые ранее осуществляли предприниматель и его менеджеры. Более того, штат управленцев многократно возрастает в силу максимальной концентрации производства. В рамках советской экономики нетронутой оказалась и функция отчуждения и аккумуляции богатства. Примечательно, что по мере завершения коллективизации и индустриализации, т. е. практически тотальной пролетаризации страны, часть советской бюрократии начала предпринимать систематические попытки монополизировать эту свойственную частному собственнику функцию. Реформы А.Н. Косыгина, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина стали ключевыми этапами реанимации естественной для общества, построенного на частичном труде, капиталистической формы организации производства.

Частичный материальный труд в силу своей предельной простоты объективным образом поддается усреднению и абстрагированию. Общее в частичном труде — то, что абстрактный труд становится субстанцией товарной стоимости [Маркс К., 1987, с. 38–39, 44–47, 50–59, 61–66, 72–78]. Товарные стоимости — господству-

ющая форма вещественного богатства при капитализме. Поскольку отдельные пролетарии никогда не присваивают средства производства целиком, их присвоение возможно либо всем рабочим коллективом, либо предпринимателем. В обоих случаях это присвоение опосредуется насилием.

С определенного исторического момента дифференциация труда порождает необходимость выделения управления в самостоятельную сферу деятельности, происходит радикальное разделение труда на непосредственно материальный и умственный. Субъекты умственного труда не создают никаких объективных (материальных) ценностей, продукты их деятельности объективны лишь по содержанию, по форме они — субъективны (идеальны). Никакой непосредственный обмен субъективных ценностей на объективные невозможен в силу их принципиально различной природы. Но поскольку обособившаяся управленческая (духовная) деятельность оказывается объективно необходимой для организации разделенного материального труда, единственным способом ее материального обеспечения становится насильственное изъятие материальных благ, а в конечном счете — средств производства без всякого материального эквивалента. Никакой труд не может реализоваться без средств производства, поэтому непосредственные производители оказываются вынуждены считаться с грубой силой, либо оказывать ей сопротивление.

При капитализме, на первый взгляд, никакого прямого насилия в отношении работника не осуществляется. Рабочий не подвергается т. н. внеэкономическому принуждению. Он — не раб и не крепостной. У него вроде бы есть свобода выбора — наниматься на работу или нет. Однако это выбор мнимый. В реальности выбирает между жизнью и смертью: он может продать свою рабочую силу, произвести благо и часть его получить в виде зарплаты, а может умереть с голоду. При капитализме собственность на средства производства закрепляется прямым насилием (законом, например, за которым стоит армия полицейских, судей, тюремщиков и профессиональных военных, или пролетарским вооруженным восстанием). Насилие в его различных формах становится неотъемлемым услови-

ем и средством поддержания капиталистической системы, и в нем в той или иной мере участвуют все — и буржуа, и пролетарии.

Поскольку частичный труд является объективной основой капиталистической экономики, для нее жизненно необходимым становится превращение в частичных рабочих как можно большего количества населения. Процесс пролетаризации исторически осуществлялся посредством отделения рабочей силы (крестьян и ремесленников) от средств производства. Причем в раскрестьянивании и ликвидации ремесел участвовали не только предприниматели, но и рабочие. Роль пролетариев в данном процессе была не столь заметна на этапе раннего капитализма, но стала очевидной, когда капитализм вступил в фазу кризиса. Например, советские рабочие, организуя процесс обобществления и огосударствления средств производства, в том числе занимались ликвидацией крестьянской парцеллы и кустарных предприятий.

Количественный рост численности частичных рабочих сопровождался удлинением рабочего времени. К. Маркс подробно описал и раскрыл процесс производства абсолютной прибавочной стоимости, подчеркнув принципиальные его пределы [Маркс К., 1987, с. 169–290, 469–479]. Рабочий день не может длиться бесконечно долго: с определенного момента начинается моральное и физическое изнашивание рабочей силы. Производительность труда начинает постепенно падать. Более того, испытывающие тяготы жизни пролетарии начинают активно сопротивляться сложившимся производственным порядкам, в т. ч. посредством вооруженных восстаний, что угрожает существованию предпринимателя и всей его клиентелы (в т. ч. буржуазного государства).

Стремление буржуа извлекать и умножать прибыль находит, впрочем, выход в процессе производства относительной прибавочной стоимости [Маркс К., 1987, с. 291–479]. Технические изобретения и рационализация кооперации способны резко повысить производительность труда, что в свою очередь создает многообразные возможности для снятия социальной напряженности и сдерживания деградации рабочей силы. Предприниматель может сократить рабочий день, улучшить условия работы, сделать произ-

водство более безопасным, повысить заработную плату. Этот падающий рабочего режим пребывания на заводе тормозит износ рабочей силы, но при этом не меняет ее сути: пролетарий остается по-прежнему частичным работником. Более того, видимость роста благополучия делает частичные профессии в какой-то мере привлекательными на фоне отсутствующей или минимальной альтернативы занятости. Рост благосостояния пролетария становится весомым фактором консервации частичного труда.

Впрочем, непосредственной целью буржуа является не забота о рабочей силе, а избавление от нее. Заработная плата — главная трата предпринимателя. Технические новинки и рациональная организация труда необходимы лишь для того, чтобы, повысив производительность труда, уволить часть рабочих при сохранении как минимум прежних объемов производства. Капитализм проявляет в очередной раз свой парадоксальный характер. Без частичного работника прибавочная стоимость не может быть произведена. Однако рост числа занятых в сфере частичного производства порождает рост издержек, что требует сокращения численности рабочих. В таких условиях предприниматель стремится заменить всех рабочих машинами, но вот только машины сами по себе не трудятся и не создают стоимости. В результате буржуа стремится сократить число рабочих до некоторого «приемлемого» минимума.

Производство относительной прибавочной стоимости, впрочем, таит в себе куда большую угрозу для существования капитализма, чем пролетарская революция, чем постоянный передел собственности на средства производства. Изобретения, которые позволяют резко увеличивать прибыль предпринимателя, а в условиях кейнсианских, фашистских и ранних социалистических экономик относительно повышать благосостояние рабочих, не являются продуктом частичного труда — естественной основы капитализма. Они — продукт т. н. всеобщего труда.

Всеобщий труд — это сложный материальный труд. Как таковой, он требует непосредственного сложного интеллектуального сопровождения. Он — одновременно сложный материальный и умственный труд. Он — сложно кооперированный (и потому обобществленный) и

одновременно существенно индивидуализированный труд [Маркс К., 1962, с. 116; Орлов В.В., Васильева Т.С., 2005, с. 207–211; Корякин В.В., Орлов С.В., 2009; Корякин В.В., 2013; Гриценко В.С., 2013, с. 150–205]. Его типичными примерами могут служить труд инженера, программиста, ученого-практика, некоторые виды искусства. Как таковой всеобщий труд не содержит в себе никаких объективных оснований существования капитализма. Капитализм не может обойтись без науки, но наука подрывает весь фундамент капитализма. Переход от частичного труда ко всеобщему означает ликвидацию предельной дифференциации труда, разделения его на материальный и умственный, отчуждения, массового насилия, т. е. всего того, что является жизненными «соками» капитализма. Главные враги буржуа — не пролетарии, а инженеры, ученые, художники. Для нормального функционирования капитализма экономически выгодной становится ситуация, при которой и число частичных рабочих, производящих товарную стоимость, было как можно меньшим, и число ученых, открытия и изобретения которых позволяют повышать производительность труда и увеличивать прибыль, тоже было минимальным.

Человек эпохи капитализма вынужден постоянно делать главный экзистенциальный выбор — быть целостным многообразным (сложным) существом, и тем самым соответствовать своей универсальной, родовой и индивидуальной сущности, но прозябать, либо довольствоваться малым — стать частичным, но имеющим хотя бы минимальные средства к существованию. Все богатство капиталистического общества производится именно в сфере кооперированного частичного труда, поэтому для подавляющего большинства людей выбор оказывается неприятным, но очевидным.

Поскольку в тенденции предприниматель стремится вытеснить из сферы реального производства как можно больше субъектов труда как частичного, так и всеобщего, возникает естественный вопрос: а куда эта вымещенная рабочая сила девается? Простое вымещение рабочей силы из сферы реального производства, влекущее за собой массовую безработицу, чревато социальными потрясениями, создающими прямую угрозу власти капитала. Попытки «утилизиро-

вать» «лишних» работников, бросая их в горнило империалистических войн, лишь временно позволяет снять внутреннюю социальную напряженность, но в перспективе только усиливает угрозу для частного присвоения: вооруженные самим капиталом массы бывших пролетариев с легкостью могут обратить доставшееся им оружие против него. Однако и практика компенсации потерь рабочих в условиях тотальной безработицы (путем социальных выплат или гарантий занятости), которая сформировалась в период между мировыми войнами, к концу XX в. также обнаружила свои пределы.

Социальные выплаты и гарантии существенно снижают атаки на капиталистическую систему, но создают возможность для развития рабочего. XX в. ознаменовался сокращением рабочего дня, ростом свободного времени и одновременно повсеместным введением многопрофильного всеобщего образования, массовизацией высшего образования, что обеспечило резкий рост численности ученых, инженеров, медиков, деятелей искусства, т. е. тех самых субъектов всеобщего труда, которые являются подлинными «могильщиками» капитализма. Естественным образом капитализм с конца XX в. начал усиленно отторгать этих новых работников и формы политико-экономической организации, которые способствовали росту их численности.

Капитализму не нужен целостный, многосторонне развитый индивид, ему нужен частичный рабочий, создающий прибавочную стоимость. Этот рабочий должен быть по-прежнему занят непосредственным материальным трудом, но в реальном производстве их число должно быть как можно меньшим. Иначе говоря, работник, который требуется современному капиталистическому производству, должен быть занят частичным материальным трудом, большей частью по форме, меньшей — по содержанию. Он должен создавать материальные вещи, которые не имеют непосредственного отношения к реальному производству и потому не меняют его природы, но чрезвычайно похожие на те, что создаются в реальном секторе, т. е. «мнимые вещи». Мнимая вещь, выдающая себя за подлинную, значимую для развития человека, маскирует необходимую для существования капиталистической системы нищету человека, порождая

иллюзию благополучия жизни, саморазвития, свободы и счастья индивида. От производства вещей большинство современных людей начинает переходить к производству вещей особого рода — знаков, и даже не столько знаков, сколько знаков-симулякров. И деятельность таких индивидов тоже превращается существенным образом в симулятивную.

Труд и знаки

Знаки и знаковая деятельность являются существенным моментом производства человеком собственного бытия в целом. Современная семиотика же, как правило, рассматривает их лишь в качестве средства развития человеческой мысли, т. е. мыслимого бытия. Сознание есть отражение материального мира, единство субъективной формы и объективного содержания. Знак предстает в качестве материального объекта, приведенного в условное соответствие с предметом отображения. Человек в процессе производства собственной жизни вступает в отношение к миру, к любым его объектам, превращает их посредством практики в предмет сознания, облакает в идеальную форму и означает эти идеальные формы, создавая особого рода материальные предметы — знаки. Другими словами, в процессе труда индивиды создают свое объективное и мыслимое бытие в их единстве, а также знаки — особую предметную реальность, необходимую для развития и мысли, и бытия, которое мыслится. Но и человек производит себя как особого рода предметное существо, и потому он есть главный предмет собственной мысли и обозначающий ее исходный знак [Корякин В.В., 2025].

Всякий предмет в процессе производства человеком собственной жизни (включая самого человека) есть одновременно средство его существования и средство его мышления. Относительная эмансипация «предмета как средства мышления» от непосредственного материального производства превращает его в предмет-знак. Знак, таким образом, — это не просто предмет, приведенный в условное соответствие с предметом отображения, это преобразованный, произведенный человеком предмет, лишенный своего объективного производственного содержания. Теперь он оказывается сред-

ством производства человеческой жизни лишь в голове человека, т. е. идеального производства [Корякин В.В., 2025, с. 9–10].

Ж. Бодрийяр подчеркивал, что все созданные человеком предметы обладают функцией знака, «стоимости/знака», которая является результатом особого типа общественного труда, производящего социальное различие. «Логика» предмета как стоимости/знака, по его мнению, является наиболее фундаментальной по отношению к другим «логикам» созданных человеком вещей — потребностей, меновой стоимости и символического обмена [Бодрийяр Ж., 2007, с. 12–19, 73, 75–77, 85, 148–150, 164–212]. По существу, труд понимается Ж. Бодрийяром как процесс производства социальных различий. Автор при этом не отрицает присущих труду способности преобразовывать природу, создавать потребительные стоимости, удовлетворять человеческие потребности, осознанности и общественного характера. Знак при таком подходе является демонстрацией социального статуса, но не формой развития человека.

Эмансипация знаков от непосредственного производства происходит по мере обособления умственной деятельности от материальной. Умственный труд как процесс отражения оказывается в существенной мере оторван от предметов отражения, но в них, тем не менее, не перестает нуждаться для собственного существования. В такой ситуации предметы отражения в максимально возможной степени замещаются знаками — особого рода материальными объектами, так же в значительной мере утратившими связь с непосредственным производством. Знак есть преобразованный человеком предмет (сам человек или природный объект), лишенный своего непосредственного производственного содержания и приведенный в условное соответствие с любым предметом отображения, который, в свою очередь, также оказывается не чем иным, как продуктом труда — практического отношения человека к материальному миру, к себе в том числе.

Труд является способом существования и развития человека. В нем индивид создает себя как целостное, тождественное миру, роду и самому себе существо во всем многообразии сво-

их свойств и отношений посредством преобразования природы. В труде обнаруживается, стало быть, единство двух противоположно направленных процессов: преобразования человека и преобразования природы. При определенных исторических обстоятельствах данные процессы могут реализоваться в виде относительно самостоятельных форм деятельности — игры и симуляции [Корякин В.В., 2024].

Игра представляет собой процесс саморазвития общества (развития индивидом себя и других людей), относительно обособленный от выявляющего новые существенные характеристики природы и от труда как усложнения человека и природы в их единстве. Вместе с тем как относительно обособленная сторона труда игра ему тождественна. Человек не может развиваться, не меняя природных условий своего существования. При этом человек использует особым способом измененные природные объекты — средства производства, которые превращаются в средства игры. В игре человек производит себя всесторонне — как в объективных, так и субъективных (идеальных) формах своего существования, однако производство природных обстоятельств при этом лишается своих объективных форм и осуществляется исключительно в сознании. Играя, человек объективно не меняет внешних ему природных условий существования, он лишь представляет вызванные его действиями изменения вещей [Корякин В.В., 2024, с. 117–121].

Противоположным игре моментом труда, относительно обособленным от него является симуляция. На продукты симулятивной деятельности — симулякры (копии, знаки, искажающие и подменяющие собой реальность) обращал внимание еще Платон [Платон, 1993]. Классическая философия, признавая неизбежное появление симулякров, настаивала на устранении их из процесса познания, на приведении мыслимых копий (образов) предметов в соответствии с оригиналом. В неклассической философии оценки изменились. Ж. Делез, например, полагал, что симулякр — имманентно присущая характеристика человеческого бытия. Он есть знак, лишенный сходства с оригиналом, одновременно отрицающий в себе оригинал и соответствующую ему копию [Де-

лез Ж., 1998, с. 335]. Ж. Бодрийяр понимал симулякры как знаки, которые не столько отрицают реальность, сколько подменяют ее собой [Бодрийяр Ж., 2011; Бодрийяр Ж., 2015]. Симулякр — некое инобытие, он есть знак, не являющийся ни копией, ни оригиналом, ни даже знаком как таковым. В условиях т. н. «гиперреальности» все перестает быть собой (реальным), в т. ч. и знаки [Бодрийяр Ж., 2011, с. 52]. Выделяя четыре порядка превращения (и форм) знаков по мере удаления их от реальности, Ж. Бодрийяр попытался объяснить появление и господство симулякров. В своем итоговом превращении — симулякре — знак полностью отрывается от реальности, и потому полностью замещает ее. Симулякр, по сути, маскирует отсутствие реальности [Бодрийяр Ж., 2015, с. 12–13]. Однако стоит отметить, что ни мысль, ни знак никогда окончательно не теряют своего объективного (производственного) содержания. В конце концов, человек как главный предмет отражения и одновременно как знак никуда не исчезает. В пике негативным определением симулякра, свойственным постструктурализму, стоит заметить, что и сами симулякры есть некая реальность, и определенной реальности они все же соответствуют. В конце концов, они создаются людьми, вполне себе предметными индивидами, и оказываются проявлением сущности и определенного способа существования человека [Корякин В.В., 2024, с. 121–126].

В противовес игре симуляция есть процесс изменения природы, относительно обособленный от саморазвития человека и труда как процесса усложнения человека и природы в их единстве. Если изменение предметов сохраняет их объективные форму и содержание, то изменения человека все больше уходят в область субъективного (мыслимого). Симулируя производственную деятельность, человек не развивается ни практически (объективно, материально), ни духовно, он лишь представляет, что развивается в обоих этих планах. Поскольку при симуляции не происходит развития человека, может показаться, что индивид занимается лишь простым воспроизводством своей рабочей силы. Однако воспроизводство диалектически связано с производством, является его моментом [Маркс К., 1987, с. 528–540]. Не разви-

вая себя, человек не может себя воспроизводить. Стало быть, симуляция оказывается не чем иным, как формой упрощения способностей индивида. Средства производства при этом превращаются в средства симуляции, маскирующие деградацию человека [Корякин В.В., 2024, с. 122–126].

Многообразие сторон и моментов труда порождает многообразие опосредующих их преобразованных объектов (людей и вещей), каждый из которых при определенных условиях приобретает форму знака. В труде неразрывно связаны два основных элемента — личный и вещный. В качестве личного элемента выступает сам человек — существо, производящее свою жизнь, его рабочая сила, в качестве вещного — средства производства. Средства производства, в свою очередь, будучи направленными на преобразование как личного, так и вещного элементов, также выступают в двух объективных формах соответственно — средств производства человеческой жизни и средств производства вещей.

В условиях эмансипации игры от труда его функциональность и предметное содержание меняются. В процессе игры личный элемент из субъекта рабочей силы превращается в игрока, а вещный (средства производства) — в средства игры. Поскольку игра является формой развития человека, но не природы, средства производства лишаются преобразующего природу назначения и упрощаются, в т. ч. по форме, приводятся в соответствие с игрой. В данной связи человек в игре может использовать настоящее средство производства, но вполне может заменить его копией, в т. ч. весьма условной — игрушкой. Игрушка есть средство производства человеком себя, но не природы.

Схожая ситуация складывается с симуляцией. Симулируя, человек не развивает себя (напротив, каждый раз он делает себя проще), но манипулирует со средствами производства (в т. ч. игровыми). В таких условиях человек превращается из производителя в симулянта, а средства производства — в средства симуляции. Поскольку симуляция существенным образом отличается от труда (она не предполагает усложнения человека), сами средства производства начинают использоваться простыми

способами, хотя по форме зачастую оставаясь прежними. Главное отличие симулякра от средств производства и игрушек заключается в том, что он есть средство производства деградирующего индивида, средство его упрощения.

В процессе труда человек встает в практическое отношение к объективному миру (к себе и природе) и отражает его в идеальной форме. При этом сам человек, его действия и созданные им вещи оказываются не только предметами отражения, но и знаками, как только они выводятся за рамки непосредственного производства и служат отныне для поддержания их существования и развития в их идеальных формах (сознания). Любой преобразованный объект (человеческий или природный) изначально обнаруживает двойственную функциональность — производственную и знаковую. В производственном плане он обеспечивает развитие человека целиком — и в материальной, и в идеальной формах в их единстве, в знаковом — лишь в его идеальной форме.

Знаки являются предметным выражением сознания, в некотором смысле его объективным бытием. Со времен Г. Фреге существует традиция сведения знаковых систем к языку, а языка — к абстрактному (понятийному) мышлению [Фреге Г., 2000, с. 215–246, 253–262]. Однако мышление включает в себя различные чувственные формы, которые в разной степени наполняются смыслом (обладают невербализованным понятийным содержанием), и не может функционировать без них. Знаки как непосредственная материальная форма мысли выражают все уровни и формы ее существования. Язык обладает различной чувственно воспринимаемой материальной основой, относящейся ко всем органам чувств человека. Он может иметь звуковую форму или жестовую, но может быть связан и со зрением, имея фотонную основу (изображения и изобразительная деятельность), обонянием (парфюмерия) и вкусом (кулинария), имеющими преимущественно химическую основу, осязанием (различные тактильные манипуляции), в качестве непосредственной основы которого выступает биология человека. Знаковое многообразие велико настолько, насколько велико многообразие самого человека и его практической деятельности.

В общем виде все многообразие знаков можно разделить на три большие группы, соотносительно основным формам деятельности человека: языковые, игровые и симулятивные. Люди, их предметные действия и средства производства, как только они выходят за пределы непосредственного производства, но обеспечивают при этом поддержание и развитие сознания, отражающего изменения человеческой жизни и природы в их единстве, становятся языком. Те же люди, действия и средства в условиях развития индивида, оторванного от преобразования природы, превращаются в игроков, игры и игрушки соответственно, позволяющие функционировать игровому мышлению, отражающему развитие человека, но замещающему развитие природы воображаемыми ее изменениями. В условиях же деградации индивида те же люди, действия и средства превращаются в симулянтов, симуляцию и симулякры соответственно, становясь объективной основой симулятивного мышления, маскирующего упрощение человека, подменяющего реальную жизнь человека его кажущимся развивающимся бытием.

Любой созданный человеком предмет может быть превращен в знак, а любой знак — в язык, игрушку или симулякр как попеременно, так и одновременно. Знаки объективны по форме. Они оказываются своего рода «второй» социальной объективной реальностью наряду с «первой» — бытием человека и созданной им искусственной природой. Как любая форма объективной реальности, знаки оказывают воздействие как на сознание человека (отражаются в нем), так и на человеческое бытие (являются предметом и средством преобразования человеческой жизни). Даже организм человека вынужден приспосабливаться к этим предметам-знакам [Корякин В.В., 2023, с. 48–60]. Симулякр столь же объективен, как игрушки, язык, средства производства, труд и люди, поскольку он — форма и момент объективного существования человека.

(продолжение в следующем номере)

Список литературы

- Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с. EDN: QONHJV
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; Изд-во КДУ, 2011. 392 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. 240 с.
- Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.
- Гриценко В.С. Труд в постиндустриальном обществе. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2013. 210 с.
- Делез Ж. Симулякр и античная философия // Логика смысла. М.; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 329–365.
- Корякин В.В. Роль труда в отношениях психики и физиологии // Новые идеи в философии. 2023. Вып. 11(32). С. 43–64. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2023-11-43-64> EDN: TPEBPC
- Корякин В.В. Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. С. 11–30. EDN: RSNCGX
- Корякин В.В. Труд, игра и симуляция. К вопросу об их объективном отношении // Новые идеи в философии. 2024. Вып. 14(35). С. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2024-14-111-127> EDN: NJTXUK
- Корякин В.В. Человек, сознание, знак. К общей теории знака // Новые идеи в философии. 2025. Вып. 15(36). С. 4–22. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2025-15-4-21> EDN: UTDRSD
- Корякин В.В., Орлов В.В. Труд, стоимость и собственность в современном обществе // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2009. Т. 4, № 4. С. 46–55.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. М.: Изд-во политической литературы, 1987. Т. 7. 812 с.
- Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1962. Т. 25. Ч. 1. 554 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Изд-во политической литературы, 1956. С. 527–652.
- Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 265 с.

Платон. Софист// Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 275–345.

Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

References

Baudrillard, J. (2007). *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Toward a critique of the political economy of the sign]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 335 p.

Baudrillard, J. (2011). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet Publ., KDU Publ., 392 p.

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum Publ., 240 p.

Deleuze, G. (1998). [The simulacrum and Ancient philosophy]. *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow, Yekaterinburg: Delovaya kniga Publ., pp. 329–365.

Frege, G. (2000). *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt Press., 512 p.

Graeber, D. (2020). *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneniі bessmyslennogo truda* [Bullshit jobs: a theory]. Moscow: Ad Marginem Publ., 440 p.

Gritsenko, V.S. (2013). *Trud v postindustrial'nom obschestve* [Labor in post-industrial society]. Perm: PSU Publ., 210 p.

Koryakin, V.V. (2024). [Labor, play and simulation: on their objective relation]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 14(35), pp. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2024-14-111-127>

Koryakin, V.V. (2025). [Man, consciousness, sign: toward a general theory of the sign]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 15(36), pp. 4–22

Koryakin, V.V. (2013). [The modern world and philosophy]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 21, pp. 11–30.

Koryakin, V.V. (2023). [The role of labor in the relations of psyche and physiology]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 11 (32), pp. 43–64. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2023-11-43-64>

Koryakin, V.V. and Orlov, V.V. (2009). [Labor, value and property in modern society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University for the Humanities]. Vol. 4, no. 4, pp. 46–55.

Marx, K. (1987). [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engel's F. Izbrannyye sochineniya v 9 t.* [Marx K., Engels F. Selected works in 9 vols]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 7, 812 p.

Marx, K. (1962). [Capital. Vol. 3]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 25, pt. 1, 554 p.

Marx, K. (1956). [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marks K., Engel's F. Iz rannikh proizvedeniy* [Marx K., Engels F. From early works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., pp. 527–652.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2005). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: PSU Publ., 265 p.

Plato (1993). [Sophist]. *Platon. Sobraniye sochineniy v 4-kh t.* [Plato. Collected works in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 275–345.

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ResearcherID: GSN-8399-2022

About the author

Vyacheslav V. Koryakin

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ResearcherID: GSN-8399-2022

УДК 141.319.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-442-455>

EDN: XNGTLL

Поступила: 10.07.2026

Принята: 21.08.2026

Опубликована: 01.10.2026

ЗНАЧЕНИЕ НЕГАТИВНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЕЕ ТИПОВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОСТИ

Насонов Михаил Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье предпринята попытка указать на значимость для социогуманитарного знания негативной антропологии: для чего определяются причины ее появления, выводится ее дефиниция (как совокупности идей, заостряющих внимание на тех характеристиках человека, которые в классическом и сущностном понимании являются негативными (отрицательными)). При этом подчеркивается, что негативная антропология не тождественна апофатической антропологии, ориентированной на принципиальную непознаваемость человеческой сущности; напротив, она имеет эмпирическое измерение и фиксирует реальные, исторически и культурно обусловленные состояния человека, которые традиционно выпадали из поля зрения позитивной антропологии. Показывается важность ее типологий, которые связаны с жизненным миром человека, особенно в последние десятилетия. Выстраивается хронология типов: от человека нервного, меланхоличного, устаревшего до homo lassus (defessus); при этом данная типология не сводится к описанию отчуждения, а охватывает широкий спектр негативных модусов существования, каждый из которых имеет свои исторические предпосылки и основания, что показано в результате размышлений автора, анализа и рефлексии над работами Й. Радкау, Г. Андерса, К. Юханнисон, Ж. Вигарелло, Бён-Чхоль Хана, В.В. Варавы, Дж. Агамбена и др. Помимо факта разочарования в самих себе выявляется опасная тенденция, определяемая как *taedium vitae*, угрожающая перерасти в усталость быть человеком с возможными последствиями преодоления себя (так называемые трансгуманистские тенденции). Кроме того, отмечается острая необходимость в возникновении культуры досуга, праздности, покоя и так называемой потенции-не. Ставится вопрос: «А нужно ли бежать от усталости?» Такой эскапизм есть бегство от одной из своих сторон, что не должна исключаться из жизни единого человеческого существа. Выделяя усталость в отдельную область, мы словно разрываем свое существование, что не должно перерасти в *taedium vitae*, а быть связанным с любимым делом, досугом, стать сигналом к грамотному отдыху. Выявленные негативной антропологией типы человека — это результат осмысления существования человека за последние десятилетия в трансформирующемся мире с заглядыванием в будущее. Задача остальных социогуманитарных наук — работать с конкретными проявлениями этих специфических явлений: не зря в современном языке, особенно в психологическом категориальном аппарате, оформляются термины, описывающие ситуацию homo lassus.

Ключевые слова: негативная антропология, усталость, человек нервный, человек устаревший, человек меланхолический, homo lassus, homo defessus.

Для цитирования:

Насонов М.С. Значение негативной философской антропологии и ее типов человека в современности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 442–455. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-442-455>. EDN: XNGTLL

THE SIGNIFICANCE OF NEGATIVE PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND ITS HUMAN TYPES IN MODERN TIMES

Mikhail S. Nassonov

Perm State University (Perm)

The article highlights the significance of negative anthropology for the social and human sciences. It explores the reasons behind its emergence and develops a definition of the concept as a set of ideas focusing on those human characteristics that are considered negative in the classical and essential sense. It is emphasized that negative anthropology is not identical to apophatic anthropology, which focuses on the fundamental unknowability of the human essence. On the contrary, negative anthropology has an empirical dimension and captures real, historically and culturally determined human states that have traditionally fallen outside the purview of positive anthropology. The article demonstrates the importance of its typologies, which are linked to the human lifeworld, particularly in recent decades. The study constructs a chronology of types: from the nervous, melancholic, and outdated person to *homo lassus* (*defessus*). This typology, however, is not limited to a description of alienation, but encompasses a wide range of negative modes of existence, each with its own historical prerequisites and foundations, as demonstrated by the author's insights, analysis, and reflection on the works of J. Radkau, G. Anders, K. Johannisson, J. Vigarello, Byung-Chul Han, V. V. Varava, G. Agamben, and others. In addition to self-disappointment, a dangerous tendency is revealed, defined as *taedium vitae*, which threatens to develop into a fatigue of being human, potentially resulting in self-overcoming (so-called transhumanist tendencies). Furthermore, the author notes an urgent need for the emergence of a culture of leisure, idleness, peace, and so-called not-potency. The question arises: "Is it necessary to flee fatigue?" Such escapism is an escape from one of our aspects, which should not be excluded from the life of a human being. By isolating fatigue as a separate domain, we seem to fragment our existence, which should not degenerate into a *taedium vitae*, but should instead be connected to a favorite activity, leisure, and become a signal for proper rest. The human types identified by negative anthropology are the result of an understanding of human existence over recent decades in a transforming world, with an eye toward the future. The task of other social and human sciences is to work with particular manifestations of these specific phenomena, with modern language (especially psychological categorizations) being an example of that as it has developed terms that describe the situation of *homo lassus*.

Keywords: negative anthropology, fatigue, a nervous person, an old-fashioned person, a melancholic person, *homo lassus*, *homo defessus*.

To cite:

Nassonov M.S. [The significance of negative philosophical anthropology and its human types in modern times]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 442–455 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-442-455>. EDN: XNGTLL

Введение

Человеческий индивид характеризуется совокупностью феноменов, не имеющих аналогов в природной среде. К числу таковых относятся рациональность, речевая деятельность, способность к труду, коммуникации и социальному взаимодействию. Помимо этого человеку свой-

ственны совесть, воображение, креативность и сострадание — качества, принципиально отличающие его от иных живых существ. Всякая теоретическая реконструкция антропогенеза, равно как и любая дефиниция человеческой сущности, по существу, сводится (и сводилась) к обоснованию того, что именно некое конкретное (но при этом фундаментальное) свой-

ство предопределило становление человека, обеспечило его выделение из природного универсума и возвышение над ним. Отметим, что в этом проявляется в антропологии классическое устремление назвать человека, зафиксировать его четкой дефиницией, из этого-то и произросла проблема.

В итоге в современности мы сталкиваемся с антропоцентризмом, антропологическим кризисом и ситуацией вхождения в так называемый «антропологический круг» — в трактовке М. Фуко из его «Истории безумия в классическую эпоху». В классическую эпоху человек и его душа становятся позитивным предметом познания (в противовес безумию как негативному). Чем более конкретным и познанным становится человек, тем больше его сущность ускользает, по мнению М. Фуко, в область немислимого. «Антропологический круг» есть ситуация объективации душевной жизни человека и самой истины человеческого, ситуация, когда человек как никогда много о себе знает, фиксирует это знание в архиве и тем самым оказывается отчужденным от собственной истины [Дорожкин Е., 2023, с. 125]. Поэтому Фуко уделяет много внимания безумию, которое помогает найти выход из круга (помимо «смерти» человека), оно показывает иное положение дел, нетождественность человека себе, как иная (негативная) характеристика.

В концепции М. Фуко вся предшествующая эпоха модерна квалифицировалась как «антропологический сон» (см. его работу «Слова и вещи»). Данный модус мышления исключал возможность критической рефлексии о человеке, потому что абсолютизировал его образ и словно поместил все значимые характеристики человеческого бытия в сферу внешних по отношению к нему детерминаций. Специфика классического мышления выражалась в «эмпирико-критическом удвоении, посредством которого стремятся представить человека, укорененного в природе, обмене или речи, как обоснование его собственного конечного бытия» [Фуко М., 1994, с. 361]. Выход из этого костного понимания предполагает отрицание антропологии, базирующейся на четко артику-

лированном образе мыслящего субъекта, которому предписано постичь некий сокровенный смысл всего. М. Фуко констатирует, что «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [Фуко М., 1994, с.362], подразумевая под этим отказ от прежнего (негацию сущностных характеристик), классического понимания человеческой природы.

В тексте пойдет речь о негативной (философской) антропологии — подходе, что, в отличие от апофатической антропологии (ориентированной на принципиальную непознаваемость человеческой сущности), фиксирует конкретные негативные характеристики человека, проявляющиеся в его историческом и культурном существовании. Если апофатика утверждает, что человек не есть что-либо определенное, то негативная антропология показывает, чем именно человек становится в условиях кризиса — усталым, нервным, отчужденным, устаревшим. При этом негативная антропология может использовать апофатический метод (отрицание позитивных определений), но не сводится к нему, поскольку ее задача — не уход в трансцендентное, а диагностика реальных состояний человека в современном мире.

1. Понятие «негативной антропологии»

Возникновение термина «негативная антропология» зачастую связывают с именем Б. Вышеславцева, развивавшего в работе «Что такое я сам?» ее апофатическую основу. Здесь понимание того, что такое «я сам» есть преодоление своей непонятности (выход к своей трансцендентности). В человеке всегда есть нечто, превышающее всякое познание, ускользающее; негативная антропология указывает на тайну самого человека, его нельзя определить позитивно [Гуревич П.С., 2013, с. 276]. Однако в данной статье мы используем это понятие в ином смысле. Мы будем понимать под негативной антропологией фиксацию тех характеристик человека, которые в классической (позитивной) традиции считаются отрицательными, но при этом выявляются в ту или иную эпоху и становятся культурно значимыми: усталость, нерв-

ность, отчуждение, устарелость и т. д. Если апофатическая антропология говорит о том, чем человек не является, то негативная антропология в нашем понимании показывает, каким человек становится в определенных исторических и цивилизационных условиях. При этом она не отрицает возможности позитивного знания о человеке, но фокусируется на тех его состояниях, которые традиционно выпадали из поля зрения классической антропологии.

В оптике заданного вектора нашей темы выходит, что Ф. Ницше стал творцом так называемой «негативной антропологии». Он разрушил представление об идеальном человеке. В его радикальной критике всех форм восхваления человека обнаруживается апофатический ход мысли (как прием). Он словно констатирует, что пришло время перестать считать его божьим созданием или сравнивать с Творцом, он не такой или уже не устремлен к Богу.

Однако критика от Ницше — это не чистая апофатика (отрицание ради отрицания), а указание на конкретные «негативные» стороны человека: его телесность, волю к власти, аффекты, которые классическая философия игнорировала. Этим он подготавливает почву для негативной антропологии как содержательной диагностики человеческих состояний, а не только как метода отрицания.

Важно подчеркнуть, что негативная антропология в нашем понимании не сводится к «антропологии отчужденного человека», хотя отчуждение — как в его экзистенциальном, так и в социально-экономическом измерении — является одним из центральных сюжетов, которые она исследует. В марксистской перспективе, например, отчуждение понимается как порождение определенных общественных отношений, что, в свою очередь, ведет к тем состояниям, которые фиксирует негативная антропология (усталость, устарелость, истощение и т. д.). Однако отчуждение — лишь один из возможных объектов, а не суть самого подхода. Ее предмет шире: она охватывает различные модусы «негативного» существования человека — от нервного расстройства и меланхолии до усталости и истощения, от чувства собственной устарелости до эк-

зистенциального *taedium vitae*. Все эти состояния объединяет то, что они традиционно выпадали из поля зрения классической антропологии, ориентированной на позитивные сущностные характеристики (разум, свобода, творчество, деятельность). Негативная антропология не утверждает, что человек есть только эти негативные состояния, но настаивает на том, что их игнорирование делает наше знание о человеке неполным, а иногда и ложным. Исследование этих состояний не отрицает наличия у человека позитивных качеств, но показывает, что их абсолютизация ведет к вытеснению реальных вызовов, с которыми сталкивается современный человек.

Нам видится, что, если позитивная (классическая) антропологии стремится ответить на вопрос «Что есть человек?», то негативная антропология сосредотачивается на его предельных возможностях, недостатках и «не-бытии», используя метод отрицания (не-сущностного в человеке). Видится, что она поможет вырваться из «антропологического круга» и выпасть из состояния «антропологического сна», апофатически подходя к человеку.

Подход негативной антропологии, как уже отмечалось, связан с рассмотрением человека, когда отрицаются или ставятся под сомнение его классические позитивные определения и сущностные характеристики. При этом ее рефлексия — это отражение современной ей реальности, когда возникают такие типологии как человек нервный, человек устаревший, человек уставший или усталый (*homo lassus* (*defessus*)) и т. д.

Так, например, к негативной антропологии можно отнести труды Дж. Агамбена, с его отличиями от классического (где ориентация на деятельность и движение) «праздностью» (своеобразное сопротивление необходимости выполнять рабочие функции) и «потенцией-не» (бездействие, способность удерживать себя в состоянии неосуществленной возможности). К тому же через традиционные метафизические модели человека и нормативные установочные определения им проще управлять и давать установки.

По Агамбену, человек определяется не через реализацию своей сущности (действие), а через способность быть праздным — удержание потенции. Свобода здесь в сохранении потенциала, а не в его реализации, а лень — своеобразное архивирование возможностей [Костомаров А.С., 2025]. Чем не тема для оптики психологии с современными флюидами прокрастинации и ее возможных плюсов?

Интересно, что в 1948 г. (кстати, есть версия, что слово «workaholic» появилось в 1947 г., по другой, что в 1971 г. — благодаря «Исповеди трудоголика» У. Оутса) вышло первое издание книги католического мыслителя Йозефа Пипера «Досуг как основа культуры». В ней он противопоставляет досуг и праздность «тотальной трудовой культуре». При этом досуг — не перерыв в работе, а образ существования, способность ума и души. Праздность была и всегда будет основой любой культуры. Если мы не вернем себе искусство молчания и пронизательности, способность к бездействию, если не заменим суматошные развлечения настоящей праздностью, мы уничтожим нашу культуру, а также самих себя. Досуг дает свободу, современный труд превращает человека в функционера, замкнутый круг повседневности может убить истинную культуру [Pierer J., 1998].

Действительность внушила нам через властные структуры, вселила веру в наше всемогущество: «Ты сможешь все!», — и мы «радостно» берем под козырек. И как тонко замечает Агамбен в своем размышлении «О том, чего мы можем не делать», что человек «слеп не к своим способностям, а к своим неспособностям, не к тому, что он может делать, а к тому, чего он не может делать или же чего он может не делать» [Агамбен Дж., 2014, с. 76]. Мы отчуждены от своей неспособности, а это лишает нас свободы и возможности противостоять. Такая ситуация как раз поле для негативной антропологии. Одновременно возникает животрепещущий вопрос: не трансформируются ли неспособность и «потенция-не» в сущностную характеристику современного человека (а может и пост-современного)?

Принятие того, что мы можем уставать, — важный момент для преодоления, или не делать чего-то того, от которого мы можем устать. Ясное представление о том, чего мы не можем делать или чего мы можем не делать, наполняет наши действия реальным содержанием [Неаполитанский М., 2024]. «Сила в основе своей есть то же бессилие, каждая способность делать что-либо по определению подразумевает способность не делать чего-либо» [Агамбен Дж., 2014, с. 74].

Э.М. Спирина, анализируя наследие Гюнтера Андерса, определяет негативную антропологию как некий концептуальный подход, когда человеческая идентичность конституируется не посредством каких-либо позитивных атрибутов, а через фиксацию неспецифичности человека и его отчужденности от окружающего мира. Человек уже не мера всех вещей, разочарование в нем приводит к отпадению всех его свойств и атрибутов [Спирова Э.М., 2020].

2. Типология человека в преломлении «негативной антропологии»

Представленная ниже типология не является исчерпывающей, но иллюстрирует то, как негативная антропология работает с конкретными эмпирическими состояниями человека, каждое из которых имеет свои исторические корни и культурные смыслы.

Видится, что типологию, заданную логикой нашего текста, следует начать еще с исследований историка Йохима Радкау связи между Nervosität (тревожность, нервозность) и техническим прогрессом Германии на рубеже XIX–XX вв., что вылились в книгу «Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера» (1998 г.), и которые подлежат философской рефлексии. Здесь наша классификация обретает «человека нервозного», причем у нервозности несколько смыслов: как заболевание (без деления на нервное и психическое), как состояние культуры, как индивидуальный опыт и как «состояние нации» [Неаполитанский М., 2024]. В своей работе автор-историк открывает важное для нас: «Разразившаяся в 1880-е годы эпидемия нервозности — очевидное начало совре-

менного опыта стресса: именно тогда стресс впервые становится историческим событием» [Радкау Й., 2017, с. 17].

Причина нервозности той эпохи — пугающая человека скорость прогресса, что потом фатально проявилась на политической арене и в виде Первой мировой войны (где были использованы последние технические достижения человечества ему же во вред), да и ко Второй мировой было все неспокойно у немцев. Интересно, что во второй половине предыдущего столетия их (видимо, из-за пережитого) начинает увлекать культура покоя и досуга.

В итоге Й. Радкау резюмирует свое исследование тремя положениями: 1) феномен «нервной слабости» опирался на подлинные переживания страдания; 2) неврастения выступала репрезентацией стресса индустриального общества, вызванного обострением конкурентной борьбы, причем во многих случаях сюда добавлялись сексуальные фрустрации, — иными словами, изнеможение от перегрузок отягощалось нереализованной потребностью в интенсивной эмоциональной жизни (стресс и одновременно страсть); 3) «нервозность» исследуемой эпохи, наряду с патологическими проявлениями, имела также креативный потенциал [Радкау Й., 2017, с. 450–451].

Собственно, впоследствии, особенно в наши времена, нервозность и страх (ей сопутствующий) распространились (и идентифицируются) по цивилизованным странам Запада (например, существует аналогичная работа Р. Портера про «американскую нервозность») и Востока.

Как пишет автор книги «История меланхолии» (2009 г.) Карин Юханиссон: «Если на рубеже XIX и XX веков культурное самосознание характеризовалось нервозностью, то теперь его отличительной чертой является меланхолия» [Юханиссон К., 2011, с. 7–8]. История изучения последней насчитывает не один век (например, фундаментальная «Антология меланхолии» (1621 г.) Р. Бертон), Юханиссон же прочерчивает ее горизонты от болезни и состояния души до социокультурного феномена, а современная меланхолия (со спутниками тоской и страхом) связывается с усталостью, вы-

горанием и депрессией. Да и различные фобии, стрессы, панические атаки, скука сплин и т. д. — это уже не просто психологические термины, а некие культурные феномены, имеющие свой смысл, историю и влияние. Тогда, почему бы не выделить еще один тип «человека современного меланхоличного» в нашем исследовании?

Во второй половине XX в. в немецкой философии в рамках негативной антропологии получает развитие идея «человека устаревшего», концептуально разрабатываемая Гюнтером Андерсом. И как он к этому приходит?

Вообще, впервые основные положения своего философско-антропологического проекта он изложил в 1930 году в лекции, прочитанной перед Кантовским обществом. Базовый тезис, сформулированный им тогда, заключался в том, что человеческая природа лишена фиксированной определенности и представляет собой феномен, отличающийся неспецифичностью и фундаментальной искусственностью. Человеческое бытие есть радикально отчужденное, утратившее онтологическую связь с миром (человек видится как «не от мира сего») и неспособное к самоопределению. Такие характеристики он называет «нигилистическим состоянием души». Именно последнее, как полагает Андерс, детерминирует необходимость компенсаторного достраивания как самого человека, так и окружающего мира через «технологические уловки» [Спирова Э.М., 2020].

В послевоенное время Г. Андерс углубляет свои прежние построения, смещая центр тяжести с человека на технологическую среду: технические объекты, по его мнению, не только восполняют, но и переформируют реальность, отдаляя нас от исходной сущности. Техника и автоматизация последовательно отодвигают человека на периферию, исключая его из процессов действия и обесценивая его присутствие (делают его ненужным). Посредством созданных машин люди «избавляются» от душевного беспокойства, необходимости решений и нравственных противоречий. Одновременно с этим технологическая эволюция кар-

динально изменяет и отношение человека к самому себе [Спирова Э.М., 2020].

В 1956 году вышел в свет самый примечательный труд Андерса «Устарелость человека» (с подзаголовком «О душе в эпоху второй промышленной революции» или (во введении) «О метаморфозах души в эпоху второй промышленной революции»). Здесь он проводит идею, что человек пребывает в иллюзии относительно использования машин, — он принужден ими пользоваться. Человек отстает от техники и технологий, возникает, по словам мыслителя, «градиент Прометея» (синхронизация и отставание). Человеческий разум неспособен исчерпывающим образом предвидеть отдаленные результаты собственной творческой активности. К тому же трансформация созданных им артефактов происходит настолько быстро, что ее осмысление и присвоение оказываются для него проблематичными. В итоге у человека возникает «промеевский стыд». «Гордость Прометея, которую он принимал как должное, сменяется чувством неполноценности и страданий. Эти чувства заставляют и современного человека желать превзойти в сотворении самого себя, Бога или природу, стать продуктом пересотворения для самого себя» [Спирова Э.М., 2020].

В акте стыда видоизменяется и самовосприятие человека: среди созданных им механизмов он оказывается единственным устаревшим (даже исходно задуманным как устаревший). Андерс отмечает, что стыд за собственную ущербность направляет нас на поиск более совершенного ориентира для самоотождествления, и таковым становится техническое устройство. Человек, с одной стороны, находит в себе то, что резонирует с миром машин, а с другой — врастает в этот мир, становясь его органичной частью. В результате он существует одновременно как «сам» и «не-сам», что приводит к расщеплению идентичности [Спирова Э.М., 2020]. Человек вытесняется из центра событий.

Эпоха второй промышленной революции привела к серьезным «метаморфозам человеческой души» и принципиально изменила человеческую мораль. «Благодаря естественным

наукам мир превратил нас в вещь “за пределами добра и зла”» [Спирова Э.М., 2020]. По мере того, как технологии обретают все большую самостоятельность и чем решительнее «мир устройств» замещает собой «мир людей», тем сильнее сужается горизонт для нравственного самоопределения. Техногенный модус присутствия в мире начинает задавать тональность переживания бессмысленности человеческой экзистенции.

Главная интенция работы Андерса — это демонстрация масштабного антропологического кризиса, когда ключевые характеристики человека (неповторимость, телесная конечность, способность к свободе и др.) подвергаются пересмотру и деформации в ходе технологического прогресса. Он пытается показать, что техника лишает жизнь ее покрова таинственности, подавляет созидательное начало и не оставляет места для существования единичного, за исключением бесконечных поисков себя. Живя в окружении множества машин, человек начинает чувствовать свою отчужденность от себя самого и потерю своего человеческого достоинства [Спирова Э.М., 2020]. Андерс словно обнажает для нас фундамент трансгуманистских идей и необходимость негативной антропологии.

В эпоху четвертой промышленной революции последних десятилетий возникают рефлексии относительно «человека усталого» (уставшего, утомленного), *homo defessus*, *homo lassus*; ведутся беседы на тему усталости в качестве философского концепта. Это вполне вписывается в оптику «негативной антропологии». И, что примечательно, усталость в нашей жизни обретает положительный оттенок, ей даже гордятся, она как статус и признак чести (истощение как признак важности, а не отдыха); она сливается с удовлетворением от проделанного и дорастает до культурного феномена.

Уже Ж. Бодрийяр в своем «Обществе потребления» (1970 г.) выделяет мировую проблему усталости, она не имеет причин в привычном понимании и не связана с расходом душевных сил. Усталость означает, что общество потребления (герой потребления устал),

которое представляет себя в состоянии прогресса, направленного на легкость и автоматизм, фактически является обществом стресса и напряжения. «Патологическая» усталость не поддается терапии через спортивные нагрузки, физические упражнения или стимуляторы, т. к. она представляет собой латентный протест, обращенный против самого субъекта и объективирующийся в его телесности. Получается, что и за неудачу в гонке по жизни часто некого винить, кроме как самого себя. «...Усталость не является пассивностью, противостоящей внешней социальной сверхактивности, — она, напротив, единственная форма активности, противостоящая в некоторых условиях принуждению к общей пассивности, присущему современным общественным отношениям» [Бодрийяр Ж., 2006, с. 231].

Из-за потребления и его целей человеку некогда задаваться экзистенциальными вопросами, он, скорее, задается вопросами об усталости, он — своеобразный герой своего времени (активно устает). В наше время он размножается, трансформируясь в целый вид — *homo lassus* (возможно, это превращение *homo faber*).

Петер Хандке с 1989 по 1991 г. написал трилогию «Три эссе: Об усталости. О джукбоксе. Об удачном дне». Первое можно еще встретить как отдельный «Опыт познания усталости». Хандке наблюдает за реальными усталыми людьми, за киногероями и за самим собой (замечая, что усталость стала отныне его другом). По ходу повествования он выделяет разные виды усталости: разрушающую и катастрофическую, усталость в дружбе, усталость одиночества, усталость ручного и механизированного труда, усталость созерцания, усталость как начало действия. Она может быть разрушительной и созидательной, индивидуальной и коллективной, мучительной и очищающей [Хандке П., 2022]. Здесь усталость вплетена в ткань литературного произведения, как героиня повествования, наряду с рассказчиком.

Благодаря Ж. Делёзу и его эссе «L'Épuisé» (вышло в 1992 г. и посвящено анализу творчества Сэмюэля Беккета) можно добавить к оттенкам выявленного типа еще и «человека ис-

тощенного». В своих изысканиях автор проводит свое ключевое различие, где усталость (*fatigue*) (наступающая, допустим, при завершении дня) относится к невозможности продолжать действие, но после отдыха это становится возможным снова. Истощение (*épuisé*) же — это состояние, когда человек исчерпал саму возможность действия, он больше не может порождать новые возможности. Человек утомленный закончился. «У уставшего истощилась только способность воплощать, в то время как истощенный истощает все возможное. Уставший больше не может воплощать, но вот истощенный — он больше не может существовать» [Делёз Ж., 2014]. Таким образом, состояния «уставший» и «истощенный» трансформируются в онтологические понятия для обозначения предела и возможностей (тут также важно понимать, что речь идет о «поссибилизации», а не о действии).

Среди главных теоретиков усталости в современности выделяется Бён-Чхоль Хан. Он выпустил по этой теме работу «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива» (первая редакция в 2010 г.). В ней он констатирует, что «сегодняшнее общество — это уже не дисциплинарное общество Фуко из богаделен, сумасшедших домов, тюрем, казарм и фабрик. Его место давно заняло совсем другое общество — общество из фитнес-студий, офисных высоток, банков, аэропортов, торговых центров и генетических лабораторий. Общество XXI века — это уже не дисциплинарное общество, а общество достижений...» [Хан Б.-Ч., 2023]. Послушный и контролируемый субъект сменяется субъектом достижений. Основная интенция работы: западное общество переживает молчаливую смену парадигмы — избыток позитива, который ведет к усталости общества. Современное общество — это патологический ландшафт, где распространены такие состояния, как депрессия, синдром дефицита внимания и гиперактивности, пограничное расстройство личности и выгорание, все это от переизбытка позитива (позитив рассматривается с отрицательной стороны, через него проникает усталость).

Современному (депрессивному, по Хану) человеку (как *animal laborans* — трудящемуся животному) не нужно внешнее принуждение, он заставляет себя сам, сочетая черты хищника и жертвы. Вся война у него внутри, у него свой трудовой лагерь; он движим императивом достижений.

XX в. для Хана был «иммунологической эпохой» и прошел под знаком Другого (о его размытии пишут уже постмодернисты), в XXI в. перед нами точно Такой же (точнее даже, что есть только Я, но кругом Такие же, как и Я) (Такое же). В современности есть насилие позитивности, проникающее под личиной повседневных задач, гиперактивности, гиперкоммуникации и т. д.; выполнив задачи, мы довольны, мы устали (это как маркер). Насилие позитивности невидимо и скрыто (оно в нас и в Такой же среде), а в силу своей этой особенности обходит иммунные защиты. В итоге каждый субъект становится преступником и жертвой, эксплуатируя самого себя до выгорания.

В основе общества достижений лежит достаточно простой механизм: самосовершенствование не имеет завершения, когда субъект не способен освободиться ни от себя самого, ни от этой перманентной активности. В итоге общество достижений неуклонно превращается в общество усталости.

В своем труде Хан упоминает Алена Эренберга, имеющего схожие идеи; обратимся к последнему. Эренберг отмечает, что современного человека изнуряют (утомляют) усилия стать самим собой («быть собой — смертельная ловушка современной цивилизации» [Эренберг А., 2024]). Наблюдая то, что происходит в западных странах, он видит очень противоречивую картину. «С одной стороны, это сокращение совместного проживания, это дефицит доверительного общения, а с другой — достигшее невероятных масштабов давление на каждую личность со стороны общества, это давление оказывается тотальным, как радиация» [Эренберг А., 2024]. Такой прессинг становится новой психической экономикой. Есть требование от современности быть кем-то, кем-то определенным. И нет ничего более истоща-

ющего, нежели это требование. Ведь невозможно «быть лучшим» и быть собой; быть уникальным и зависеть от ожиданий. В итоге человек не приходит к себе, а занимает клишированную клеточку среди таких же. Ныне человечество не живет в ситуации сочетания общего и особенного, последнее задано (особенное трансформируется в общее), а стремление к нему утомляет (каждый обязан быть самим собой).

Вот дело негативной антропологии. Уставший и устаревший не есть положительные характеристики человека (но являются ли они отрицательными?), при этом в данных понятиях, если мы оценим ландшафт современного мира, схвачено больше, чем видится напрямую, это лишь вершина айсберга со своим латентным и имманентным.

Вернемся к Хану; его главная метафора для нового общества достижений — уставший Прометей (созвучно с мыслями Андерса). Прометей символизирует субъекта общества достижений, а орел — «его альтер эго, с которым он ведет войну» («Депрессивный индивид — это инвалид этой внутренней войны») [Хан Б.-Ч., 2023].

В 2024 г. (в 2020 г. в оригинале) на русском языке была опубликована книга Жоржа Вигарелло «История усталости от Средневековья до наших дней». Автор показывает, как в ходе развития западной цивилизации выработались механизмы идентификации усталости, стратегии ее преодоления и дифференциация ее духовных и телесных компонентов.

Отправной точкой концепции Вигарелло является следующее наблюдение. В условиях обретенной или лишь провозглашаемой свободы, что западный индивид считает своей, неожиданно обостряется восприятие всего, что противоречит идеалу независимости. Чем четче ощущается эта свобода, тем явственнее проступает обратная сторона — собственные бессилие и уязвимость. Это глубокое, почти невыносимое противоречие вызывает хроническую усталость и устойчивое чувство неудовлетворенности. Усталость, постепенно аккумулируясь, проникает во все (и привычные, и случайные)

обстоятельства жизни, непрерывно обогащая свое внутреннее содержание. Она пронизывает собой общественную жизнь, профессиональную сферу, интимное пространство, отношения с близкими и с самим собой. По мере роста многообразия социального универсума и его контекстов усложняется и само концептуальное понимание усталости.

В эпоху Средневековья социально признанной была усталость воина. В Новое время доминирующей фигурой стал судейский чиновник, возросла значимость административного труда, и, соответственно, возник ранее неизвестный тип усталости (тогда же впервые фиксируются различные ее степени). XIX в. приносит очередной сдвиг: индустриализация, с ее достижениями и угрозами, порождает усталость рабочего (можно еще говорить и о классовой усталости). Современная усталость, характерная для эпохи офисов и вычислительной техники, отличается латентностью и непроявленностью; физические перегрузки уступают место информационным, а после длительного скрытого напряжения нередко происходят внезапные срывы — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Ж. Вигарелло резюмирует: «Сегодняшняя усталость рассматривается в цифровой реальности; на первое место выходят внутренние послы, ощущения, “коннект” и “дисконнект”. Отсюда — выраженное стремление к расслаблению, а также заикленность на психологии, отношениях, поиск взаимодействия, стремление к мобильности, поиск иных ощущений» [Вигарелло Ж., 2024, с. 14]. Даже отдыхать надо так, чтобы устать, лишь тогда ощутишь его эффективность (либо у отдыха должен быть свой коэффициент).

В наше время появляются новые симптомы усталости: к исторически сложившимся «вялости», «разбитости» и «упадку сил» добавляются тревожность, дискомфорт, невозможность самореализации. К усталости, возникшей вследствие борьбы с окружающим миром, добавляется усталость, вызванная борьбой с самим собой, — а это процесс внутренний, личный, почти интимный. Еще в наличии препят-

ствия различного порядка, фрустрации; есть стрессы, выгорание [Вигарелло Ж., 2024, с. 14–15].

В России проблематикой усталости и *homo lassus* занимается В.В. Варава, размышляя над усталостью быть человеком и о «нечеловеческой антропологии». Он вспоминает вполне подходящий термин «*taedium vitae*» (известный еще со времен Сенеки и означающий утомление жизнью, усталость от жизни, отвращение к жизни), что использует для обозначения этой экзистенциальной усталости.

Варава констатирует пугающее развитие идей о мире без человека. Кроме того, происходит девальвация человека, его идея становится мусором. Сейчас возникает большой и непостижимый антропологический парадокс: человек не представляет для самого себя никакой ценности [Варава В.В., 2020]. Он считает, что конец человеческой исключительности имеет такие корни в социокультурной плоскости, как гипертрофированная визуализация смерти, пандемия геронтофобии и танатофобии и появление пост-человеческих биотехнологий. Зарождение и широкое распространение пост-идеологий связывает с этой экзистенциальной усталостью.

Человек устаёт быть собой, так трансформируется эта «*taedium vitae*». «Это усталость антропологическая, в своей основе экзистенциальная и нравственная: человек устал быть именно человеком, устал от границ собственного существования, устал вообще от бремени быть человеком и поэтому стремится расстаться со всеми признаками человеческого, то цинично смеясь над ними, то кошунственно глумясь, то попросту физически истребляя их» [Иванов Д.И., Варава В.В., 2025, с. 48]. На этом фоне расцветают и обретают популярность идеи трансгуманизма и преодоления человека.

В этом случае сложно отнести данного автора к негативной антропологии, но его рефлексия над ней позволяет оценить, выявить и определить некие отрицательные тенденции, заставляя верить в то, что человек творчески преодолеет кризис и вернется в центр с новыми смыслами и качествами, не растеряв себя.

Заключение

В эпоху четвертой промышленной революции человек начинает видеть спасение в ИИ (сильном, и даже сверхмощном интеллекте), в эпохе Pervasive intelligence (улучшения качеств), в той самой сингулярности, по Р. Курцвейлу, где биологическое сольется с цифровым. Тогда в типологию добавится *homo digitalis* и возникнет цифровая меланхолия? Видится, что усталость, устарелость (и развенчание человека) и приводят к идеям пост- и трансгуманизма, стремлению слиться с техникой, но по ее лекалам (а не по человеческой сущности). Тогда и возникают темы о смерти человека, о его паллиативном существовании и т. п., желание бессмертия или облегчения. Однако загадка, смертность, смысл, способность чувствовать, творить (в том числе как преодоление страданий), философия и есть то, что делает человека им самим.

В современности, помимо разрыва между родовым и индивидуальным, наблюдается смешение общего и особенного, когда через позитив проникает усталость, что предстает не просто спутником современного человека, связывается со стрессом, выгоранием, депрессией и меланхолией, но может стать и поводом для гордости, а стремление стать самим собой утомляет и является латентным порывом стать Таким же (как и все). Привычные иерархии опрокидываются, то, что традиционно считалось неправильным, становится иным, а праздность и досуг должны стать основанием новой культуры и человека.

При этом, как мы указали выше, негативная антропология — это не апофатическая, уходящая в принципиальную непознаваемость человеческой сущности, а эмпирически насыщенный подход, фиксирующий реальные исторические и культурные состояния человека. Она не сводится и к «антропологии отчуждения», хотя отчуждение (в его экзистенциальном и социально-экономическом измерениях) является одним из важных сюжетов. Ее предмет шире: нервность, меланхолия, устарелость, усталость, истощение, *taedium vitae* — все эти модусы требуют не менее пристального внима-

ния, чем классические позитивные определения.

Усталость в этом контексте перестает быть лишь психологическим или физиологическим состоянием и обретает онтологическое измерение. Она оказывается способом бытия-в-мире, где человек обнаруживает себя не как деятельный субъект, а как существо, исчерпавшее свои возможности или, напротив, открывающее их через собственные ограничения. Она маркирует границу между тем, что человек еще может, и тем, что уже не может или может не делать. Именно в этом пункте негативная антропология соприкасается с идеей «потенции-не» (Дж. Агамбен) и различием усталости и истощения (Ж. Делёз), где усталость есть невозможность продолжать действие, а истощение — исчерпание самой возможности действовать.

Один из возможных ответов на вызовы, выявленные негативной антропологией, предлагает О.С. Валуев, выделяя три вопроса: «Как жить с усталостью, как уставать, оставаясь продуктивным, и как принимать утомление, оставаясь собой» [Валуев О.С., 2023, с. 25]. В этом подходе усталость перестает быть просто негативным симптомом и может стать основой для новой этики и новой культуры, которая не стремится к бесконечному наращиванию достижений, но умеет останавливаться, созерцать и возвращаться к себе. И далее: «Желание избежать усталости означает форму экзистенциального эскапизма, скрывающего страх личностной слабости и бессилия. Принимать утомление, будучи собой, значит принимать свою слабость не менее, чем силу, принимать свое присутствие целостно и неотчужденно как бытие-в-мире» [Валуев О.С., 2023, с. 30].

В этих словах схвачена суть онтологического поворота в осмыслении усталости: она перестает быть негативным симптомом, который нужно устранить, и выступает тем, что конституирует человеческое существование в его полноте. Выделяя усталость в отдельную область, мы словно разрываем свою жизнь, и она не должна стать *taedium vitae*, а быть связанной с любимым делом, досугом, сигналом к гра-

мотному отдыху. Усталость в современности — это не просто сигнал от нашего ума и тела, но и социокультурный феномен, занявший свое место для рефлексии.

Выявленные негативной антропологией типы человека — это результат осмысления существования человека за последние десятилетия в трансформирующемся мире с заглядыванием в будущее. Задача остальных социогуманитарных наук — работать с конкретными проявлениями этих специфических явлений; не зря в современном языке, особенно в психологическом категориальном аппарате, оформляются термины, описывающие ситуацию *homo lassus*.

Остаются открытыми вопросы: что произойдет с человеком, когда его «негативные» состояния будут окончательно вытеснены технологическими заменителями? Сможет ли культура досуга и потенция-не стать реальной альтернативой обществу достижений, или же они останутся лишь теоретическими конструктами? И наконец, не является ли сама негативная антропология не просто диагностикой кризиса, а первым шагом к новой позитивной программе, которая включила бы усталость, уязвимость и конечность в само понимание человеческого достоинства? Ответы на них, возможно, даст дальнейшее развитие самой негативной антропологии, которая начинает оформляться как самостоятельная исследовательская программа, и это открывает горизонт для дальнейших междисциплинарных исследований.

Список литературы

Агамбен Дж. О том, чего мы можем не делать // Нагота. М.: Издательство Грюндриссе, 2014. 204 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.

Валуев О.С. Экзистенциальная усталость как психологическая проблема силы и слабости бытия-в-мире // Проблемы психологического благополучия: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, Екатеринбург; Фергана, 07 апреля 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 24–32. EDN: GKRHQC

Варава В.В. Усталость быть человеком (этические основания нечеловеческой антропологии) // Человек.RU. 2020. № 15. С. 180–186. DOI: <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2020-15-180-186> EDN: POKBWY

Вигарелло Ж. История усталости от Средневековья до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 552 с.

Гуревич П.С. Что такое негативная антропология? // Философия и культура. 2013. № 3. С. 275–278. DOI: <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2013.03.1> EDN: PXUKAV

Делёз Ж. L'Épuisé («Истощенный») / пер. с фр. А. Тарасова // Academia.edu. 2014. URL: https://www.academia.edu/9492239/Жиль_Делёз_И_истощённый_2_4_ (дата обращения: 09.03.2026).

Дорожкин Е. Мишель Фуко об «антропологическом круге» // Философская антропология. 2023. Т. 9, № 2. С. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2023-9-2-122-129> EDN: KMWVWAS

Иванов Д.И., Варава В.В. Триумф нечеловеческого, или *Taedium vitae* «конца истории» // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 34–50. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-1-34-50> EDN: IELRHU

Костомаров А.С. Проект негативной антропологии в философии Дж. Агамбена // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2(83). С. 178–187. DOI: <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.018> EDN: EOESZK

Неаполитанский М. Мыслить общество выгорания: усталость как философский концепт // Нож. 2024. 29 окт. URL: <https://knife.media/tired> (дата обращения: 09.03.2026).

Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 552 с.

Спирова Э.М. «Негативная антропология» Гюнтера Андерса, или кризис прометеевского проекта // Вестник КалмГУ. 2020. № 4(48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/negativnaya-antropologiya-gyuntera-andersa-ili-krizis-prometeevskogo-proekta> (дата обращения: 09.03.2026). EDN: ZWROQL

Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.

Хан Б.-Ч. Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива = *Müdigkeitsgesellschaft*. М.: АСТ, 2023. 160 с. URL: <https://www.rulit.me/books/obshchestvo-ustalosti-negativnyj-opyt-v-epohu-chrezmernogo-pozitiva-read-800179-7.html> (дата обращения: 09.03.2026).

Хандке П. Три эссе: Об усталости; О джукбоксе; Об удачном дне. СПб.; М.: Jaromír Hladík press; libra, 2022. 176 с.

Эренберг А. Быть собой — смертельная ловушка современной цивилизации // Un-sci.com. URL: <https://un-sci.com/ru/2024/12/09/byt-soboj-smertelnaya-lovushka-sovremennoj-czivilizaczii-alen-erenberg> (дата обращения: 10.03.2026).

Юханнисон К. История меланхолии: о страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Pieper J. Leisure, The Basis of Culture. South Bend, Ind.: St. Augustine's Press, 1998. 160 p.

References

Agamben, D. (2014). [On what we can not do]. *Nagota* [Nudity]. Moscow: Gryundrisse Publ., 204 p.

Baudrillard, J. (2006) *Obschestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The consumer society: myths and structures]. Moscow: Respublika Publ., Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 269 p.

Deleuze, G. (2014). *L'Épuisé («Istoschennyy»)* [L'Épuisé (The exhausted)]. Available at: https://www.academia.edu/9492239/Жиль_Делёз_Истощенный_2_4 (accessed: 10.07.2026).

Dorozhkin, E. (2023). [Michel Foucault on the "anthropological circle"]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Vol. 9, no. 2, pp. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2023-9-2-122-129>

Ehrenberg, A. (2024). [Being oneself is a deadly trap of modern civilization]. *Un-sci.com*. Available at: <https://un-sci.com/ru/2024/12/09/byt-soboj-smertelnaya-lovushka-sovremennoj-czivilizaczii-alen-erenberg> (accessed: 10.03.2026).

Foucault, M. (1994). *Slova i veschi: arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things: an archaeology of the human sciences]. Saint Petersburg: Acad Publ., 405 p.

Gurevich, P.S. (2013). [What is negative anthropology?]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. No. 3, pp. 275–278. DOI: <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2013.03.1>

Han, B.-Ch. (2023). *Obschestvo ustalosti: negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitiva = Müdigkeitsgesellschaft* [The burnout society]. Moscow: AST Publ., 160 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/obshchestvo-ustalosti-negativnyj-opyt-v-epohu-chrezmernogo-pozitiva-read-800179-7.html> (accessed: 09.03.2026).

Handke, P. (2022). *Tri esse: Ob ustalosti; O dzhukbokse; Ob udachnom dne* [Three essays: On fatigue; On the jukebox; On the successful day]. Saint Petersburg; Moscow, Jaromír Hladík Press; Libra Publ., 176 p.

Ivanov, D.I. and Varava, V.V. (2025). [The triumph of the inhuman, or Taedium vitae of the "end of history"]. *Voprosy Filosofii*. No. 1, pp. 34–50. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-1-34-50>

Johannisson, K. (2011) *Istoriya melankholii: o strakhe, skuke i pechali v prezhnje vremena i teper'* [History of melancholy: on fear, boredom and sadness in former times and now]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 320 p.

Kostomarov, A.S. (2025). [The project of negative anthropology in the philosophy of G. Agamben]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. No. 2 (83), pp. 178–187. DOI: <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.018>

Neapolitanskiy, M. (2024). [Thinking the burnout society: fatigue as a philosophical concept]. *Nozh* [Knife]. 29 October. Available at: <https://knife.media/tired> (Accessed: 09.03.2026).

Pieper, J. (1988). *Leisure, the basis of culture*. South Bend: St. Augustine's Press, 160 p.

Radkau, J. (2017). *Epokha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera* [The age of nervousness. Germany from Bismarck to Hitler]. Moscow: HSE Publ., 552 p.

Spirova, E.M. (2020). [Günther Anders' "negative anthropology", or the crisis of the Promethean project]. *Vestnik KalmGU* [Bulletin of Kalmyk University]. No. 4 (48). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/negativnaya-antropologiya-gyuntera-andersa-ili-krizis-prometeevskogo-proekta> (accessed: 09.03.2026).

Valuev, O.S. (2023). [Existential fatigue as a psychological problem of the strength and weakness of being-in-the-world]. *Problemy psikhologicheskogo blagopoluchiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii* [Problems of Psychological Well-Being: Proceedings of the International Scientific and Practical Online Conference]. Ekaterinburg: UrGPU Publ.; Fergana Publ., pp. 24–33.

Varava, V.V. (2020). [Fatigue of being human (ethical foundations of non-human anthropology)]. *Chelovek.RU*. No. 15, pp. 180–186. DOI: <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2020-15-180-186>

Vigarello, G. (2024). *Istoriya ustalosti ot Sred-nevekov'ya do nashikh dney* [History of fatigue from

the Middle Ages to the present day]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 552 p.

Об авторе

Нассонов Михаил Сергеевич

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
«Пермская государственная фармацевтическая
академия» Министерства здравоохранения
Российской Федерации,
614990, г. Пермь, ул. Полевая, 2

e-mail: nasson@mail.ru

ResearcherID: QPA-6961-2026

About the author

Mikhail S. Nassonov

Candidate of Philosophy, Docent

Associate Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;

Associate Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
“Perm State Pharmaceutical Academy” of the Ministry
of Health of the Russian Federation,
2, Plevaya st., Perm, 614990, Russia;

e-mail: nasson@mail.ru

ResearcherID: QPA-6961-2026

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-456-465>

EDN: ZKVSIG

Поступила: 26.06.2025

Принята: 04.10.2025

Опубликована: 01.10.2026

ИСТОКИ УЧЕНИЯ О ЧИСТОМ Я В ДРЕВНЕЙШИХ КОНЦЕПЦИЯХ ВОСТОКА

Седов Юрий Григорьевич

Гатчинский государственный университет (Гатчина)

В данной статье обосновывается следующий тезис: субъективно-ориентированные (эгологические) исследования не ограничиваются западной философской традицией, а имеют свои истоки в древнейших концепциях Востока. Для решения поставленной задачи был проанализирован обширный историко-философский материал. Главным понятием индуистской философии является «Атман». В ведийской литературе оно употреблялось в качестве личного местоимения «я», обозначая субъективное начало, содержащееся в природном мире и в человеке. В статье подробно рассмотрены мифологические источники, привлечено учение брахманизма о чистом сознании. Согласно брахманистской традиции, слово «йога» истолковывается как «сосредоточение». Первым действием, совершаемым при осуществлении йоги, является концентрация или закрепление сознания на определенном месте и на «лучезарном» центре, расположенном в голове, благодаря чему возникает «направленность» сознания и достигается полная сосредоточенность. Главным объектом постижения здесь служит учение о чистом сознании, а главной целью является определение значимости положений брахманистской концепции в свете формирования науки эгологии. Далее в работе представлены структуры чистого Я на примере буддийской философии «йогачары». Эгологические структуры начинают формироваться, когда сознание дифференцируется в себе самом и порождает разнообразное эмпирическое содержание. Сознание понимается в качестве намерения и целенаправленной деятельности, в виде своеобразной предрасположенности проецировать нечто как отдельное от себя. В заключение показаны некоторые результаты трансформации буддизма в китайской философии. На основании проведенного анализа автор делает вывод о том, что древние восточные концепции чистого сознания не являлись догматическими и застывшими конструкциями. Напротив, в них сочетались и взаимно дополняли друг друга позитивные эгологические разработки и строгая критика теорий самопознания. В настоящее время ведется философский диалог буддизма и феноменологии, в котором обсуждается проблема бытия «самости». Такое сотрудничество дает возможность глубже раскрыть внутренние особенности эгологического опыта, остающиеся незамеченными при рассмотрении внешних объектов.

Ключевые слова: эгология, чистое Я, Атман, брахманизм, буддизм, йогачара, структуры сознания, китайская философия.

Для цитирования:

Седов Ю.Г. Истоки учения о чистом Я в древнейших концепциях Востока // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 456–465. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-456-465>. EDN: ZKVSIG

THE ORIGINS OF THE DOCTRINE OF THE PURE SELF IN THE MOST ANCIENT CONCEPTS OF THE EAST

Yuri G. Sedov

Gatchina State University (Gatchina)

This article aims to substantiate the thesis that subjective-oriented (egological) research is not limited to the Western philosophical tradition, but originates in the most ancient concepts of the East. Achieving this objective required analyzing extensive historical and philosophical material. The main concept of Hindu philosophy is “Atman.” In Vedic literature it served as the personal pronoun “I,” denoting the subjective principle inherent in both the natural world and man. The article elaborates on the mythological sources and draws on the teachings of Brahmanism on pure consciousness. According to the Brahmanist tradition, the word “yoga” is interpreted as “concentration.” The first action performed when practicing yoga is fixing the consciousness on a certain place, primarily on the “effulgent” center located in the head, which ensures “directionality” of consciousness and makes it possible to achieve full concentration. The main object of comprehension here is the doctrine of pure consciousness, and the main purpose is to determine the significance of the provisions of the Brahmanist concept in the light of the formation of the science of egology. Further, the paper discusses the structures of the pure Self using the example of the Buddhist philosophy of “Yogachara.” Egological structures begin to form when consciousness differentiates within itself and generates a variety of experiential content. Consciousness is understood as an intention and purposeful activity, as a kind of predisposition to project something as separate from the self. In conclusion, some results of the transformation of Buddhism in Chinese philosophy are shown. The findings indicate that ancient Eastern concepts of pure consciousness were not dogmatic and rigid constructions. On the contrary, they combined positive egological developments and strict criticism of self-knowledge theories, which complemented each other. Currently, an ongoing philosophical dialog between Buddhism and phenomenology addresses the problem of the being of the “self.” Such cooperation provides an opportunity to more deeply reveal the inner features of egological experience that remain unnoticed when external objects are considered.

Keywords: egology, pure Self, Atman, Brahmanism, Buddhism, Yogachara, structures of consciousness, Chinese philosophy.

To cite:

Sedov Yu.G. [The origins of the doctrine of the pure self in the most ancient concepts of the East]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 456–465 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-456-465>, EDN: ZKVSIG

Введение

Формулировка идеи эгологии стала возможной в результате расширения сферы сознания и его чистого опыта в трансцендентальной философии. В рамках этого направления неоднократно предпринимались попытки разрешить запутанные философские проблемы с точки зрения сознания, при этом намеренно делался акцент на субъективно-ориентированные исследования. Однако формирование идеи эгологии в зару-

бежной философии не сводимо целиком к трансцендентальной традиции, представленной в философии Иммануила Канта и его последователей. На широком историко-философском материале в настоящей статье обосновывается тезис, что эта идея не ограничивается современными достижениями философии, а, напротив, ведет свое происхождение от мифологических сказаний древнейших времен и покоится на глубоких онтологических основаниях. Кро-

ме того, эгологическое направление в философии не связано исключительно с западной традицией, а имеет также специфические и плодотворные интерпретации в восточной философии. Это означает, что для утверждения эгологии в качестве особой науки о чистом сознании в первую очередь следует рассмотреть древнейшие философские концепции Востока, включавшие в себя фундаментальные темы, в которых были затронуты проблемы изучения природы человеческого Я.

Древнеиндийские мифологические источники учения о чистом Я

Одним из главных понятий индуистской философии является *Атман*. В ведийской литературе он употреблялся в качестве личного местоимения «я», а в «Упанишадах» обозначал индивидуальное бытие и субъективное начало. Атман непостижим, не обладает конкретными свойствами и не доступен никакому словесному описанию. Он обычно характеризуется либо с помощью отрицательных (апофатических) определений, либо диалектическим способом на основе сочетания противоположных признаков. Но наиболее важным моментом является здесь то, что Атман как вечное субъективное начало всегда соотносен с *Брахманом* — высшей объективной реальностью. Их тождество являлось основным принципом индуизма [Топоров В.Н., 1987, с. 186], который в дальнейшем послужил определяющим фактором построения некоторых философских учений, например, веданты.

Впрочем, в древнеиндийской философии всегда существовали достаточно серьезные скептические возражения против вечности сознания. Сомнения в том, что сущностью индивидуальной души является ее вечное сознание, обычно подкреплялись аргументами, указывающими на состояния сна, обморока, невменяемости и одержимости, в которых человек не только не осознает свои действия, но и не помнит о совершенных им поступках. Подобные сомнения преодолевались на том основании, что невозможность сознания была вызвана не отсутствием сознания как такового, а только отсутствием самих объектов, подобно тому, как свет становится невидимым при отсутствии освещаемых им предметов. Для того чтобы видеть горящую

свечу, не нужна другая свеча, свет сам себя обнаруживает и доказывает, что он существует.

В первую очередь следует отметить, что слово «я» или Атман как личностное начало происходит от санскритского глагольного корня *ат*, что означает двигаться, действовать. Вместе с тем подвижная и текучая природа человеческого Я сочетается со стабильной и неизменной структурой, позволяющей нам наблюдать происходящие вокруг перемены. Активный субъект поэтому часто называется также неуничтожимым атомом сознания. Кроме того, иногда Атман идентифицируется с *Пурушей*, с вселенской душой или с «Я». Это тождество дает нам право истолковать субъективное начало как составное целое, имеющее части, ведь согласно древнеиндийской мифологии, Пуруша приносится в жертву богам в результате расчленения на части. Данный сюжет способствует пониманию субъективного начала символически в качестве перехода от целостного состояния чистого Я к его расчлененности и обратно, или в виде принципа познания, создающего благоприятные условия для возможного эгологического анализа.

Эгологические конструкции в брахманистской философии

Все внимание в дальнейшем изложении статьи будет *сосредоточено* на философской стороне учения о чистом сознании и отвлечено от религиозных смыслов, сансарических и кармических коннотаций. Такая установка в действительности соответствует духу брахманистской традиции, в которой само слово «йога» истолковывается как *самадхи* (сосредоточение). Как известно, первым действием, совершаемым при осуществлении йоги, является концентрация или закрепление сознания на определенном месте. Наш выбор останавливается на «лучезарном» центре, расположенном в голове, благодаря чему возникает «однонаправленность» сознания и достигается полная сосредоточенность. Главным объектом постижения здесь служит учение о чистом сознании, а главной целью является определение значимости положений этой концепции в свете формирования науки эгологии в современной философии.

Итак, йога есть сосредоточение сознания, имеющее несколько ступеней и преодолеваю-

щее произвольно направленные, рассеянные и блуждающие состояния. На низших ступенях сознание характеризуется неустойчивой направленностью, оно без остановки скользит по поверхности от одного объекта к другому, не стремясь к окончательному сосредоточению. Напротив, высшим ступеням сознания соответствует глубокая концентрация в одной точке, дающая возможность йогину уничтожить «клеши» (аффекты). Питательной средой для возникновения клеш оказывается распространенная привычка воспринимать внешний мир через призму индивидуального Я, для которого естественным состоянием является возбуждение, т. е. моментальное реагирование на внешний стимул. Поэтому сосредоточение ставит своей целью прекращение такого сознания и всячески культивирует рефлексия, которая рано или поздно приводит к состоянию чистого бытия, когда человеческое Я достигает единства с «буддхи» (с интеллектом).

Упомянутая нами выше связь сознания с мифологическим образом Пуруши находит в «Упанишадах» дальнейшее развитие. Согласно преданиям, сознание в силу своей «близости» к интеллекту становится «собственностью» Пуруши, своего господина. Причем чистая энергия сознания (чистое Я) не отождествляется с интеллектуальным содержанием буддхи. Практикуемая здесь рефлексия считается «тонким» опытом, а самость есть сознание единства с чистым Я.

На самом деле, если бы содержание сознания порождалось без всякой связи с чистым Я, то было бы непонятно то, как увиденное одним сознанием делается доступным другому сознанию одного и того же Я.

Иначе говоря, признание достоверности опыта самотождественности, где «Я есмь этот неделимый Атман», свидетельствует о том, что сознание унитарно, стабильно и может быть устремленным к одной точке, т. е. однонаправленным. Обретение состояния стабильности посредством сосредоточенности чистого Я приводит к совершенному знанию «Я есмь».

Помимо всего прочего, это знание обнаруживает *пространственный* характер чистого сознания. Имеется в виду использование в брахманистских текстах термин «акаша», кото-

рый обозначает чаще всего бесконечное пространство. Это же понятие может быть применено и к пространству психического опыта, к пространству «внутри» сознания [«Йогасутры», 2002, с. 220]. В буддизме понятие «акаша» стало интерпретироваться как особое внутреннее пространство субъекта, отличное от геометрического пространства. Однако введение в анализ чистого Я пространственных, казалось бы «внешних» параметров существенно трансформировало привычную схему человеческого сознания, переведя внешнее не-Я в сферу внутреннего опыта. Как следствие, возник дуализм способов существования реального объекта и сознания, которые отныне признаются принципиально разнородными. Объект не зависит от индивидуального Я, но и сам индивид наделен сознанием, независимым от реального мира. По сути, признание независимого от сознания реального объекта не может отменить существования чистого Я, которое в виде луча освещает самое себя и противостоящий ему чувственный объект. Более того, энергия чистого Я самодостаточна и не поглощается объектом. Будучи окрашенным познаваемым объектом, чистое Я связано с разделенным на части Пурушей, и, подобно кристаллу, является «всеобъектной» сущностью, включающей в себя и внешние, «другие Я».

Исследование структур чистого сознания в буддийской философии: история и современность

Позитивные эгологические построения брахманистской философии в последующее время столкнулись с новыми веяниями, в частности, с деструктивными тенденциями буддизма. Все, что вырабатывалось веками, было безжалостно отброшено прочь и опорочено. Даже сам стиль философских произведений стал жестким, непреклонным и обвиняющим, а тон — категоричным и ниспровергающим любые еретические поползновения. Впрочем, так формировались все мировые религии.

В первую очередь яростной атаке подверглось воззрение относительно чистого Я (Атмана) и относительно того, что этому Я принадлежит [Васубандху, 2006, с. 57]. Критика субстанциального Я не была строго научной, а ве-

лась на уровне обыденного языка. Разумеется, ни тело, ни чувствительность, ни даже сознание, схватывающее предметы, не могли дать ответа на вопрос, что такое субстанциальное Я. Это иллюзорное Я было объявлено словесной метафорой, возникшей в результате договора, заключенного между людьми. Отбросив субстанциальное Я, основоположник буддизма и его многочисленные последователи пришли к выводу о всеобщей причинной обусловленности человеческого существования в сансаре. Весь пафос буддизма заключался в том, что путем самосовершенствования можно преодолеть круговорот сансарических перерождений и достичь нирваны либо самостоятельно, либо при содействии бодхисатв. Но тогда возникает вопрос: коль скоро это так, *кто* же осуществляет выход за рамки причинной обусловленности явлений? Неужели этот выход обеспечивается конвенциональной словесной метафорой? Вразумительного ответа на данные вопросы мы не находим в рамках буддийской философии, которая остается крайне тенденциозной. Справедливости ради следует заметить, что имеются современные исследования, в которых единство сознания рассматривается как некая перспектива в буддийской эпистемологии. Например, в статье [Chadha M., 2015] утверждается, что эмпирическая работа буддийской медитации оказывает влияние на буддийскую эпистемологию в целом и на представление о единстве сознания — в частности.

Вместе с тем негативная позиция буддизма в отношении субстанциального Я содержала весьма ценные наблюдения, косвенным образом способствовавшие появлению в будущем полноценной эгологической теории. Дело в том, что существование живого существа протекает во времени, благодаря чему оно оказывается в тисках сансарических перерождений. Стремление выйти из этого круговращения приводит к борьбе против временного существования и к поиску абсолютного первоначала, преодолевающего причинно-обусловленные отношения. В основу истинного пути должно полагаться «пространство» психического опыта, в котором бы развертывался временной поток функционирующего сознания. Пространство (акаша), противопоставленное времени,

простирается над прошлым, настоящим и будущим временем, оно не возникает и не разрушается, оно причинно не обусловлено, оно с очевидностью демонстрирует существование абсолютного бытия.

В наиболее содержательном и систематизированном виде концепция чистого сознания была представлена в философии йогачара. В ней любая объективность признается иллюзией, но при этом эмпирическое переживание не несет никакого ущерба и не теряет ничего из своего разнообразия. Как известно, йогачара основывается на феноменологии раннего буддизма, но своеобразным способом трансформирует его с помощью идеалистических интерпретаций, которые в некоторых аспектах можно сравнивать с трансцендентальной точкой зрения. Согласно этой концепции, в действительности существует только сознание, а все остальные вещи этого мира служат только его проявлениями. Однако реалистически настроенные мыслители, противники йогачары, резонно заявляют, что идеалисты на самом деле вполне осознают различие между эмпирическим объектом и внутренней идеей, но они всячески стремятся сгладить это различие. Данное возражение сводится к тезису, что никакой иллюзии не может быть без реальной объективной основы. А это означает, что недостаточно просто установить идеалистический подход к пониманию сущности сознания, необходимы также эксплицитные разъяснения, основанные на строгих принципах.

Как известно, идеализм йогачары установил феноменологическую модель для описания явлений [Чаттерджи А.К., 2004]. Исходным пунктом этой системы служил принцип, провозглашающий, что реальные объекты не существуют отдельно от сознания, что весь мир есть только разум, а в самом разуме предполагается существование подсознательного слоя (a subliminal layer) [Schmithausen L., 2018]. Сознание управляется собственными законами, и одно его состояние сменяется другим на основе причинности. Оно способно существовать само по себе, вне связи с объектами, а объекты, напротив, не могут. Таким образом, в йогачаре на первом шаге обоснования идеализма утверждалось существование абсолютного сознания, свободно-

го от любых «следов объективности». Объект в силу такой односторонней зависимости делается внутренней реальностью сознания.

Хотя сознание является единой целостностью, оно разделяется на несколько частей и отношений, образуя устойчивые структуры. Сознание в себе самом дифференцируется и порождает пестрое разнообразие эмпирического существования. Каковы же эти структуры сознания? Первым структурным элементом чистого сознания в процессе его разделения считается *alāya-vijñāna*, или «сознание-хранилище», аккумулирующее в себе впечатления прошлых сознаний и порождающее на этой основе новые состояния. Сознание не является пустым, оно имеет вполне определенное содержание. Это содержание не эмпирическое, не получаемое извне, а проецируемое самим сознанием изнутри. Как мы видим, уже здесь, на первом этапе структурирования, намечается процесс разделения сознания на внутреннюю способность восприятия и на внешнюю чистую, еще недифференцированную объективность. Наличие чистой объективности делает «алаю» внутренне нестабильной, не позволяя сознанию находиться в покое. Объективность в сознании есть своеобразная предрасположенность или склонность проецировать нечто как отдельное от себя, продуцируя один момент за другим. Таким образом, сознание понимается в качестве намерения и целенаправленной деятельности.

Вместе с тем «алая» — это такое сознание, в котором еще не проявилась индивидуальность, чистое «эго». В субъективной структуре, с точки зрения йогачары, наше «эго» является эмпирическим компонентом, когда недифференцированная чистая объективность разделилась на множественность. Поэтому появляются веские основания квалифицировать философию йогачары не как идеализм, а как буддийский вариант «феноменологии сознания» [Торчинов Е.А., 2022, с. 162], который заменяет интенциональность «во вне» на обращенность сознания внутрь самого себя. Анализ структуры «сознания-хранилища» подготавливает трансформацию человеческого сознания и приводит к *аш-рая паравритти*, к «перевороту основы». Этот переворот помогает объяснить «идентичность»

индивидуальности и «обеспечивает основу для самосознания» [Бейнорюс А., 2005, с. 165]. Однако, несмотря на позитивные результаты анализа сознания, существование чистого Я в философии йогачары так и осталось под вопросом.

Вторым этапом эволюции сознания и его вторым структурным элементом признается *manas-vijñāna*, или «омраченное ментальное сознание», которое в цельной структуре занимает промежуточное положение между «хранилищем» с неопределенным еще содержанием и функциональным сознанием с уже определившимся содержанием. Известно, что идеи йогачары развивались буддийскими философами в полемике с традиционными представлениями брахманизма о существовании субстанциальной души Атмана, которая выступает в круговороте перерождений в качестве носителя приобретаемых свойств. Психическая реальность рассматривалась в брахманизме одновременно как «Я и мое», т. е. содержимое сознания и чистое Я не разделялись. Напротив, в буддийской философии впервые произошло радикальное размежевание чистого Я и сознания [Ленков П.Д., 2012, с. 124], чему главным образом способствовала классификация групп сознания на шесть видов чувственного и разум (*manas*). Сущность седьмого сознания есть мышление, или «манас», который способен *постоянно* мыслить. Однако, осуществляя мыслительную функцию, он впадает в заблуждение, продуцируя пустые понятия «Я» и «мое» и попутно создает когнитивное разделение на субъект и объект. В йогачаре идея Я считалась ошибочной и в ней даже осуждалась привязанность к «эго». Истинное понимание, по мнению сторонников данной концепции, открывает иллюзорность стабильности и постоянства чистого Я, тогда как на самом деле оно есть непрерывное изменение. Но, к счастью, благодаря определенным медитациям и практикам продолжающийся процесс мышления может быть остановлен, а все иллюзии устранены. Но для этого, разумеется, необходимо предварительное и весьма тщательное исследование смысла иллюзорности чистого Я.

На третьем этапе развития сознание становится функциональным, целиком связываясь с

определенным осознанием объекта. Поэтому функциональное сознание должно стать предметом эмпирического исследования. Однако этот третий компонент единого сознания зависит от первого («алаи»), как бы замыкая круг. Действительно, все функционирующие сознания возникают из семян «алаи», а сама алая тоже непрерывно пополняется приобретениями функциональных сознаний.

Предложенная философией йогачары структура сознания не является застывшей и устоявшейся догмой, скорее напротив, вплоть до настоящего времени продолжаются жаркие споры и разворачиваются научные дискуссии о сущности сознания, о личной идентичности. В частности, широко обсуждаются эгологические проблемы принятия тех или иных теорий, трактующих структуру «я»/«не-я» [Козеру К., 2017]. Главный вопрос этих дебатов может быть кратко сформулирован следующим образом: является ли эгологический характер сознания конститутивным или же он просто случайная особенность сознания? Без ответа на данный вопрос, по-видимому, невозможно достичь понимания того присутствия, которое сопровождает и направляет любые когнитивные процессы.

У каждого из нас есть чувство нашего Я, ощущение своей уникальности. Большая часть современных философов пытается исследовать смысл этого Я и выявить его структуру. Однако буддистская философия говорит об обратном понимании, начиная с подозрения, что самоощущение — это главная причина, почему человек оказывается привязанным к «колесу сансары» и поработленным бесконечной чередой перерождений. Они не считают чистое Я субстанцией и носителем некоего эгологического имущества. Чистое Я есть лишь нечто имеющее природу сознания, и подходящим наименованием для него будет слово «свидетель».

Несмотря на имеющиеся разногласия между Востоком и Западом по эгологическим вопросам, в настоящее время ведется весьма оживленный философский диалог буддизма и феноменологии, где довольно интенсивно обсуждается проблема бытия *самости* (Self, Selves). Но чтобы правильно оценить сходство и различие этих философских учений, нам, очевидно,

«надо обладать правильным представлением об обеих традициях. Если наше сотрудничество основано на непонимании основ какой-либо из них, сотрудничество и сравнение приведет только к заблуждениям» [Захави Д., 2017, с. 150]. Многие исследователи отмечают, что в некоторых аспектах имеются точки соприкосновения, например, в феноменологии Эдмунда Гуссерля раскрываются внутренние особенности нашего опыта, остающиеся незамеченными при рассмотрении внешних объектов. Такое направление мысли дает лишний повод для сравнения феноменологии с буддистскими практиками осознанности.

Некоторые исследователи буддийской философии приходят к выводу, что необходимо четко различать два возможных варианта использования слова «я» [Ganeri J., 2011, p. 186]. Неоднозначность этого слова связана с тем, что оно употребляется иногда для обозначения «тонкого субъекта» как некой внутренней вещи, не существующей в любой момент времени, а иногда и для указания на человеческое существо, рассматриваемое как единое целое, состоящее из частей [Strawson G., 2009, p. 31]. Аналогичная ситуация наблюдается и в интерпретациях концепции тибетского философа Чже Цонкапы о чистом сознании, который использовал понятие «бессамости» (анатман) [Кожевникова М.Н., 2018]. Чистое Я он рассматривал одновременно и как субъект, и как предикат. С позиции субъекта мы отмечаем его самодостаточность, центральность, субстанциальность. Но со стороны предиката перед нами предстает обыденное сознание, феномен «просто-я», в котором не обнаруживается субстанциального содержания и которое выступает в качестве пустого «бессамостного» сопровождения сознательных определенностей.

Однако наряду с компаративными исследованиями необходимо больше внимания уделять концептуальным анализам человеческой самости. В частности, одним из способов обойти некоторые трудности эгологической проблематики может стать переход от прямого метафизического вопроса о существовании и природе Я к эпистемологическому вопросу о том, как человек приходит к знанию себя и своих состояний. Не лучше ли будет на первых порах ис-

пользовать в эгологических исследованиях метод повествования, так называемый «нарративный подход» (narrativity approach), дающий более полное представление о богатой внутренней жизни человека?

Синтетическое усвоение философии йогачары в Китае

Среди западных ученых распространено мнение, что, в отличие от индусов, в китайской философской традиции совершенно отсутствует внятная концепция автономной личности, а человеческое Я полностью поглощается общиной и растворяется в социуме. Однако такой односторонний, «западноцентристский» взгляд на историю философии должен быть преодолен и справедливо критикуется многими отечественными востоковедами. В действительности, китайской традиции свойственна не только общинная, но и в равной мере индивидуалистическая модель человека, наиболее выразительно и лаконично представленная в даосизме. Для китайской культуры в целом характерна система центристской гармонии индивидуального и общего начала. Человеческое Я «оказывается одновременно частицей общего силового поля и центром, конструирующим собственное целое» [Степанянц М.Т., 2001, с. 54]. Кроме того, в китайской философии традиционно существовали направления, близкие йогачаре и подвергающие сомнению субстанциональное существование чистого сознания.

Одним из представителей критического подхода был Цзун-ми. Он интересен тем, что предложил образец синтетического усвоения буддийской философии йогачары на китайской почве. На первый взгляд выдвинутые им аргументы были направлены против привязанности человека к своему «я». По его мнению, такая привязанность только сильнее подстегивает вращающийся круговорот сансары, и человек все глубже увязает в мирах многочисленных перерождений. Тогда как подлинная цель его настоящей жизни заключается в том, чтобы найти выход из непрекращающегося чередования рождений и смертей и тем самым окончательно достичь желанного успокоения в нирване. Но, несмотря на негативную аргументацию, в рассуждениях Цзун-ми содержалось

очень много свежих мыслей, релевантных для понимания сущности человеческого самосознания.

Если отвлечься от учения о перерождении, то выдвигаемые критические замечания китайца легко можно обратить на пользу эгологической теории. Человеческое «я» не сводится ни к физическим, ни к психическим состояниям. В противном случае все части тела и все проявления мирских страстей можно было бы называть «я» и во мне одном были бы сотни тысяч «я». Таким образом, я — не тело, напротив, вот это тело мое. Следуя логике йогачары, Цзун-ми отрицает наличие субстанционального человеческого «я», но при этом утверждает, что наше телесное существование коренится в сознании. В связи с этим он критикует учение о «сокрушении признаков», которое опиралось на «принцип пустоты», гласящий: «Все, что имеет отличительные признаки, является пустым и ложным».

Однако главный аргумент критики вновь возвращает китайского философа к проблеме субъекта и к средоточию человеческого сознания, с которым, как выясняется, не так легко разделаться. Человеческое «я» выгоняют за дверь, но оно тут же влетает в окно. Последующее рассуждение Цзун-ми строится с помощью постановки ряда вопросов, при ответе на которые выясняется неустранимость сознающего субъекта. Если в согласии с упомянутым принципом пустоты все в мире отсутствует, то спрашивается, кто же знает об этом отсутствии? В чем состоит опора понимания пустоты? Если же все в мире обманчиво и иллюзорно, как убедиться в существовании обманчивых отражений без чистого и «неизменного зеркала»? По-видимому, никакие заблуждения и ложные сновидения невозможны без заблуждающегося или спящего существа [Цзун-ми, 1989]. В заключение Цзун-ми призывает не останавливаться на полпути и довести до конца работу самопознания, но таковое возможно только в случае создания особой науки о чистом Я.

Заключение

На основании данного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых,

древнеиндийские мифологические источники учения о самосознании свидетельствуют, что субъективное начало символически представляется в виде перехода от целостного состояния чистого Я к его расчлененности и обратно. Во-вторых, анализ брахманистской философии выявил наличие в ней определенных эгологических конструкций. В-третьих, компаративистский подход позволяет изучать структуры чистого сознания на примере буддистской философии в Индии и Китае.

Опираясь на предшествующее изложение, к сожалению, необходимо признать, что многие современные западные феноменологи строя свои теории даже и не подозревают, что «открытые» ими истины были известны индусам и китайцам еще с незапамятных времен. Вкратце рассмотренные нами некоторые важные источники восточной философии с очевидностью демонстрируют наличие в ней древней эгологической традиции, в которой позитивные разработки сочетались с критикой теории самопознания. Многие положения буддистской философии йогачары остаются актуальными и востребованными и в наше время.

Список литературы

Бейнорюс А. Понятие «сознание-хранилище» у Васубандху // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2005. С. 149–167.

Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. СПб.: СПбГУ, 2006. 523с.

Захави Д. Трансцендентальная феноменология, интенциональность и субъективность // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 150–155. EDN: ZMIXXN

«Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья» // Йога. СПб.: Азбука, 2002. С. 39–248.

Кожевникова М.Н. Буддийская феноменология бессамости: анализ концептов «Я» и «просто-я» Чже Цонкапы // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 156–165. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440000237-5> EDN: YLETTT

Козеру К. Сознание, личная идентичность и дебаты о «я»/«не-я» // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 130–139. EDN: ZMIXWT

Ленков П.Д. Концепт «Я» в философском дискурсе буддийской школы Виджнянавада // Пятые восточные чтения памяти О.О. Розенберга: труды участников научной конференции / Российская академия наук, Институт восточных рус-

копий; сост.: Т.В. Ермакова, Е.П. Островская; науч. ред. и авт. пред.: М.И. Воробьева-Десятовская. Санкт-Петербург: Издательство А. Голода, 2012. С. 122–129. EDN: VRJQCT

Степанянц М.Т. Восточная философия: вводный курс. М.: Восточная литература, 2001. 511с.

Топоров В.Н. Брахман // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 186.

Торчинов Е.А. Введение в буддизм. М.: АСТ, 2022. 512 с.

Цзун-ми. О началах человека // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 152–158.

Чаттерджи А.К. Идеализм йогачары. М.: ЦБИ Шечен, 2004. 269 с.

Chadha M. Meditation and unity of consciousness: A perspective from Buddhist epistemology // Phenomenology and the cognitive sciences. 2015. Vol. 14(1). P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-013-9316-0>

Ganeri J. Subjectivity, selfhood and the use of the word “I” // Self, no Self? Perspective from analytical, phenomenological and Indian traditions. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 176–192. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199593804.003.0007>

Schmithausen L. Some remarks on the genesis of central Yogācāra-Vijñānavāda concepts // Journal of Indian Philosophy. 2018. Vol. 46(2). P. 263–281. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10781-017-9336-0> EDN: GCXGOF

Strawson G. Selves. An essay in revisionary metaphysics. Oxford: Clarendon press, 2009. 447 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198250067.001.0001>.

References

Beynoryus, A. (2005). [The concept of "store-house consciousness" in Vasubandhu]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical-philosophical yearbook]. Moscow: Nauka Publ., pp.149–167.

Chadha, M. (2015). Meditation and unity of consciousness: A perspective from Buddhist epistemology. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 14(1), pp. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-013-9316-0>

Chatterjee, A.K. (2004). *Idealizm yogachary* [The yogachara idealism]. Moscow: TsBI Shechen Publ., 269 p.

Ganeri J. (2011). Subjectivity, selfhood and the use of the word "I". *Self, no Self? Perspective from analytical, phenomenological and Indian traditions*.

Oxford: Oxford University Press, pp. 176–192.
DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199593804.003.0007>

Koseru, K. (2017). [Consciousness, personal identity and the "self"/"non-self" debate]. *Voprosy filosofii*. No. 10, pp. 130–139.

Kozhevnikova, M.N. (2018). [The Buddhist phenomenology of selflessness: an analysis of Je Tsongkhapa's concepts of "I" and "mere-I"]. *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 156–165.
DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440000237-5>

Lenkov, P.D. (2012). [The concept of the self in the philosophical discourse of the Vijñānavāda school of Buddhism]. *Pyatye vostoovednye chteniya pamyati O.O. Rozenberga: trudy uchastnikov nauchnoy konferentsii* [Fifth Oriental readings in memory of O.O. Rosenberg]. Moscow: A. Golod Publ., pp. 122–129.

Ostrovskaya, E.P. and Rudoy, V.I. (eds.) (2002). ["Yoga-Sutras" of Patanjali and "Vyasa-Bhashya"]. *Yoga*. St. Petersburg: Azbuka Publ., pp. 39–248.

Schmithausen, L. (2018). Some remarks on the genesis of central Yogācāra-Vijñānavāda concepts. *Journal of Indian Philosophy*. Vol. 46(2), pp. 263–

281. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10781-017-9336-0>

Stepanyants, M.T. (2001). *Vostochnaya filosofiya: Vvodnyy kurs* [Oriental Philosophy: An introductory course]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 511 p.

Strawson, G. (2009). *Selves. An essay in revisionary metaphysics*. Oxford: Clarendon Press, 447 p.
DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198250067.001.0001>

Toporov, V.N. (1987) [Brahman]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., vol. 1, pp. 186.

Torchinov, E.A. (2022). *Vvedenie v buddizm* [Introduction to Buddhism]. Moscow: AST Publ., 512 p.

Vasubandhu (2006). *Entsiklopediya buddiyskoy kanonicheskoy filosofii* [Encyclopedia of Buddhist canonical philosophy]. St. Petersburg: SPbGU, 523 p.

Zakhavi, D. (2017). [Transcendental phenomenology, intentionality and subjectivity]. *Voprosy filosofii*. No. 10, pp. 150–155.

Zong-mi (1989). [On the origins of man]. *Istoriiko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical-philosophical yearbook]. Moscow: Nauka Publ., pp. 152–158.

Об авторе

Седов Юрий Григорьевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и социальной работы

Гатчинский государственный университет,
188300, Гатчина, ул. Рощинская, 5;
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru
ResearcherID: OMK-7006-2025

About the author

Yuri G. Sedov

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of History, Philosophy, and Social Work

Gatchina State University,
5, Roshchinskaya st., Gatchina, 188300, Russia;
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru
ResearcherID: OMK-7006-2025

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-466-479>
EDN: YZNRMO

Поступила: 12.10.2025
Принята: 09.12.2025
Опубликована: 01.10.2026

РАЗРАБОТКА КОНСТРУКТА ОПРОСНИКОВ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ: ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРЫ И СОСТАВА ВОПРОСОВ

Гурова Ольга Валерьевна, Калугин Алексей Юрьевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Анализируются миграционные процессы в условиях глобализации, а также возникающие социально-культурные вызовы, связанные с интеграцией мигрантов. Актуализируется проблема социальной интеграции детей-мигрантов в принимающее общество. Отмечаются сложности адаптации, вызванные культурными различиями, стрессовыми факторами и самоизоляцией иноязычных диаспор, что может приводить к дезадаптации и девиантному поведению. Особое внимание уделяется проблемам адаптации детей-мигрантов в образовательной среде и роли инклюзивного образования как основы для успешной интеграции. Подчеркиваются трудности реализации инклюзивных практик, включая кадровые, материально-технические и методические барьеры, повышенную нагрузку на педагогический состав. Предлагается междисциплинарный подход с привлечением психологов, социальных педагогов и других специалистов для поддержки семей мигрантов. В числе важных аспектов организации психолого-педагогического сопровождения указывается своевременная диагностика риска девиантного поведения у учащихся-мигрантов. Представлена концепция разработки и использования специальных скрининговых опросников для педагогов и учащихся, направленных на выявление импульсивности, агрессивности как индикаторов риска девиантного поведения и самооценки чувства адаптированности учащихся к школьной среде. Подчеркивается, что формирование инклюзивной образовательной среды возможно только через междисциплинарное сотрудничество и системный подход, что является важным условием устойчивого развития современного многоэтнического общества.

Ключевые слова: мигранты, инклюзивное образование, психолого-педагогическое сопровождение детей-мигрантов, диагностика учащихся, девиантное поведение, самооценка чувства адаптированности.

Для цитирования:

Гурова О.В., Калугин А.Ю. Разработка конструкта опросников для диагностики деструктивного поведения детей мигрантов: обоснование структуры и состава вопросов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 466–479. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-466-479>. EDN: YZNRMO

DEVELOPMENT OF QUESTIONNAIRES TO ASSESS DESTRUCTIVE BEHAVIOR OF MIGRANT CHILDREN

Olga V. Gurova, Alexey Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

The article analyzes migration processes in the context of globalization and the emerging socio-cultural challenges related to the integration of migrants. It highlights the issue of social integration of migrant children into the host society. The article also addresses the difficulties of adaptation caused by cultural differences, stress factors, and self-isolation of foreign-language diasporas, which can lead to maladaptation and deviant behavior. The article focuses on the challenges of migrant children's adaptation in the educational environment and the role of inclusive education as a foundation for successful integration. The article highlights the difficulties in implementing inclusive practices, including staffing, logistical, and methodological barriers, as well as the increased workload on teachers. It proposes an interdisciplinary approach involving psychologists, social educators, and other specialists to support migrant families. Among the important aspects of organizing psychological and pedagogical support, timely diagnostics of the risk of deviant behavior among migrant students is highlighted. The article presents the concept of developing and using special screening questionnaires for teachers and students aimed at identifying impulsivity and aggression as indicators of the risk of deviant behavior and self-assessment of students' adaptation to the school environment. It is emphasized that the formation of an inclusive educational environment is possible only through interdisciplinary cooperation and a systematic approach, which is an important condition for the sustainable development of a modern multi-ethnic society.

Keywords: migrants, inclusive education, psychological and pedagogical support for migrant children, diagnosis of schoolchildren, deviant behavior, self-assessment of sense of adaptation.

To cite:

Gurova O.V., Kalugin A.Yu. [Development of questionnaires to assess destructive behavior of migrant children]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 466–479 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-466-479>. EDN: YZNRMO

Введение

Миграционные процессы в глобальном мире

Возрастающая в настоящее время взаимосвязь стран и народов, взаимная зависимость государств стимулируют мировое социально-экономическое развитие, способствуют повышению уровня жизни и открывают все новые возможности для самореализации личности. Однако, наряду с позитивным значением, глобализация сопровождается правовыми и социальными вызовами, в частности проблемами, связанными с интеграцией и социальной адаптацией мигрантов [Дохильгова Д.М., Магомедова П.Г., 2023].

Усиление миграционных процессов вследствие глобализации приводит к увеличению

числа мигрантов, характеризующихся значительным разнообразием как по количественным, так и по качественным параметрам, что способствует обострению культурных различий. С одной стороны, принимающее общество может за счет миграции решить некоторые социально-экономические проблемы (улучшить демографическую ситуацию, снизить нехватку рабочей силы), с другой — вынуждено устранять негативные последствия миграции (нелегальные притоки мигрантов, культурная маргинальность) [Исаян Г.В., 2016]. Нежелание мигрантов включаться в жизнь нового общества, усиление социальной напряженности способствуют обострению культурных различий. Культурные различия особенно заметно прояв-

ляются в ситуациях, когда представители обеих культур — принимающей и прибывающей — сталкиваются со стрессовыми факторами, вызванными миграцией.

Культурные отличия и трудности интеграции часто приводят к изоляции мигрантов, которые выбирают простые пути решения проблем. Избегание взаимодействия с местным населением и формирование диаспор позволяют мигрантам оставаться в «зоне комфорта» и смягчать адаптационный стресс. Однако такой подход не способствует эффективной интеграции [Абакумова И.В. и др., 2020].

Основной признак социальной девиации заключается в нарушении норм, принятых в данном обществе [Крылова М.А., 2021]. Мигранты могут не считать свое поведение отклонением в рамках собственных культурных ценностей, но оно становится проблемой в новых условиях проживания. Поступки, адекватные с точки зрения собственной культуры мигранта, могут восприниматься принимающей средой как девиация. Стране-реципиенту приходится предпринимать дополнительные меры для обеспечения социальной стабильности [Думнова Э.М., Муха В.Н., 2022].

Принудительное выведение из «зоны комфорта» через обязательные языковые курсы и санкционирование (привлечение к ответственности за нарушение законодательства) может быть действенным, но не всегда продуктивным и этичным методом. Более гуманные подходы включают организацию просветительских программ для семей мигрантов, направленных на освещение культурных особенностей принимающей страны и правовое просвещение [Барышева Ю.С., Волжанцева Е.В., 2021].

Дети-мигранты, в отличие от своих родителей, которые могут оставаться на периферии и практически не контактировать с местным населением, активно вовлекаются в социальную жизнь через школу и взаимодействие со сверстниками. Это приводит к резкому погружению в новую культуру, нравы, моральные нормы [Мутаев У.К., 2019]. Ребенок переживает кризис из-за столкновения с новой реальностью. Детская адаптация осложняется множеством факторов: вынужденное перемещение происходит в период возрастных кризисов, ко-

гда у ребенка еще не сформировано устойчивое мировоззрение; предъявляются разнонаправленные требования со стороны школы, родителей, социального окружения, что провоцирует стрессовые переживания [Ежкова Н.С., Постникова А.В., 2018]. Таким образом, для ребенка такая ситуация является кризисной, и острая реакция с его стороны — адекватный ответ на экстремальные условия, в которых он оказался. Вместе с тем высокая пластичность и восприимчивость детей к изменениям делают этот возрастной контингент перспективным объектом для оптимизации адаптационных стратегий и программ ассимиляции.

Инклюзивная парадигма в школе

Инклюзивное образование представляет собой современную образовательную парадигму, направленную на обеспечение равного доступа к обучению для всех категорий учащихся, включая лиц с особыми образовательными потребностями. Данный подход исключает дискриминацию и способствует созданию условий для успешной интеграции всех учащихся в образовательную среду [Носова Т.М. и др., 2016; Ахметшина Л.В., 2020].

Инклюзивность подразумевает не просто физическое присутствие детей с разными индивидуальными особенностями (от детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) до одаренных учащихся или представителей различных культурных и этнических групп) в классе, но и активное вовлечение их в учебный процесс, адаптацию методик преподавания, использование вспомогательных технологий и формирование толерантной атмосферы, способствующей взаимному уважению и сотрудничеству.

Несмотря на очевидную значимость инклюзивного подхода, его реализация сталкивается с рядом существенных трудностей: кадровые проблемы (недостаточная квалификация педагогического состава, нехватка специалистов), материально-технические барьеры (недостаточное оснащение образовательных учреждений, отсутствие необходимого оборудования, проблемы с созданием доступной среды), методические сложности (несоответствие стандартных учебных планов особым потребностям,

необходимость адаптации образовательных программ, сложность совмещения общеобразовательных и коррекционных задач), социальные препятствия (неготовность части общества к принятию инклюзивного образования, предубеждения родителей, недостаточная включенность семей учащихся с особыми потребностями). Рассмотрим некоторые из этих трудностей подробнее.

Реализация инклюзивного образования приводит к повышению нагрузки на педагогический состав. Помимо традиционной педагогической деятельности, учителя вовлечены в процессы адаптации учеников с ОВЗ, а также детей-мигрантов с их культурно-языковыми особенностями [Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А., 2021]. Даже в рамках стандартных классов педагогам приходится учитывать индивидуальные различия учащихся (уровень способностей, особенности темперамента) в процессе преподавания. В новых условиях требования к компетентности и включенности педагогов в образовательный процесс повышаются. Всех детей нужно включить в ученический коллектив, обеспечив качественное усвоение материала и равный доступ к образовательным ресурсам. Это значительно увеличивает нагрузку на преподавателей.

Вероятно, реализация инклюзивной образовательной системы нуждается в разносторонней поддержке со стороны специалистов из других областей знания: психологов, социальных педагогов, социальных работников и иных специалистов, что позволит снизить нагрузку на учителей и повысить эффективность инклюзивных практик.

Сопровождение детей-мигрантов представляется одной из приоритетных задач в современной школе. Для решения данной задачи необходимы специальные образовательные и просветительские мероприятия для родителей детей-мигрантов, охватывающие вопросы возрастной психологии, правового просвещения и профилактики буллинга. Активное вовлечение родителей в общественную жизнь школы через участие в различных комитетах и культурных мероприятиях, посвященных традициям и истории народов, способствует формированию чувства принадлежности.

Адаптационные программы в образовательных учреждениях должны быть расширены и включать работу с дополнительной категорией учащихся (детьми-мигрантами), помимо первокурсников, учеников 5 и 10–11 классов, а также детей с ОВЗ. Видится полезным проведение тренингов по командообразованию, веревочных курсов, языковых занятий и мероприятий по адаптации, организуемых с участием психологов, социальных педагогов и лингвистов до начала учебного года со всем ученическим коллективом.

Создание условий для диалога между мигрантами и принимающим обществом является важным аспектом не только успешной интеграции, но и развития обеих культурных систем. Процесс культурного взаимодействия является объективной реальностью, и возникающие конфликтные ситуации должны рассматриваться как потенциал для повышения межкультурной компетентности и решения социальных проблем.

Ключевую роль в данном процессе играет психологическая диагностика детей, относящихся к группе риска и нуждающихся в дополнительной поддержке. Инструментальное обеспечение диагностики проблемных аспектов адаптации и поведения детей может быть реализовано через создание универсальных опросников, позволяющих выявлять агрессивные и импульсивные проявления независимо от принадлежности ребенка к какой-либо социальной группе. При обнаружении повышенного риска девиантного поведения рекомендуется работа не с отдельными учениками, а с коллективом класса в целом как с социально-психологической системой. Такой подход предполагает вовлечение в коррекционный процесс не только обучающихся, но и их семей, педагогического коллектива, администрации. Комплексный, системный подход к адаптации и развитию детей группы риска становится необходимым условием повышения эффективности образовательных и социокультурных программ.

Диагностика детей-мигрантов в школе

Поведение человека всегда оценивается и регулируется в соответствии с социальными нор-

мами и ожиданиями, существующими в конкретном обществе в данный период. Поведение, противоречащее общественным ожиданиям и требованиям, оценивается как отклоняющееся. Дети-мигранты, социализировавшиеся в социуме с иными взглядами на нормативность поведения, могут не соответствовать требованиям общества-реципиента. Определяющим показателем нормативности поведения детей-мигрантов будет уровень их социальной адаптации. Деадаптация ребенка может проявляться в социальном плане как проблемы с обучением и дисциплиной, изоляцией, и индивидуальном — негативизм в отношении требований окружающих, конфликтность, трудности саморегуляции. Состояние социальной деадаптации тесно связано с девиантным поведением — является плодотворной почвой для его зарождения и реализации [Змановская Е.В., 2004].

Важнейшей задачей психолого-педагогического сопровождения детей-мигрантов является психологическая поддержка и помощь в процессе адаптации. Процесс освоения новых условий обучения и требований образовательной среды — один из самых сложных аспектов адаптации для детей-мигрантов. Стресс от вынужденной смены места проживания, разрушение установленных культурно-коммуникативных связей накладываются на актуальные проблемы: незнание детьми русского языка, проявления мигрантофобии со стороны одноклассников, их родителей и окружающих, трудности в освоении программы, неуспеваемость [Ушева Т.Ф., Мункоева Н.А., 2019].

Сложно переживаемые ребенком «переходные» периоды жизни часто сопровождаются ощущением отверженности, отчужденности, невротическими реакциями (тревожность, эмоциональная истощенность, острая чувствительность к внешним раздражителям, утрата самоконтроля, импульсивность и т. д.). Ребенок наиболее остро реагирует на психотравмирующие ситуации в связи с неспецифическим «повышением ранимости» нервно-психической сферы, что часто является фактором, лежащим в основе функциональных расстройств работы нервной системы. Ответом ребенка на психотравмирующую ситуацию может быть повы-

шенная конфликтность, агрессивные реакции, девиантное поведение [Бенелли А.В., 2019].

В качестве наиболее выраженных индикаторов девиантного поведения подростков исследователи [Тихонова И.В., Куфтяк Е.В., 2007; Воробьева И.В., Кружкова О.В., 2015; Змановская Е.В., 2021; Клейберг Ю.А., 2025] выделяют: высокую аффективность и импульсивность поведенческих реакций, тревожность, раздражительность, вспыльчивость, конфликтность, агрессивность в сочетании с недифференцированностью отбора объектов реагирования.

Импульсивность и агрессивность, часто проявляющиеся в процессе деадаптации, — наиболее яркие показатели готовности ребенка к реализации девиантного поведения. Их можно расценивать как индикаторы психологического неблагополучия ребенка, которые без должного внимания и своевременной помощи могут стать устойчивыми свойствами, стратегией поведения личности в будущем [Кузнецова Л.Э., 2017; Ломакин Д.И. и др., 2018].

По мнению ученых-психиатров [Менделевич В.Д., Менделевич Е.Г., 2020; Ковалев В.В., 2022], патологические формы реагирования на различные психотравмирующие ситуации в детском и подростковом возрасте быстро фиксируются и закрепляются. Описанные выше поведенческие реакции ребенка еще больше усложняют процесс интеграции в новую социальную среду и усугубляют негативное отношение окружающих.

Спрашивать детей-мигрантов об уровне их импульсивности и агрессивности в школе — вероятно, означает стимулировать их на социально желательные ответы. Для снижения эффекта социальной желательности кажется более подходящим измерять степень психологического благополучия и адаптированности детей к школьной среде [Тихонова И.В., Куфтяк Е.В., 2007]. Адаптированность — обратная сторона социальной деадаптации и склонности к деструктивному поведению.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение детей-мигрантов в школах является наиболее актуальным и в то же время несовершенным аспектом деятельности. Так, психодиагностика особенностей процесса адаптации учащихся-мигрантов является проблем-

ным полем, требующим пристального внимания [Белобрыкина О.А., Дроздова А.В., 2021]. Необходим отбор адекватного психодиагностического инструментария, доступного для применения в школе и понятного иноязычному ребенку. Отсутствие специальных методик затрудняет своевременное выявление трудностей у ребенка, которые в дальнейшем могут послужить источником девиантного поведения и других проблем [Путулян Н.С., Закирова В.Г., 2021].

Разработка новых методик должна основываться на глубоком понимании специфики миграционного процесса, учитывать проблемы современной школы, в частности ограниченность ресурсов, психологические особенности ребенка-мигранта. В процессе психодиагностики важно использовать мультимодальный подход, сочетающий в себе различные методы, такие как наблюдение, интервью с ребенком, анкетирование и проективные техники [Калугин А.Ю. и др., 2025].

По нашему мнению, оптимальным вариантом, решающим проблему психодиагностики учащихся-мигрантов, в режиме экономии ресурсов может быть скрининговый комплект из 2 методик. Первая методика — вариант опросника-наблюдения для педагогов, предназначенного для выявления в поведении учащихся индикаторов импульсивности и внешней агрессивности; вторая — опросник для учащихся, состоящий из вопросов, отражающих индикаторы адаптированности к школьной среде, нацеленный на самооценку чувства адаптированности. Каждый вопрос опросника для учащихся сопровождается картинкой — вспомогательным иллюстративным материалом для понимания смысла задаваемых вопросов.

Конструкт опросников для учителей

По результатам анализа литературы были выделены 2 важные характеристики личности ребенка, доступные наблюдению со стороны педагога. Данные свойства могут актуализиро-

ваться в момент переживания стресса, закрепиться и стать основой для возникновения деструктивного поведения: импульсивность (противоположный полюс — самоконтроль) и внешняя агрессивность (противоположный полюс — доброжелательность). Наличие противоположного полюса в методике дает возможность оценить также сильные стороны ребенка, позволяющие ему сопротивляться деструктивным позывам.

Дизайн опросника для учителя предполагается в следующем виде: бланк методики представляет собой таблицу, крайние столбцы которой отражают противоположные поведенческие проявления, например, «Часто принимает решения без предварительного обдумывания» (полюс «импульсивность») — «Принимает решения, обдумывая возможные последствия, прежде чем действовать (полюс «самоконтроль»», «Может высказывать неприличные или обидные шутки в адрес других» (полюс «агрессивность») — «Избегает обидных шуток или комментариев в адрес других» (полюс «доброжелательность»). Шкала ответов (располагается между противоположными высказываниями) выглядит как оценка выраженности того или иного поведения: -2, -1, 0, 1, 2 (например, выбор «-2» говорит о превалировании у ребенка импульсивного поведения, а выбор «2» — о выраженном самоконтроле). При обработке данная шкала переводится в шкалу: 1, 2, 3, 4, 5. С целью повышения объективности оценок, полученных с помощью опросника для учителя, желательно, чтобы несколько экспертов (учителей) оценили одного ребенка, после чего их ответы были бы усреднены.

В таблицах 1 и 2 представлены измеряемые феномены (шкалы и их определения), поведенческие индикаторы (критерии) и пункты разрабатываемого опросника. Перечень вопросов может сократиться по результатам будущего пилотного исследования, поэтому вопросы составлены с некоторым запасом.

Таблица 1. Описание шкал, поведенческих индикаторов и пунктов опросника импульсивности-самоконтроля детей (для учителей)

Table 1. Description of scales, behavioral indicators, and items of the questionnaire of children's impulsivity-self-control (for teachers)

Шкала	Индикаторы	Пункты
<i>Импульсивность</i> — склонность человека действовать спонтанно вне зависимости от содержания деятельности под влиянием внутренних или внешних раздражителей без предварительного обдумывания и учета последствий, сопровождается слабым контролем эмоций.	Действует спонтанно, без предварительного обдумывания	– Часто принимает решения без предварительного обдумывания – Часто делает выбор спонтанно – Проявляет непредсказуемость реакций в социальных контактах
	Сразу реагирует на появление внутренних и внешних раздражителей	– Легко выходит из себя даже по незначительным поводам – Не способен контролировать свои сиюминутные импульсы – При появлении новых стимулов легко отвлекается – Перебивает других детей или взрослых, не дослушав
	Слабо контролирует эмоции, эмоционально несдержан	– Быстро выходит из себя, может закричать или вспылить, не сдерживает эмоции – Легко поддается влиянию эмоционального состояния окружающих, испытывает трудности в контроле собственных эмоций
	Проявляет рискованное поведение, не учитывает последствия своих действий	– Часто нарушает правила, не задумываясь о последствиях – Участвует в опасных играх или действиях, не задумываясь о последствиях – Совершая рискованные действия, недооценивает потенциальную опасность для себя и окружающих
	При появлении потребности стремится немедленно ее удовлетворить	– Не может долго сидеть на месте, встает без разрешения – Не способен ждать, откладывать удовлетворение возникших потребностей – Не может дождаться своей очереди в играх или в разговоре – При столкновении с трудностями бурно реагирует и прекращает дальнейшее выполнение дела
	Проявляет нетерпение, когда сталкивается с языковым барьером в коммуникации	– Бросает игру, если его не понимают (языковой барьер) – Бурно эмоционально реагирует, когда одноклассники не могут понять, о чем он говорит – Быстро теряет терпение, если учитель объясняет задание слишком быстро и ему трудно уловить смысл
<i>Самоконтроль</i> — способность субъекта с учетом оценки своих актуальных потребностей и наличия условий для их удовлетворения во внешней среде планировать активность и прогнозировать последствия ее	Может сдерживать свои побуждения, если они не соответствуют актуальным условиям	– Сдержан, старается выслушать, не перебивает других – Умеет ждать своей очереди в играх или в разговоре – Демонстрирует предсказуемое поведение и реакции в социальных контактах – Способен ждать и откладывать удовлетворение возникших потребностей – Может контролировать свои сиюминутные импульсы

реализации.	Регулирует свои эмоциональные реакции, учитывая актуальную ситуацию (уместность)	– Контролирует себя, может сдерживать эмоции – Контролирует эмоции, не поддается влиянию эмоционального состояния окружающих – Не проявляет бурной эмоциональной реакции, может контролировать свои эмоции
	Может следовать заданному алгоритму действий (инструкции), если тот приближает его к поставленной цели	– Старается выполнять правила, понимая их значение
	Способен прогнозировать свое поведение, принимает решения, учитывая возможные последствия	– Обдумывает последствия выбора перед принятием решения – Принимает решения, обдумывая возможные последствия, прежде чем действовать – Избегает рискованных действий и проявляет заботу о своей безопасности и безопасности других – Старается не совершать рискованных действий, оценивая возможную угрозу
	Способен сосредоточиться на выполнении конкретной задачи, не отвлекаясь на внешние и внутренние раздражители	– Усидчив, не склонен к спонтанной активности – Может долго заниматься одним делом, не отвлекаясь на новые стимулы
	Проявляет гибкость при достижении цели, может скорректировать свое поведение в соответствии с изменяющимися обстоятельствами	– При столкновении с трудностями старается довести начатое дело до конца, проявляя гибкость и корректируя свое поведение
	Проявляет терпение, когда сталкивается с языковым барьером в коммуникации, спокойно объясняет и повторяет, если что-то было не понятно	– Если в игре его плохо понимают, терпеливо объясняет заново другими словами – Когда одноклассники не могут понять, о чем он говорит, сохраняет спокойствие и проясняет свою мысль – Чтобы правильно выполнить задание, смысл которого не понял, просит учителя объяснить его медленнее или другими словами

Таблица 2. Описание шкал, поведенческих индикаторов и пунктов опросника внешней агрессивности-доброжелательности детей (для учителей)

Table 2. Description of scales, behavioral indicators, and items of the questionnaire of children's external aggressiveness-friendliness (for teachers)

Шкала	Индикаторы	Пункты
Агрессивность внешняя (направленная на внешнюю среду) — склонность человека проявлять активность, направленную на разрушение объектов материальной среды и нанесение физического и морального вреда окружающим.	Выбирает деструктивные формы поведения (дерется, угрожает, оскорбляет, портит вещи и др.) при решении возникающих проблем	– Может высказывать неприличные или обидные шутки в адрес других – Проявляет физическую агрессию по отношению к другим (толкает, бьет, ломает вещи других детей) – Использует оскорбительные слова, ругательства или угрожающие фразы в адрес сверстников или взрослых – Участвует в драках или спорах, не пытаясь разрешить конфликты мирным путем – Не умеет выстраивать уважительные взаимоотношения со сверстниками, часто использует угрозы, манипуляции – Демонстрирует враждебность в игре (выбирает роли злодеев, разрушает чужие постройки и т.п.) – Применяет угрозы или физическую силу, чтобы

		получить желаемое от других
	Осознанно пренебрегает общепринятыми правилами поведения	– Часто демонстрирует недовольство, злость или неприязнь к требованиям окружающих – Демонстративно использует нецензурную лексику, подчеркивая свое неуважение к правилам
	Разрушает объекты окружающей среды	– Уничтожает или портит вещи других детей, школьную мебель
	Склонен к провокациям, намеренно вызывает конфликтные ситуации	– Акцентирует внимание на недостатках других, провоцирует, пытаясь вызвать у них негативные эмоции – Намеренно вызывает конфликтные ситуации
	Демонстрирует силу и превосходство	– Когда делают замечание за нарушение правил, улыбается, демонстрируя равнодушие, превосходство – В социальных взаимодействиях всегда старается доминировать – Не уважает личное пространство других, нарушает чужие границы, чтобы показать свою силу – Может причинять боль и страдание другим, не обращая на это внимания – Ревностно относится к чужим успехам, обижается, проявляет жадность, агрессию
	Проявляет физическую и/или вербальную агрессию, когда сталкивается с языковым барьером в коммуникации	– Агрессивно реагирует, когда учитель его не понимает (языковой барьер) – Может использовать физическую силу, если одноклассник его не понимает (языковой барьер) – Дерется и оскорбляет одноклассников, если они смеются над его ошибками в речи – Злится, когда его поправляют за ошибки в русском языке
<i>Доброжелательность</i> — это свойство личности, проявляющееся в позитивном отношении к другим людям и окружающему миру, в способности понимать, уважать и принимать мысли и чувства других, выстраивать конструктивное взаимодействие с окружающими людьми и миром в целом.	Проявляет дружелюбие во взаимодействии с окружающими, избегает физической и вербальной агрессии	– Избегает обидных шуток или комментариев в адрес других – Не использует физическую силу по отношению к другим детям – Крайне редко, практически никогда не использует оскорбительные слова, ругательства или угрожающие фразы в адрес сверстников или взрослых – Пытается разрешить конфликты мирным путем – Стремится к мирным взаимоотношениям, избегает конфликтов – Чтобы получить желаемое, может обратиться за помощью или предложить взаимовыгодные условия (сотрудничество)
	Понимает потребности и чувства других людей и бережно к ним относится, эмпатичный	– Старается не забывать о благополучии окружающих – Понимает и уважает личное пространство других, не нарушает личные границы без разрешения – В социальных взаимодействиях не пытается доминировать
	Принимает и уважает взгляды, жизненные ценности и мировоззрение других людей	– Умеет налаживать и поддерживать дружеские связи, проявляя уважение к взглядам других – Толерантен, не акцентирует внимание на недостатках других
	Готов прийти на помощь нуждающемуся	– Отзывчив, готов делиться с другими, радоваться их успехам

	– Играет с другими детьми мирно
Заботится не только о благополучии людей, но и сохранности окружающей среды	– Бережно относится как к своим, так и к чужим вещам
Принимает и соблюдает правила и нормы общественной жизни	– Не допускает публичного использования нецензурной лексики – Прислушивается к требованиям, старается соблюдать правила – Когда делают замечание за нарушение правил, реагирует адекватно, признает вину
Доброжелателен в коммуникациях даже когда сталкивается с языковым барьером	– С пониманием относится, когда учитель просит его повторить и уточнить сказанное – Если одноклассник его не понимает, то повторяет еще раз или объясняет другими словами – Спокойно относится к шуткам одноклассников по поводу ошибок в его речи – Когда его поправляют за ошибки в русском языке, реагирует на это спокойно и корректирует свою речь

Конструкт опросника для детей

При разработке конструкта опросника самооценки чувства адаптированности к школьной среде, мы опирались на идеи ряда авторов [Тихонова И.В., Куфтяк Е.В., 2007; Маклаков А.Г., Авдиенко Г.Ю., 2015] о том, что психологическое здоровье и чувство психологической удовлетворенности являются показателями успешной адаптации в новом культурном контексте.

Кроме этого, исследователями [Маклаков А.Г., Авдиенко Г.Ю., 2015] подчеркивается значимость субъективной оценки учащимся собственного личностного развития и среды, в которой он взаимодействует с другими субъектами образовательного процесса: для того, чтобы сделать выводы о благополучном или неблагополучном развитии учащегося, предлагается оценить «степень его адаптированности к условиям обучения». Степень адаптированно-

сти, как субъективное состояние удовлетворенности собой, своими успехами, социальным взаимодействием, уровнем безопасности образовательной среды, может быть выявлена через самооценку учеником степени его комфортности в этой среде.

Опросник для детей-мигрантов был облегчен в сравнении с опросником для учителей: шкала ответов включала только два варианта: «да» и «нет», в помощь предлагается картинка, отражающая переживаемые «лирическим героем» эмоции (в статье картинки не представлены). В таблице 3 приведено описание изучаемого феномена, критерии оценивания (индикаторы) и пункты разрабатываемого опросника.

Опросник предполагает небольшое количество пунктов с простыми формулировками вопросов, чтобы быть понятным детям с 6–7 лет, в том числе детям, плохо владеющим русским языком.

Таблица 3. Описание шкалы, поведенческих/ментальных индикаторов и пунктов опросника самооценки чувства адаптированности для детей мигрантов

Table 3. Description of the scale, behavioral/mental indicators, and items of the self-assessment questionnaire for migrant children regarding the sense of adaptation

Шкала	Индикаторы	Пункты
Самооценка чувства адаптированности к школьной среде — оценка уровня психологического комфорта личности учащегося, в целом выра-	Ощущает себя в безопасности в школе	– Тебе нравится ходить в школу? – Тебе в школе хорошо и спокойно?
	Чувствует, что может свободно проявлять себя, свои чувства, мысли и способности в школьной	– В своей школе ты можешь говорить обо всем, что думаешь? – В своей школе ты чувствуешь

жающего в желании посещать школу (ощущение своей безопасности в школе; возможность проявлять себя, свои чувства, мысли и способности в школьной среде; наличие дружеских отношений со сверстниками; взаимопонимание с учителями; удовлетворенность от процесса и результата своей деятельности).	среде	себя свободно?
	Имеет друзей в школе	– У тебя есть в школе друзья? – У тебя хорошие одноклассники?
	Не боится учителя, знает, что всегда может получить поддержку, если обратится за помощью	– Тебе нравятся учителя в школе? – Ты можешь попросить учителя помочь?
	Получает удовлетворение от процесса и результата своей учебной и внеклассной деятельности в школе	– Тебе нравится учиться? – У тебя есть успехи в школе?
	Имеет поддержку семьи в адаптации, социальной интеграции, формировании языковой компетентности	– Ты хорошо говоришь по-русски? – Дома вы говорите по-русски? – Тебе нравится рассказывать о своей семье, стране или традициях? – Ты приглашаешь к себе в гости одноклассников, с которыми дружишь? – В твоей школе есть правила, которые тебе кажутся необычными? – Ты чувствуешь, что тебе нужно «прятать» свои традиции, чтобы быть принятым в классе? – Твоя семья помогает тебе разбираться, как вести себя в новой среде?

Заключение

Несмотря на рассмотренные выше трудности, инклюзивное образование продолжает развиваться как приоритетное направление модернизации образовательной системы. В условиях растущей социальной дифференциации и многообразия ответственность за формирование инклюзивной и адаптивной среды лежит на междисциплинарной кооперации специалистов, включающей психологов, педагогов, социальных работников, специалистов управления образованием. Разработка и внедрение комплексных программ, в которые включены регулярная психологическая диагностика и сопровождение детей группы риска, является одним из стратегических направлений социальной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития многоэтнического общества.

Список литературы

Абакумова И.В., Брижак З.И., Годунов М.В. Зона комфорта как основа гипердаптивной стратегии смыслообразования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/71PSMN420.pdf> (дата обращения: 20.09.2025). EDN: MNCTCS

Ахметшина Л.В. Инклюзивное образование: проблемы и пути их решения // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4(141). С. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.34772/KPJ.2020.141.4.030> EDN: UOCHXM

Барышева Ю.С., Волжанцева Е.В. Социокультурная адаптация детей-мигрантов в России: интеграционные культурные мероприятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1(843). С. 207–219. DOI: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_1_843_207 EDN: ITWUPK

Белобрыкина О.А., Дроздова А.В. Социально-психологическая адаптация: проблемы измерения (на примере анализа методики К.Р. Роджерса и Р.Ф. Даймонд) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 3. С. 10–41. DOI: <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-3-10-41> EDN: SBKZWN

Бенелли А.В. Специфика неврозов у детей: этиология и симптоматика // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 3. С. 69–74. EDN: FDRHXQ

Воробьева И.В., Кружкова О.В. Психология вандализма: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2015. 304 с. EDN: VTWFOF

Дохильгова Д. М., Магомедова П.Г. Миграционные процессы в условиях глобализации: вызовы и возможности // Journal of Monetary Economics and Management. 2023. № 2. С. 64–68. DOI: https://doi.org/10.47576/2782-4586_2023_2_64 EDN: GSVDWG

Думнова Э.М., Муха В.Н. Теоретический дискурс по проблеме социокультурной адаптации мигрантов в современном мире // Идеи и идеалы. 2022. № 2-2. С. 380–394. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-380-394> EDN: XBOXCF

Ежкова Н.С., Постникова А.В. Сущность, содержание, структура социально-психологической адаптации детей раннего возраста // Вестник экспериментального образования. 2018. № 2(15). URL: <http://www.ppracademy.ru/wp-content/uploads/2018/04/093.pdf> (дата обращения: 20.09.2025). EDN: XQWVCX

Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2004. 288 с.

Змановская Е.В. Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 12–23. DOI: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23> EDN: OKSMXD

Исаев Г.В. Миграционные процессы в условиях глобализации: совершенствование и управление // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 198–204. EDN: VMHCWP

Калугин А.Ю., Криницына О.П., Гурова О.В. К проблеме диагностики склонности к деструктивному поведению в мультикультурной среде // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Пенза, 21–22 марта 2025 года. Пенза: Перо, 2025. С. 83–87. EDN: VBLUEH

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М.: Юрайт, 2025. 287 с.

Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста (руководство для врачей). М.: RUGRAM, 2022. 608 с.

Крылова М.А. Истоки и социальные основы девиантного поведения в современных общественных практиках // Телескоп. 2021. № 3. С. 84–89. DOI: https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_3_84 EDN: JFEIBY

Кузнецова Л.Э. Психологические особенности формирования и коррекции девиантного поведения

у детей подросткового возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивности // Гуманизация образования. 2017. № 6. С. 107–113. EDN: YOJWGC

Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А. Повышение эффективности подготовки учителей к осуществлению индивидуализации образовательной среды в условиях инклюзивного образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 4(49). С. 135–145. EDN: FHPKDD

Ломакин Д.И., Корнеев А.А., Курганский А.В., Мачинская Р.И. Склонность к риску и девиантное поведение у подростков // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5, № 4. С. 4–14. EDN: MVBCKC

Маклаков А.Г., Авдijenко Г.Ю. Социально-психологическая комфортность для обучающегося в образовательной среде вуза и методы ее диагностики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 94–99. EDN: TMDJLZ

Менделевич В.Д., Менделевич Е.Г. Психиатрия. Ростов-на-Дону: Феникс, 2020. 412 с.

Мутаев У.К. Проблемы социальной адаптации и интеграции детей-мигрантов в российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4(56). С. 155–158. EDN: TNGLSK

Носова Т.М., Шведов В.Г., Колыванова Л.А. Инклюзивное образование – стратегическое направление современного образования России // Молодой ученый. 2016. № 16.1(120.1). С. 37–41. EDN: WINQHD

Путулян Н.С., Закирова В.Г. Адаптация детей-мигрантов в российской школе: опыт применения метода экспертных оценок в диагностике адаптации // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3(146). С. 165–171. DOI: <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.147.3.023> EDN: JHCPVO

Тихонова И.В., Куфтяк Е.В. Психологический анализ условий адаптации детей-мигрантов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. № 2. С. 150–159. EDN: MUGBJB

Ушева Т.Ф., Мункоева Н.А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. № 8. С. 47–57. EDN: JUMXZG

References

Abakumova, I.V., Brizhak, Z.I. and Godunov, M.V. (2020). [Comfort zone as the basis of a hyper-

adaptive strategy of meaning formation]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 8, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/71PSMN420.pdf> (accessed: 20.09.2025).

Akhmetshina, L.V. (2020). [Problems and solution ways of inclusive education]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. No. 4(141), pp. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.34772/KPJ.2020.141.4.030>

Barysheva, Yu.S. and Volzhantseva, E.V. (2021). [Sociocultural adaptation of migrant children in Russia: integration cultural events]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. No. 1 (843), pp. 207–219. DOI: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_1_843_207

Belobrykina, O.A. and Drozdova, A.V. (2021). [Socio-psychological adaptation: measurement problems (on the example of the analysis of the methodology of K.R. Rogers and R.F. Diamond)]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri* [Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia]. No. 3, pp. 10–41. DOI: <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-3-10-41>

Benelli, A.V. (2019). [The specificity of neuroses in children: etiology and symptoms]. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta* [Vestnik MGSU]. No. 3, pp. 69–74.

Dokhkil'gova, D.M. and Magomedova, P.G. (2023). [Migration processes in the context of globalization: challenges and opportunities]. *Journal of Monetary Economics and Management*. No. 2, pp. 64–68. DOI: https://doi.org/10.47576/2782-4586_2023_2_64

Dumnova, E.M. and Mukha, V.N. (2022). [Theoretical discourse on the problem of socio-cultural adaptation of migrants in the modern world]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 2-2, pp. 380–394. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-380-394>

Ezhkova, N.S. and Postnikova, A.V. (2018). [Essence, content, and structure of socio-psychological adaptation of young children]. *Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya* [Bulletin of Experimental Education]. No. 2(15). Available at: <http://www.ppacademy.ru/wp-content/uploads/2018/04/093.pdf> (accessed 20.09.2025).

Isayan, G.V. (2016). [Migration processes in the context of globalization: improvement and management]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumani-*

tarnye issledovaniya [Social and Economic Sciences and Humanities Research]. No. 10, pp. 198–204.

Kalugin, A.Yu., Krinitsyna, O.P. and Gurova, O.V. (2025). [On the problem of diagnosing destructive behavior in a multicultural environment]. *Aktual'nye problemy issledovaniya massovogo soznaniya: materialy vos'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Penza, 21–22 marta 2025 goda* [Actual Problems of Mass Consciousness Research: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Penza, March 21–22, 2025]. Penza: Pero Publ., pp. 83–87.

Kleyberg, Yu.A. (2025). *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of deviant behavior]. Moscow: Yurayt Publ., 287 p.

Kovalev, V.V. (2022). *Psikhiatriya detskogo vozrasta (rukovodstvo dlya vrachey)* [Psychiatry of childhood (a guide for doctors)]. Moscow: RUGRAM Publ., 608 p.

Krylova, M.A. (2021). [Origins and social foundations of deviant behavior in modern social practices]. *Teleskop* [Telescope]. No. 3, pp. 84–89. DOI: https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_3_84

Kuz'micheva, T.V. and Afon'kina, Yu.A. (2021). [Improving the effectiveness of teacher training for individualization of the educational environment in inclusive education]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific Support of a System of Advanced Training]. No. 4 (49), pp. 135–145.

Kuznetsova, L.E. (2017). [Psychological features of the formation and correction of deviant behavior in adolescents with attention deficit hyperactivity disorder]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of Education]. No. 6, pp. 107–113.

Lomakin, D.I., Korneev, A.A., Kurganskij, A.V. and Machinskaya, R.I. (2018). [Risk-taking and Deviant Behavior in Adolescents]. *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki* [The Russian Journal of Cognitive Science]. Vol. 5, no. 4, pp. 4–14.

Maklakov, A.G. and Avdienko, G.Yu. (2015). [Social and psychological comfort for students in the educational environment of a university and methods of its diagnostics]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement]. No. 1 (60), pp. 94–99.

Mendelevich, V.D. and Mendelevich, E.G. (2020). *Psikhiatriya* [Psychiatry]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 412 p.

Mutaev, U.K. (2019). [Problems of social adaptation and integration of migrant children in Russian society]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vest-

nik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 4 (56), pp. 155–158.

Nosova, T.M., Shvedov, V.G. and Kolyvanova, L.A. (2016). [Inclusive education — a strategic direction of modern education in Russia]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 16.1(120.1), pp. 37–41.

Putulyan, N.S. and Zakirova, V.G. (2021). [Adaptation of migrant children in the Russian school: experience of using the method of expert assessments in the diagnosis of adaptation]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. No. 3 (146), pp. 165–171. DOI: <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.147.3.023>

Tikhonova, I.V. and Kuftyak, E.V. (2007). [Psychological analysis of the adaptation conditions of migrant children]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. No. 2, pp. 150–159.

Usheva, T.F. and Munkoeva, N.A. (2019). [Social adaptation of migrant children in a general education school]. *Russian Journal of Education and Psychology*. No. 8, pp. 47–57.

Vorob'eva, I.V. and Kruzhkova, O.V. (2015). *Psikhologiya vandal'nogo povedeniya* [Psychology of vandal behavior]. Ekaterinburg: UrGPU Publ., 304 p.

Zmanovskaya, E.V. (2004). *Deviantologiya: psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya* [Deviantology: psychology of deviant behavior]. Moscow: Akademiya Publ., 288 p.

Zmanovskaya, E.V. (2021). [Modern Russian deviantology: history, methodology, social challenges, and current trends]. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal* [Russian Deviantology Journal]. No. 1, pp. 12–23. DOI: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>

Об авторах

Гурова Ольга Валерьевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614000, г. Пермь, ул. Пушкина 44;
e-mail: ovgurova@yandex.ru
ResearcherID: LTF-4124-2024

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614000, г. Пермь, ул. Пушкина 44;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Olga V. Gurova

Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
44 Pushkin St, Perm, 614000, Russia;
e-mail: ovgurova@yandex.ru
ResearcherID: LTF-4124-2024

Alexey Yu. Kalugin

Candidate of Psychology, Head of the Department of
Theoretical and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
44 Pushkin St, Perm, 614000, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

УДК 159

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-480-491>

EDN: SJKQKS

Поступила: 26.09.2025

Принята: 03.12.2025

Опубликована: 01.10.2026

ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА ЮНЫХ ГИМНАСТОК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СПОРТИВНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

Рагулина Анна Алексеевна, Русяева Ирина Александровна

Тюменский государственный университет (Тюмень)

Вопросы мотивации и развития волевых качеств спортсмена всегда находятся в центре внимания тренеров, спортивных психологов, исследователей. Актуальность изучения данных вопросов обусловлена высокой востребованностью волевых качеств для достижения успехов в спорте и позволяет определить проблему изучения мотивации к достижению успеха в спорте посредством выраженности волевых качеств. Целью исследования выступило изучение связи волевых качеств и мотивации к достижению успеха в спорте у юных воздушных гимнасток-акробатов в возрасте 11–13 лет с разным уровнем спортивных достижений. В результате исследования с участием 60 спортсменок было выявлено, что мотивация к достижению успеха связана с развитием таких волевых качеств, как целеустремленность, настойчивость и упорство, решительность и смелость, дисциплинированность. В результате статистической обработки данных при сравнении гимнасток первой группы (1 разряда, КМС) и второй (2-й, 3-й спортивные разряды) было выявлено, что гимнастки первой группы обладают более высоким уровнем мотивации к достижению успеха по сравнению с гимнастками второй группы. В мотивации к избеганию неудач между группами спортсменок с разным уровнем квалификации различий обнаружено не было. Результаты исследования могут быть полезны спортивным психологам и тренерам в работе с юными гимнастками, поскольку акцентируют важность развития целеустремленности и дисциплинированности у юных гимнасток, а также настойчивости и упорства, решительности и смелости, которые имеют важное значение для повышения мотивации к достижению успеха в спорте.

Ключевые слова: юные спортсменки, мотивация к достижению успеха, мотивация к избеганию неудач, волевые качества, спорт, гимнастика.

Для цитирования:

Рагулина А.А., Русяева И.А. Волевые качества юных гимнасток с разным уровнем спортивных достижений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 480–491. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-480-491>. EDN: SJKQKS

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-480-491>

Received: 26.09.2025

Accepted: 03.12.2025

Published: 01.10.2026

VOLITIONAL QUALITIES OF YOUNG GYMNASTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SPORTS ACHIEVEMENTS

Anna A. Ragulina, Irina A. Rusyaeva

University of Tyumen (Tyumen)

Athletes' motivation and willpower development are issues that remain at the center of attention for coaches, sports psychologists, and researchers. Volitional qualities are essential for achieving success in sports, which indicates the need to analyze motivation to achieve athletic success through the degree of

their manifestation. The study investigates the relationship between volitional qualities and motivation to achieve success in sports among young acrobatic gymnasts aged 11–13 years with different levels of athletic achievements. An analysis of 60 female athletes has revealed that the achievement motivation correlates with the development of such qualities as determination, perseverance and tenacity, decisiveness and courage, discipline. Statistical analysis comparing gymnasts of the first group (1st sports grade, Candidate Master of Sports) and the second group (Second and Third Sports Grades) has revealed a higher level of achievement motivation in gymnasts of the former. No significant differences were found between the two groups regarding the motivation to avoid failure. The results of the study can be useful to sports psychologists and coaches in working with young gymnasts because they emphasize the importance of developing commitment and discipline in young gymnasts, as well as perseverance, persistence, determination, and courage, which are important for increasing motivation to achieve success in sports.

Keywords: young female athletes, motivation to achieve success, motivation to avoid failure, volitional qualities, sports, gymnastics.

To cite:

Ragulina A.A., Rusyaeva I.A. [Volitional qualities of young gymnasts with different levels of sports achievements]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 480–491 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-480-491>. EDN: SJKQKS

Введение

Под волей мы понимаем «способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия (то есть свои непосредственные желания и стремления)» [Большой психологический словарь, 2009, с. 96]. Воля формируется в процессе решения задач в деятельности. Спортивная деятельность предполагает формирование и становление личности спортсмена особенно в части развития его волевых качеств.

Актуальность изучения волевых качеств юных гимнасток 11–13 лет обусловлена несколькими причинами. В спорте достаточно высокие требования к дисциплине и самоконтролю: как художественная, так и спортивная гимнастика требуют преодоления боли и трудностей, самоотдачи, без которых невозможно выдерживать длительные тренировки и осваивать сложные элементы. Также гимнастика является сложным видом спорта, требующим высокой координации и концентрации, обусловлен необходимостью постоянно контролировать движения тела, для чего нужны упорство и высокий самоконтроль. Кроме того, специфика соревновательной деятельности предполагает умение справляться с эмоциональным состоянием, ввиду чего востребованными становятся выдержка, целеустремлен-

ность, решительность. Важно также исследовать связи волевых качеств с мотивацией к достижению успеха, поскольку это является ключевым фактором для достижения наилучших показателей в спортивной деятельности.

В спорте мотивация становится одним из решающих факторов достижения успеха, где в очень сжатые сроки в условиях высокой конкуренции требуется достичь наилучшего результата. В исследовании С.В. Ильинского установлено, что для спортсменов, занимающихся спортивной гимнастикой, сильнее выражены мотивы эмоционального удовольствия и рационально-волевой мотив [Ильинский С.В., 2013]. При этом выделяют разные типы мотивации: педагогическую, которая исходит от тренера, и психологическую, источником которой служат личностные качества спортсмена: желание побеждать, чувство превосходства над сверстниками, а также поддержка близких [Намазов А.К., 2016].

Занятия спортом предполагают высокий уровень физической и эмоциональной нагрузки на спортсмена, наличие тревог, связанных с участием в соревнованиях (публичность, оценка судьями, значимость результата). Все это может негативно сказываться на психологическом здоровье детей и подростков, вызывать психическое напряжение и стресс [Огородова Т.В., 2013].

Спортсменам для достижения наилучших результатов необходимо уметь преодолевать множество стрессовых факторов [Синюшкина С.Д., Меркеева Е.О., 2020] в относительно сжатые сроки. Основопологающей для спорта является мотивация к достижению успеха, поскольку спортсмен, обладающий такой мотивацией, ориентирован на конкурентную борьбу, устремлен достичь наилучшего результата по сравнению с соперниками, а также в сравнении с собственным результатом [Серова Л.К., 2020]. Исследователями установлено, что у людей, занимающихся спортом, данный тип мотивации преобладает больше, чем у тех, кто не занимается спортом. В исследовании Е.Е. Madsen и соавт. было установлено, что спортсмены профессионального уровня характеризуются сильной мотивацией к успеху, в то время как менее квалифицированные спортсмены испытывают сильный страх неудачи [Madsen et al., 2024]. Мотивация занятий спортом в целом соотносится с общей направленностью мотивации личности на достижения. Мотивация достижения определяет творческое, инициативное отношение человека к делу, ориентирована на достижение результата и проявляется в стремлении человека прилагать усилия и добиваться лучших для себя результатов в области, которую он считает значимой [Бянкина Л.В. и др., 2019]. Мотивацию к достижению можно развить с помощью специальных методик, в числе которых для детей используется игра [Марочкина Н.В., 2010]. Среди поддерживающих мотивацию факторов у юных гимнасток младшего школьного и подросткового возраста существенную роль играют средовые факторы: поддержка родителей, друзей по тренировочной группе [Сердюкова Е.И., 2017].

Ряд исследователей отмечают, что, помимо формирования мотивации к достижению успеха, для эффективного выполнения деятельности следует привлекать спортсменов к обсуждению основных вопросов тренировки и соревнований [Климова И.В., Лебядихин В.В., 2020]. Таким образом, фактор самосознания имеет большое значение для эффективности спортивной деятельности и преодоления стрессовых факторов.

Личностные качества и их развитие также играют важную роль в спортивной деятельно-

сти. Исследователи предполагают, что адаптивный перфекционизм, предрасположенность к надежде и высокий уровень оптимизма являются новыми переменными в области внутренних личностных качеств спортсмена, которые следует учитывать [Gould D. et. al., 2002]. Результаты исследования J. Antonio показали, что высокая личная эффективность и целеполагание спортсмена связаны с улучшением мотивации и результативности [Antonio J., 2023].

Что касается исследований личностных качеств детей и подростков, занимающихся гимнастикой, Е.Е. Биндусов с соавт. [Биндусов Е.Е. и др., 2023] установили, что гимнастки 7–8 лет превосходят сверстниц, не занимающихся спортом, по способности к обучаемости и целеустремленности. Также исследователи отмечают, что для достижения успеха в гимнастике важен реалистичный уровень притязаний [Овсянникова М.А. и др., 2024], при повышении которого возрастает спортивная мотивация.

Личностные особенности гимнасток различаются в зависимости от их специализации в групповых либо индивидуальных видах художественной гимнастики [Кашапов М.М. и др., 2017]: направленность на себя достоверно выше у выступающих в индивидуальной программе, а у гимнасток, выступающих в групповых упражнениях, преобладает направленность на общение, также у них более выражены такие волевые качества, как инициативность и решительность.

А.С. Мальнева и соавт. [Мальнева А.С. и др., 2022] отмечают, что у 55–65 % обследованных гимнасток, занимающихся художественной гимнастикой, на этапе спортивного совершенствования волевые качества находятся на низком уровне. Высокий уровень имеют всего 10 % гимнасток. Наиболее представлены смелость, решимость, целеустремленность. 30–40 % гимнасток имеют средний уровень представленности волевых качеств. Авторы отмечают, что проявление волевых качеств связано с эмоциями, которые испытывает спортсмен. Волевая регуляция вступает в силу, когда эмоция дезорганизует деятельность. Сам волевые качества рассматриваются как ком-

пенсаторы определенных «отрицательных» эмоциональных состояний.

Наше исследование сосредоточено на изучении волевых качеств юных гимнасток разного уровня квалификации. Выбор возрастной группы 11–13 лет обусловлен задачей развития личностных качеств, способствующих сохранению и поддержанию у гимнасток выраженной мотивации к достижению успеха. Младший подростковый возраст характеризуется интересом к собственной личности и поиском идентичности, желанием быть взрослым. Кроме того, этот возраст считается исследователями сензитивным для развития воли [Прилепских О.С., 2019]. Подростки могут настаивать на своей самостоятельности, меньшей зависимости от родителей, что находит отражение в развитии волевых качеств, которые проявляются и в спортивной деятельности. Идентификация себя со спортивной ролью может способствовать желанию достигать успехов на соревнованиях и реализоваться в этой роли.

Цель исследования: изучение связи волевых качеств и мотивации к достижению успеха в спорте у юных воздушных гимнасток-акробатов в возрасте 11–13 лет.

В исследовании приняли участие 60 спортсменок, занимающихся воздушной гимнастикой-акробатикой со стажем занятий гимнастикой от 3 лет. Первую группу составили 30 гимнасток, имеющих 1-спортивный разряд и КМС. Вторую группу составили 30 гимнасток, имеющих 2-й, 3-й спортивные разряды.

Группы были уравнены по контролируемым переменным — стажу занятий спортом и возрасту.

Методы исследования

В исследовании были применены следующие психодиагностические методики.

1. «Опросник мотивации к достижению цели, к успеху и к избеганию неудач, к самозащите» Т. Элерса, который позволяет выявить уровень мотивации к успеху и уровень мотивации к избеганию неудач.

2. Методика диагностики интегральных аспектов мотивации спортивной деятельности С.С. Сагайдак, с помощью которой можно определить самооценку наличия у спортсмена волевых качеств (целеустремленность, настойчивость, самостоятельность, решительность, выдержка, дисциплинированность), необходимых для мотивационно-волевой регуляции в достижении высоких результатов спортивной деятельности [Сагайдак С.С., 2001].

За пределами нашего внимания осталась оценка тренером представленности волевых качеств у спортсменок, что можно отнести к ограничениям данного исследования.

Статистическая обработка данных проводилась в программе Statistica 8 с помощью U-критерия Манна — Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ частот значений по результатам диагностики мотивации к достижению успеха и избеганию неудач представлен на рисунках 1 и 2.

В первой группе у 70 % гимнасток выявлен высокий уровень мотивации к достижению успеха и 30 % — умеренно высокий. Во второй группе гимнасток 87 % спортсменок имеют средний уровень мотивации, 3 % — умеренно высокий и 1 % — низкий (рис. 1).

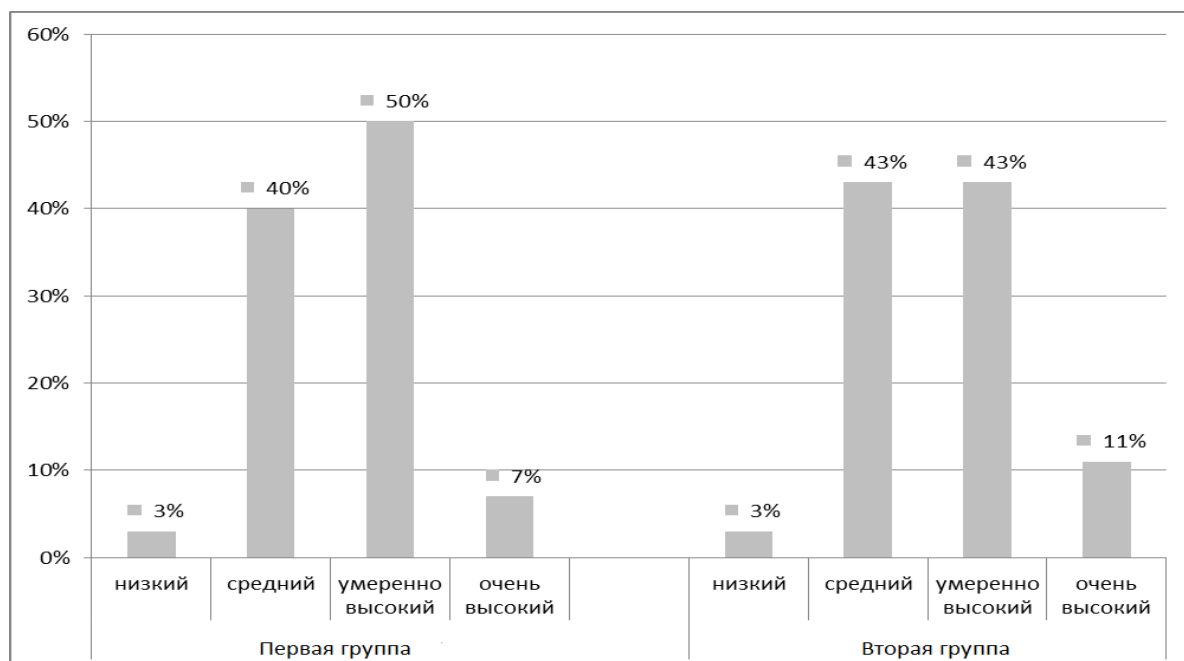

Рис. 1. Распределение уровней мотивации к достижению успеха в спорте у гимнасток с разной квалификацией
Fig. 1. Distribution of levels of motivation to achieve success in sport among gymnasts with different qualifications

Данные по мотивации к избеганию неудач распределились иначе (рис. 2). Низкий уровень мотивации к избеганию неудач в обеих группах составляет 3 %. В первой группе гимнасток средний и умеренно высокий уровни мотивации составляют 40 и 50 % выборки соответственно. У 7 % респонденток присутствует

очень высокий уровень мотивации к избеганию неудач. В группе гимнасток с более низкими разрядами средний и умеренно высокий уровень показывают по 43 % респонденток, и 11 % выборки демонстрируют очень высокий уровень мотивации к избеганию неудач.

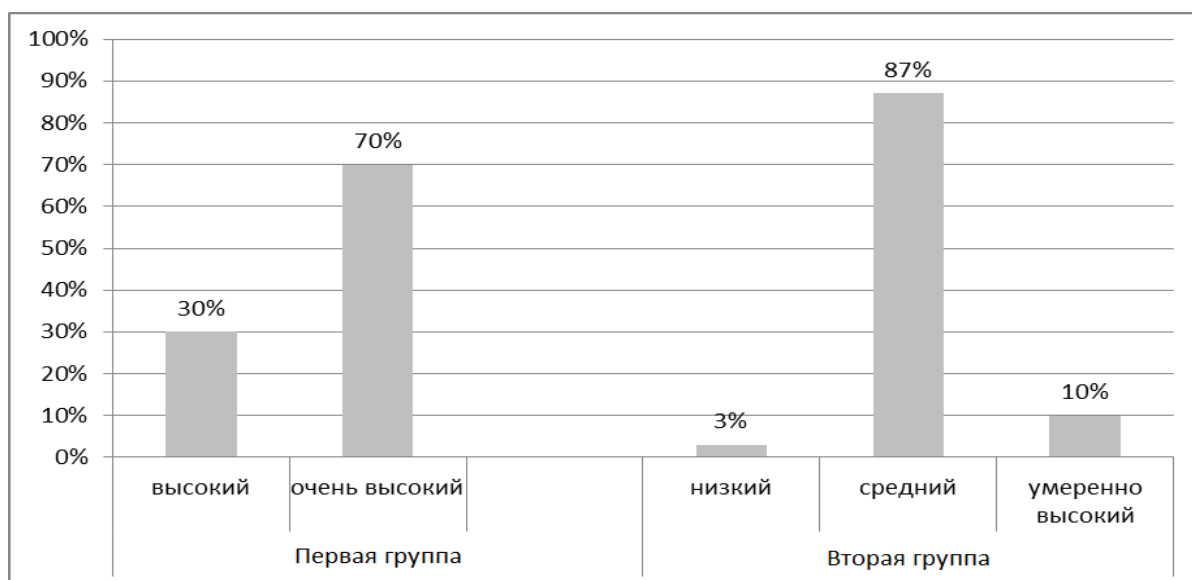

Рис. 2. Распределение уровней мотивации к избеганию неудач в спорте у гимнасток с разной квалификацией
Fig. 2. Distribution of levels of motivation to avoid failure in sports in gymnasts with different qualifications

Для проверки гипотезы о различии уровня мотивации между спортсменками двух групп

был проведен статистический анализ по критерию Манна – Уитни. Между группами гимна-

сток с более высокой (первая группа) и более низкой квалификацией (вторая группа) существуют значимые различия по уровню мотива-

ции к достижению успеха ($U_{Эмп} = 1,5$ находится в зоне значимости при $p < 0,05$). Данные представлены на рисунке 3.

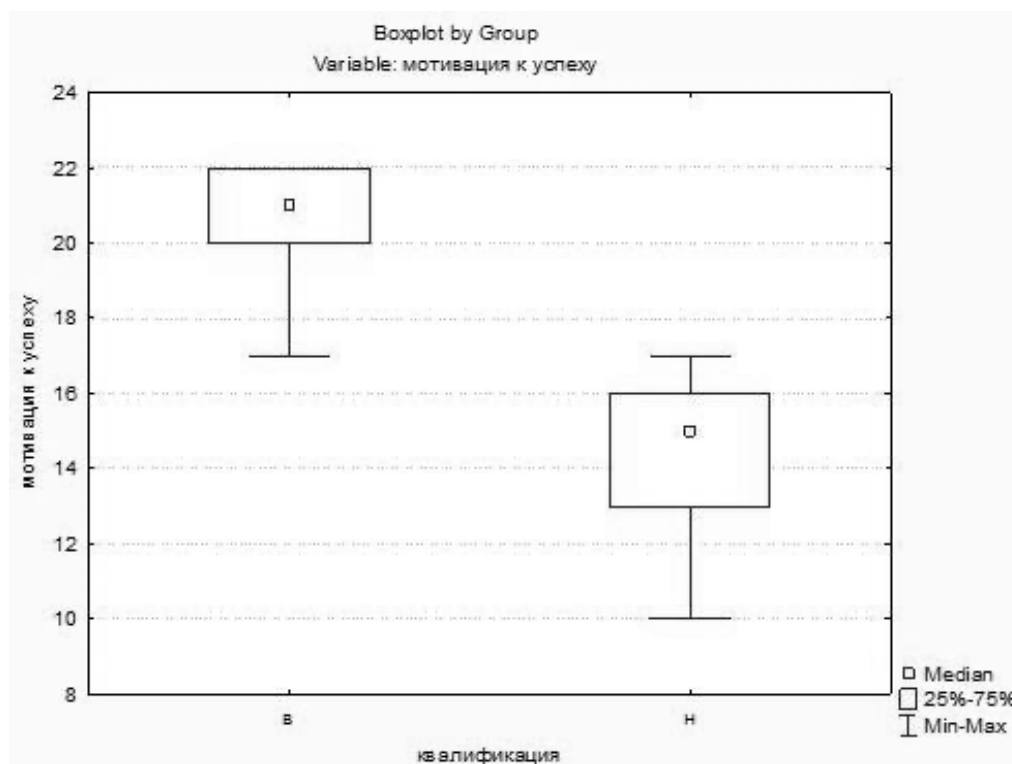

Рис. 3. Выраженность мотивации к достижению успеха в спорте у юных гимнасток с разной квалификацией

Fig. 3. The manifestation of motivation to achieve success in sports in young gymnasts with different qualifications

Примечания: в – 1 разряд и КМС, н – 2-й и 3-й разряд

В группе спортсменок с квалификацией 1 разряда и КМС разброс показателей мотивации к достижению успеха составляет от 17 до 22 баллов, медиана составляет 21, что соответствует высокому уровню мотивации к достижению успеха. Во второй группе разброс показателей от 10 до 17 баллов, медиана составляет 15, что соответствует среднему уровню мотивации к достижению успеха. Гимнастки с более низкой квалификацией показали результат по мотивации к достижению успеха не выше среднего уровня.

Преобладание уровня мотивации к достижению успеха у спортсменок более высокой квалификации можно объяснить их необходимостью повышать свой уровень спортивного мастерства и выдерживать конкуренцию. Для получения объективно высоких показателей в спорте мотивация к достижению успеха оказывается ключевой, и не только в юном возрасте, что частично соотносится с данными

Е.А. Рыженко, изучающей мотивацию взрослых гимнасток: мастера спорта демонстрируют более высокие показатели по мотивации к достижению успеха и к избеганию неудач, чем кандидаты в мастера спорта [Рыженко Е.А., 2022]. Большинство гимнасток с более высокой квалификацией в нашей выборке (1 разряд и КМС) имеют умеренно высокий уровень мотивации к достижению, и это, по-видимому, является оптимальным, поскольку, согласно данным М.Э. Плехановой, слишком высокая мотивация достижения успеха у гимнасток может быть причиной сильных переживаний по поводу недостижения цели, снижая их соревновательную надежность [Плеханова М.Э., 2006]. Таким образом, умеренно высокая мотивация является характерной для спортсменок 1 разряда и КМС, обеспечивая им достаточный уровень спортивных достижений, что соотносится с данными исследований, упомянутых выше.

Взаимосвязь между уровнем мотивации к достижению успеха и волевыми качествами юных гимнасток, выявленная с помощью ранговой корреляции Спирмена, представлена в таблице 1.

Таблица 1. Связь волевых качеств юных гимнасток с уровнем мотивации к достижению успеха

Table 1. Correlation between volitional qualities of young gymnasts and the level of motivation to achieve success

Волевые качества	Уровень мотивации к достижению успеха в спорте
Целеустремленность	0,607*
Настойчивость и упорство	0,402*
Решительность и смелость	0,274*
Дисциплинированность	0,258*

Примечание: *p-level <0,05.

Результаты корреляционного анализа показывают, что прямые связи с уровнем мотивации к достижению успеха в спорте обнаружены у следующих волевых качеств: целеустремленность, настойчивость и упорство, решительность и смелость, дисциплинированность, при $p < 0,05$.

Наиболее сильная связь выявлена между мотивацией к достижению успеха и целеустремленностью (0,607), умеренная/средняя зависимость наблюдается с настойчивостью и упорством (0,402). Низкие значения коэффициента корреляции мотивации к достижению успеха с решительностью и смелостью (0,274), а также с дисциплинированностью (0,258), указывают скорее на тенденции, чем на устойчивые взаимозависимости переменных.

Такие волевые качества, как выдержка, самообладание, самостоятельность, инициативность, не обнаруживают связей с уровнем мотивации к достижению успеха в спорте у юных гимнасток.

Целеустремленность является самым важным волевым качеством для юных гимнасток-акробатов. Осознанность направления своего пути и настойчивое движение к цели (выполне-

ние спортивных показателей, рост мастерства, место на соревнованиях, получение спортивной квалификации, звания) дает спортсмену понимание, зачем он тренируется и к чему стремится. Мы предполагаем, что за высокой целеустремленностью кроется достаточное мотивационное обеспечение деятельности, хотя и не всегда осознаваемое спортсменками. Наши данные согласуются с исследованием Жигайловой Л.В. с соавт. [Жигайлова Л.В. и др., 2019]: волевое качество целеустремленности является одним из самых важных в данном виде спорта, т. к. умение спортсменами ставить перед собой цели и умение добиваться их выполнения очень важно для гимнасток любой квалификации.

Настойчивость и упорство у гимнасток-акробатов задают способ преодоления трудностей, встречающихся на их пути к результату деятельности. Исследователи отмечают, что настойчивость спортсменов индивидуальных видов спорта направлена прежде всего на совершенствование себя, на реализацию своей мечты, поддержание своего здоровья. Она помогает спортсмену в его стремлении реализовать себя, улучшить свое материальное положение, быть самостоятельным и независимым [Анисимова Ю.Н. и др., 2018].

Упорство необходимо при тренировках, для развития выносливости и силы, гибкости и координации движений, что важно при выполнении сложных акробатических элементов. Настойчивость играет важную психологическую роль, помогая преодолевать страх и неуверенность при выполнении элементов в воздухе, что значительно укрепляет веру в свои силы и позволяет продолжать попытки выполнить сложный элемент, пока нужный результат не будет достигнут.

Исследователи отмечают, что волевые качества настойчивости и упорства являются одним из самых важных качеств для спортивной гимнастики, т. к. недостаточное их развитие не позволит добиться высоких спортивных результатов [Жигайлова Л.В. и др., 2019].

Примечательно, что решительность и смелость оказались менее значимыми волевыми

качествами для юных гимнасток-акробаток. Эти волевые качества связаны с готовностью проявлять себя, идти на риск. По всей видимости, упражнения, элементы в гимнастике-акробатике не рассматриваются самими спортсменками как опасные, связанные с риском.

Согласно полученным результатам, дисциплинированность также не проявилась как значимое волевое качество для юных гимнасток. Дисциплинированность связана с образом жизни спортсмена, необходимостью выстраивать свой график жизни с учетом требований спортивной роли (регулярные тренировки, сон, питание). Предполагаем, что за распорядок дня и контроль за временем у юных спортсменок в большей мере отвечают значимые взрослые — родители, тренер. Таким образом, необходимости включать собственный контроль у них пока не возникает.

Выдержка, самообладание также важны для спортсмена, но не для всех видов спорта или не для всех возрастных групп они входят в число самых необходимых волевых качеств. В нашем исследовании связи с мотивацией достижения успеха у юных воздушных гимнасток-акробаток не установлено. Если говорить об инициативности и самостоятельности, то, как показали наши результаты, эти качества не являются столь необходимыми для юных гимнасток. Возможно, это связано со спецификой воздушной гимнастики, где более значимым оказывается способность четко выполнять инструкции тренера, работать по плану.

Предполагаем, что в дальнейшей жизни спортсменок недостаточное развитие данных качеств (инициативности и самостоятельности) может приводить к ряду трудностей: такие спортсмены в большей степени будут опираться на мнение тренера, родителей с невозможностью самостоятельно принимать важные решения, у них может страдать и социальная адаптация. Вклад в развитие самостоятельности и инициативности могут внести родители юных гимнасток, например, делегируя дочери самостоятельную подготовку спортивной одежды и инвентаря, обучение элементарным навыкам

бытового самообслуживания. Для развития инициативности могут быть полезны осуществление выбора и самостоятельное принятие простых решений, соответствующих возрасту девочки, поощрение самоанализа и осознания своих интересов и желаний.

Выводы

В группе воздушных гимнасток-акробаток 1 разряда и КМС в большей степени выражен высокий уровень мотивации к достижению успеха, чем в подгруппе спортсменок с более низкой квалификацией, что способствует большей заинтересованности в результатах спортивной деятельности. Отметим, что стаж занятий спортом был в равной мере представлен в выборке гимнасток по уровню квалификации. Важно отметить, что спортсменки даже с не очень большими различиями в квалификации демонстрируют разный уровень мотивации к достижению успеха.

Рост спортивной квалификации связан с переходом к более серьезным тренировкам, с большим погружением в спортивную деятельность. В этот период происходят изменения в личности самой гимнастки, связанные с большей представленностью волевых качеств.

В психолого-педагогической работе тренера и психолога мотивация спортсмена к достижению успеха является важным направлением в предсоревновательной подготовке, и эта задача имеет высокую *практическую значимость*. Результаты нашего исследования показывают важность развития целеустремленности у юных гимнасток, осознания ими того, зачем, ради чего они тренируются и выступают на соревнованиях, и какие конкретно задачи перед ними стоят. Также важное значение в повышении мотивации к достижению успеха у гимнасток имеет развитие настойчивости, упорства, решительности и смелости, дисциплинированности.

Ограничения исследования. В центре нашего внимания — юные гимнастки-акробатки младшего подросткового возраста. Результаты исследования распространяются только на спортсменок данного вида спортивной специализации. За пределами исследовательских задач осталось изучение влияния лич-

ностных качеств и педагогического стиля тренера на мотивацию достижения спортсменов. Также мы не уточняли, как оценивает волевые качества спортсменов их тренер (оценку со стороны). Для дальнейших исследований это может представлять интерес.

Список литературы

Анисимова Ю.Н., Каменева Г.Н., Прыгин Г.С. Психологические особенности волевых качеств у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. 2018. № 4(40). С. 44–54. EDN: YVMZYL

Биндусов Е.Е., Овсянникова М.А., Янкина Е.А. Влияние занятий гимнастикой на личностные характеристики девочек 7–8 лет // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2023. Т. 18, № 1. С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.14526/2070-4798-2023-18-1-28-32> EDN: PUJNQN

Большой психологический словарь: 4-е изд. / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. Москва: АСТ; СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.

Бянкина Л.В., Глушаченков К.А., Вершинина О.Ю. Взаимосвязь мотивации занятий спортивной деятельностью и мотивации достижений // Современные проблемы физической культуры и спорта: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Е.А. Ветошкиной. Хабаровск: ДВГАФК, 2019. С. 35–39. EDN: IDBIER

Жигайлова Л.В., Береславская Н.В., Шукиов С.В., Никочалова А.А. Исследование свойств темперамента и особенностей проявления волевых качеств гимнасток на начальном этапе специализированной подготовки // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. 2019. Т. 21. С. 98–102. EDN: SSCSDB

Ильинский С.В. Особенности мотивации спортсменов в различных видах спорта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2013. № 1. С. 75–84. EDN: QJFPJZ

Кашапов М.М., Огородова Т.В., Тимофеева Л.В. Личностные особенности гимнасток, выступающих в индивидуальных и групповых упражнениях, в условиях нестандартных ситуаций // Известия Иркутского государственного универ-

ситета. Серия: Психология. 2017. Т. 21. С. 28–35. EDN: ZHGNYT

Климова И.В., Лебядихин В.В. Исследование мотивации на достижение успеха у спортсменов подросткового возраста // Мир человека: материалы ежегодной конференции, Красноярск, 24–25 апреля 2020 года / под общ. редакцией В.В. Игнатовой. Красноярск: СибГУ им. академика М.Ф. Решетнева, 2020. С. 76–79. EDN: EVADXM

Мальнева А.С., Ожиганова А.С., Капранова О.С. Исследование эмоционально-волевой сферы спортсменок на этапе спортивного совершенствования в художественной гимнастике // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 4(206). С. 565–569. DOI: <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.4.p565-569> EDN: PSNIOM

Марочкина Н.В. Игра как средство развития спортивной мотивации юных гимнасток-«художниц» // Высшее образование сегодня. 2010. № 12. С. 55–61. EDN: NCHNSL

Намазов А.К. Проблема мотивации спортсменов // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. Т. 11, № 1. С. 430–432. EDN: VWWYCZ

Овсянникова М.А., Биндусов Е.Е., Марандыкина О.В., Лукашина Е.Е. Уровень притязаний как фактор формирования спортивной мотивации у девочек 7–8 лет, занимающихся художественной гимнастикой // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. № 4. С. 129–134. DOI: <https://doi.org/10.36028/2308-8826-2024-12-4-129-134> EDN: OKPGRE

Огородова Т.В. Психология спорта: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 118 с. ISBN: 978-5-8397-0975-1 EDN: SARFUJ

Плеханова М.Э. Факторы, определяющие соревновательную надежность спортсменок в художественной и спортивной гимнастике // Вестник спортивной науки. 2006. № 4. С. 17–20. EDN: MSXYLV

Прилепских О.С. Особенности воли и волевых качеств личности в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-3. С. 314–317. EDN: ZSDWDZ

Рыженко Е.А. Психологические аспекты мотивации достижения в художественной гимнастике // Юность и знания – гарантия успеха – 2022: сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции: в 3 т., Курск, 15–16 сентября 2022 года. Том 1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 345–348. EDN: FWBQQM

Сагайдак С.С. Исследование мотивации спортивной деятельности: методическое пособие. Минск: Белорусский государственный университет, 2001. 16 с.

Сердюкова Е.И. Средовые факторы поддержания спортивной мотивации юных спортсменов младшего школьного и подросткового возраста // Физическая культура, спорт-наука и практика. 2017. №. 4. С. 83–88. EDN: ZXMMQB

Серова Л.К. Мотивация в спортивной деятельности: монография. Москва: Спорт, 2020. 144 с. EDN: OEDYMN

Синюшкина С.Д., Меркеева Е.О. Оценка роли стресс-факторов для организации психологической подготовки спортсменов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11(189). С. 644–648. DOI: <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p644-648> EDN: KSLWJN

Antonio J. Psychological Factors Affecting Athletes Motivation and Performance in Competitive Sports in Mexico // International Journal of Physical Education Recreation and Sports. 2023. Vol. 1, № 1. P. 13–23. DOI: <https://doi.org/10.47604/ijpers.2141> EDN: NQHVNA

Gould D., Dieffenbach K., Moffett A. Psychological Characteristics and Their Development in Olympic Champions // Journal of Applied Sport Psychology. 2002. Vol. 3, № 14. P. 172–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/10413200290103482>

Madsen E.E., Hansen T., Rafnsson D., Krusturup P. Investigating the relationship between achievement motive and performance in elite-level football goalkeepers // Scandinavian Journal of Sport and Exercise Psychology. 2024. Vol. 6, № 6. P. 150–160. DOI: <https://doi.org/10.7146/sjsep.v6i.137102> EDN: VCWLEZ

References

Anisimova, Yu.N., Kameneva, G.N. and Prygin, G.S. (2018). [Psychological characteristics of strong-willed qualities of athletes of team and individual sports]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Psikhologopedagogicheskie nauki* [Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences] No. 4(40), pp. 44–54

Antonio, J. (2023). Psychological factors affecting athletes motivation and performance in competitive sports in Mexico. *International Journal of Physical Education Recreation and Sports*. Vol. 1, no. 1, pp. 13–23. DOI: <https://doi.org/10.47604/ijpers.2141>

Bindusov, E.E., Ovsyannikova, M.A. and Yankina, E.A. (2023). [The influence of gymnastics on the personal characteristics of girls 7-8 years old]. *Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta* [Russian Journal of Physical Education and Sport]. Vol. 18, no. 1, pp. 28–32.

Byankina, L.V., Glushachenkov, K.A. and Ver-shinina, O.Yu. (2019). [The relationship between motivation for sports activities and achievement motivation]. *Sovremennye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, pod red. E.A. Vetoshkinoy* [Modern Problems of Physical Culture and Sports: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, ed. by E.A. Vetoshkina]. Khabarovsk: DVGAFK Publ., pp. 35–39.

Gould, D., Dieffenbach, K. and Moffett, A. (2002). Psychological characteristics and their development in Olympic champions. *Journal of Applied Sport Psychology*. Vol. 3, no. 14, pp. 172–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/10413200290103482>

Il'inskiy, S.V. (2013). [Features of motivation of athletes in various sports]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology]. No. 1, pp. 75–84.

Kashapov, M.M., Ogorodova, T.V. and Timofeeva, L.V. (2017). [Personal characteristics of gymnasts performing in individual and group exercises in non-standard situations]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology]. Vol. 21, pp. 28–35.

Klimova, I.V. and Lebyadikhin, V.V. (2020). [Study of motivation to achieve success in adolescent athletes]. *Mir cheloveka: Integratsiya psikhologii i pedagogiki v sovremennom obschestve: sbornik trudov konferentsii, pod obsch. red. V.V. Ignatovoy* [Human World: Integration of Psychology and Pedagogy in Modern Society: Collection of Conference Proceedings, ed. by Ignatova V.V.]. Krasnoyarsk: SibGU im. akademika M.F. Reshetneva Publ., pp. 76–79.

Madsen, E.E., Hansen, T., Rafnsson, D. and Krusturup, P. (2024). Investigating the relationship between achievement motive and performance in elite-level football goalkeepers. *Scandinavian Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 6, no. 6, pp. 150–160. DOI: doi.org/10.7146/sjsep.v6i.137102

Mal'neva, A.S., Ozhiganova, A.S. and Kapranova, O.S. (2022). [Study of the emotional-volitional

sphere of female athletes at the stage of sports improvement in rhythmic gymnastics]. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta* [Scientific Notes of P.F. Lesgaft University]. No. 4(206), pp. 565–569.

Marochkina, N.V. (2010). [Game as a way of developing sports motivation of young rhythmic gymnasts]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today]. No. 12, pp. 55–61.

Mescheryakov, B.G. and Zinchenko, V.P. (eds.) (2009). *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Comprehensive Psychological Dictionary]. Moscow: AST Publ., St. Petersburg: Prime-EVROZNAK Publ., 811 p.

Namazov, A.K. (2016). [The problem of motivation of athletes]. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health is the Basis of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them]. Vol. 11, no. 1, pp. 430–432.

Ogorodova, T.V. (2013). *Psikhologiya sporta* [Psychology of sports]. Yaroslavl: YarGU Publ., 118 p.

Ovsyannikova, M.A., Bindusov, E.E., Marandkina, O.V. and Lukashina, E.E. (2024). [The level of claims as a factor in forming sports motivation in 7-8 year old girls engaged in rhythmic gymnastics]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii* [Science and Sports: Modern Tendencies]. No. 4, pp. 129–134. DOI: <https://doi.org/10.36028/2308-8826-2024-12-4-129-134>

Plekhanova, M.E. (2006). [Factors determining the competitive reliability of female athletes in rhythmic and artistic gymnastics]. *Vestnik sportivnoy nauki* [Sports Science Bulletin]. No. 4, pp. 17–20.

Prilepskikh, O.S. (2019). [Features of the will and volitional qualities of personality in adolescence]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. No. 63-3, pp. 314–317.

Ryzhenko, E.A. (2022). [Psychological aspects of achievement motivation in rhythmic gymnastics]. *Yunost' i znaniya — garantiya uspekha-2022: sbornik nauchnykh statey 9-y Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii, Kursk, 15–16 sentyabrya 2022 g.* [Youth and Knowledge are a Guarantee of Success — 2022: Collection of scientific articles of the 9th International Youth Scientific Conference, Kursk, September 15–16, 2022]. Kursk: SSU Publ., vol. 1, pp. 345–348.

Sagaydak, S.S. (2001). *Issledovanie motivatsii sportivnoy deyatel'nosti* [Study of motivation for

sports activities: a methodological manual]. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 16 p.

Serdyukova, E.I. (2017). [Environmental factors of maintaining sports motivation among young female athletes of primary school and adolescence]. *Fizicheskaya kul'tura, sport-nauka i praktika* [Physical Education, Sport – Science and Practice]. No. 4, pp. 83–88.

Serova, L.K. (2020). *Motivatsiya v sportivnoy deyatel'nosti* [Motivation in sports activity]. Moscow: Sport Publ., 144 p.

Sinyushkina, S.D. and Merkeeva, E.O. (2020). [Assessment of the stress-factors' role for the organization of sportsmen's psychological training]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of P.F. Lesgaft University]. No. 11(189), pp. 644–648. DOI: <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p644-648>

Zhigaylova, L.V., Bereslavskaya, N.V., Shukshov, S.V. and Nikochalova, A.A. (2019). [Research on temperament traits and specifics of volitional qualities manifestation in female gymnasts at the initial stage of their specialized preparation]. *Aktual'nye voprosy fizicheskoy kul'tury i sporta* [Current Issues of Physical Culture and Sport]. Vol. 21, pp. 98–102.

Об авторах

Рагулина Анна Алексеевна

кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и дефектологии

Тюменский государственный университет,
625001, г. Тюмень, ул. Республики 9;
e-mail: a.a.ragulina@utmn.ru
ResearcherID: OIT-8995-2025

Русяева Ирина Александровна

кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и дефектологии

Тюменский государственный университет,
625001, г. Тюмень, ул. Республики 9;
e-mail: i.a.rusyaeva@utmn.ru
ResearcherID: P-8387-2017

About the authors

Anna A. Ragulina

Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Department of Psychology and Defectology

University of Tyumen,
44 Respubiki St, Tyumen, 625001, Russia;
e-mail: a.a.ragulina@utmn.ru
ResearcherID: OIT-8995-2025

Irina A. Rusyaeva

Candidate of Psychology, Associate Professor of the
Department of Psychology and Defectology

University of Tyumen,
44 Respubiki St, Tyumen, 625001, Russia;
e-mail: i.a.rusyaeva@utmn.ru
ResearcherID: P-8387-2017

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.644:331.545-053.81(476)
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-492-502>
EDN: PKBELY

Поступила: 06.11.2025
Принята: 16.12.2025
Опубликована: 01.10.2026

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ПРЕСТИЖЕ ПРОФЕССИЙ

Толстяк Татьяна Анатольевна

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Современное белорусское общество характеризуется высокой динамикой социального развития. Под влиянием происходящих в нем процессов преобразовывается социальная структура общества, приводя к изменениям ролей и статусов, а также формированию новых социальных групп и институтов. Изменения затрагивают также и сферу профессиональной структуры: например, наблюдаются изменения в распределении работающего населения по видам деятельности, появляются новые формы труда, отрасли и профессии, связанные с искусственным интеллектом, биотехнологиями, цифровизацией и другими сферами. Все это актуализирует внимание к исследованию профессиональной структуры общества. Престиж профессии выступает одной из социологических характеристик измерения профессиональной структуры и отражает значимость конкретных профессий в общественном сознании. Исследование оценок престижа различных профессий и построение профессиональных иерархических шкал позволяет отследить изменения, которые наблюдаются в социально-экономической организации общества. В статье приводятся результаты эмпирического исследования представлений о престиже профессии молодежи Республики Беларусь. Возрастные границы молодежи определены нормативными рамками и находятся в диапазоне от 18 до 31 года. На основании количественного и качественного социологического анализа установлены профессии, имеющие, по мнению молодежи Республики Беларусь, наибольший престиж в современном белорусском обществе. Новизна исследования заключается в выявлении оценок юношей и девушек Республики Беларусь престижа различных профессий в белорусском обществе и построении на их основе шкалы профессионального престижа. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в применении полученных результатов при реализации профессионального самоопределения выпускников образовательных учреждений, а также при проведении последующих социологических исследований профессиональной структуры общества.

Ключевые слова: молодежь, представления, престиж профессии, оценки престижа, профессиональное самоопределение, стратификация, социологическое исследование, Республика Беларусь.

Для цитирования:

Толстяк Т.А. Представления молодежи Республики Беларусь о престиже профессий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 492–502. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-492-502>. EDN: PKBELY

PERCEPTIONS OF OCCUPATIONAL PRESTIGE AMONG THE YOUTH OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Tatyana A. Tolstyak

Institute of Sociology of the NAS of Belarus (Minsk)

Modern Belarusian society is characterized by high dynamics of social development. The social structure is being transformed, with roles and statuses reshaping as well as new social groups and institutions emerging. Changes are also noted in the professional structure: for example, there are changes in the distribution of the working population by types of activity, there emerge new forms of labor, industries, and professions in fields related to artificial intelligence, biotechnology, digitalization, etc. All this makes the study into the professional structure of society increasingly topical. Occupational prestige serves as one of the sociological metrics for the professional structure and reflects the importance of specific professions in the public consciousness. Analyzing prestige assessments given to various professions and constructing professional hierarchical scales makes it possible to track the changes within the socio-economic organization of society. The article presents the results of an empirical study of opinions expressed by young Belarussians about the prestige of professions. The youth cohort is defined by national regulatory frameworks as individuals aged 18 to 31 years. Based on quantitative and qualitative sociological analysis, the study has identified the most prestigious professions in modern Belarusian society according to the respondents. The study is novel in that it identifies how Belarusian youth perceives the prestige of various occupations in Belarusian society and constructs a scale of occupational prestige based on these insights. The applied aspect of the research is seen in the application of the obtained results in supporting the professional self-determination of graduates as well as in conducting subsequent sociological studies on the professional structure of society.

Keywords: youth, perceptions, professional prestige, prestige assessments, professional self-determination, stratification, sociological research, Republic of Belarus.

To cite:

Tolstyak T.A. [Perceptions of occupational prestige among the youth of the Republic of Belarus]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 492–502 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-492-502>. EDN: PKBELY

Введение

Современное общество отличается высокими темпами социальных трансформаций. Изменения, происходящие в социуме, оказывают значительное влияние на профессиональную структуру, трансформируя ее. С одной стороны, снижается потребность или, наоборот, повышается запрос общества и рынка труда на специалистов конкретных видов работ, что ведет к появлению новых профессий либо снижению востребованности существующих. С другой стороны, в научном сообществе протекает дискуссия о тех трансформациях в про-

фессиональной структуре, к которым может привести развитие современных технологий, в частности искусственного интеллекта. Р.Н. Абрамов и А.В. Быков отмечают, что «профессиональная стратификация, будучи частью социальной структуры в целом, не является собою нечто застывшее и неподвижное. Это весьма подвижное, динамичное, непрерывно изменяющееся образование, испытывающее на себе мощное воздействие самых разнообразных социальных изменений» [Абрамов Р.Н., Быков А.В., 2021, с. 8]. Новая социально-экономическая организация общества, включающая развитие цифровых технологий,

трансформацию роли знаний и интеллекта в обществе, значительно меняет профессиональную структуру.

В современных условиях динамичного развития общества профессиональная стратификация выступает одним из ключевых механизмов, обуславливающий распределение статусов, доходов и символических ресурсов между различными социальными группами [Абрамов Р.Н., Быков А.В., 2021, с. 8; Сакс М., 2020, с. 29]. Понимание закономерностей этой системы важно для анализа социальной мобильности и разработки эффективных мер социальной политики в сфере реализации профессионального самоопределения молодежи, а также укрепления трудового потенциала общества. Значительная роль профессиональной стратификации в организации современного общества опосредует социологические исследования, направленные на выявление специфики ее трансформаций, обнаружение новых формирующихся трендов и закономерностей развития, что подтверждает актуальность данной работы.

Профессиональная сфера социальной структуры общества является областью, где протекают динамичные процессы меж- и внутрипрофессиональной стратификации и мобильности. Престиж профессии является важным показателем, который отражает актуальное состояние общества: исследование оценок престижа различных профессий и построение профессиональных иерархических шкал позволяет отследить те изменения, которые протекают в социально-экономической организации общества (см, например, [Абрамов Р.Н., Быков А.В., 2021, с. 15; Борисова С.Н., 2016, с. 146]. Проблемы, связанные с престижем профессии, рассмотрены в трудах множества авторов [Титма М.Х., Талюнай-те М.И., 1984; Кунявский М.Б. и др., 1985; Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А., 1985; Филиппов А.А., 2011; Флоринская С.А., 2009; Черноволенко В.Ф. и др., 1979] и др.).

Будучи феноменом общественного сознания, «престиж профессии» является сложным понятием с довольно большим эвристическим

потенциалом, поскольку позволяет достаточно многогранно описать современное общество. Так, исследование, в котором задействовано это понятие, может дать представление о национальных культурных традициях, социально-профессиональной и стратификационной структуре общества, рынке труда, социальной мобильности и социальном неравенстве, механизмах управления и манипулирования общественным сознанием, воздействии эмоциональных факторов (зависти, восхищения, страха и т. д.) на мотивацию выбора профессии. По совокупности параметров, которые задействуются в исследовании, данное понятие можно определить как одно из наиболее эвристических понятий в социологии, что, несомненно, указывает на высокую актуальность его исследования и использования в социологической работе [Костюкевич С.В., Толстяк Т.А., 2024, с. 195].

Анализ научной литературы, раскрывающей специфику исследования престижа профессии, показал, что в социологической науке содержится многообразие определений и характеристик понятия «престиж профессии». Например, В.Н. Шубкин, основоположник исследований престижа профессии в советском обществе, характеризовал престиж профессии как «показатель субъективного отражения социальной иерархии в массовом сознании населения» [Социология в России, 1996, с. 331]. В российской социологии конца XX в. престиж профессии характеризуют как «позицию данной профессии среди других, приписывающую ей обобщенную оценку в глазах общественно-го мнения на основе привилегий и обязанностей, связанных с данной позицией» [Социология в России, 1996, с. 632]. По мнению В.Г. Подмаркова, престиж профессии «определяет содержательность (творческий характер) данного вида труда и степень популярности профессии» [Подмарков В.Г., 1972, с. 59]. В.И. Воробьева обозначает престиж профессии как «авторитет, уважение к профессии со стороны общества, репутацию профессии в социуме, ее положение в иерархии относительно других профессий в представлениях

людей» [Воробьева И.В., 2014, с. 96]. Исследуя специфику престижа профессии, Ф.Г. Зиятдинова интерпретирует его как «основополагающую оценку адекватного отражения социальных экономических, политических позиций, норм и ценностей, характерных для данного общества. Как критерий отражения норм и ценностей, престиж формируется в ходе сложных взаимодействий общественных оценок, общественного мнения» [Зиятдинова Ф.Г., 1992, с. 39].

Обобщая, можно сказать, что престиж профессии характеризуется прежде всего представлениями людей о социальной иерархии, определенной на основе ранжирования оценок профессий и выражающихся в виде шкал. Проведя аналитическую процедуру обобщения, понятие «престиж профессии» можно определить как «эмоционально-ценностное восприятие в общественном сознании социальных функций профессионального занятия, сформированное в рамках национальной культуры, которое связывается с социальным статусом этого занятия в стратификационной структуре общества» [Костюкевич С.В., Толстяк Т.А., 2024, с. 195]. Основная сложность в исследовании престижа профессии заключается в операциональном определении понятия и формировании индикаторов для его измерения, поскольку данный параметр относится к субъективной области восприятия, и на данный момент не сформировано единых объективных показателей для его эмпирического замера.

Молодежь занимает особое место в социальной структуре как самая подвижная и рецептивная группа, обладающая восприимчивостью к социальным изменениям и оперативно реагирующая на них. Исследования молодежи, ее мнений и представлений по основным социальным проблематикам позволяют выявить, как формируются социальные нормы, ценности и установки в молодом поколении, определить, как протекает адаптация юношей и девушек к модернизационным процессам: траектории, по которым они преодолевают социальные барьеры, продвигаются по каналам

социальной мобильности и т. п. Исследование молодежи позволяет понять особенности и специфику интеграции в общество молодых граждан, а также предвидеть тенденции развития общества и выработать стратегии для решения социальных проблем, поскольку «будущее общество можно увидеть в том новом поколении, которое уже актуально существует в настоящем времени в виде детского и молодежного сообщества» [Яковлев С.С., 2007, с. 112]. Будущее общества формирует сегодня молодежь, поскольку именно представления, ценности, нормы и установки современных молодых граждан в перспективе становятся основой для будущей архитектуры общества.

Динамика профессиональных траекторий молодого поколения отражает трансформации, которые протекают в социально-экономической и профессиональной сферах общества. Молодежь сегодня в процессе профессионального самоопределения предопределяет структуру занятости в будущем. Поэтому в условиях высокой динамики социального развития изучение вопросов профессионального самоопределения и специфики профессионального выбора юношей и девушек актуализируется и становится особо важным. Под профессиональным самоопределением понимают процесс формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой сфере и способа самореализации в ней [Левицкая И.А., 2014, с. 136]. Престиж профессии как социальная оценка вида деятельности или специальности, содержащаяся в общественном сознании, является одним из значимых факторов профессионального самоопределения молодежи [Бочарова Е.Е., 2016, с. 436]. Изучение оценок престижа профессии представителей молодого поколения также позволяет оценить перспективные и возможные траектории их профессионального самоопределения в будущем. «Исследование тенденций изменения социально-профессиональных ориентаций молодежи способствуют более рациональному использованию трудового потенциала общества, своевременному устранению диспропорций, воз-

никающих в процессе его распределения, более эффективно планировать динамику занятости в профессиональном и территориальном разрезе, совершенствовать структуру рабочих мест, развитие системы образования и подготовки квалифицированных кадров» [Войтович С.А., 1989, с. 3].

Таким образом, в качестве цели исследования определено выявление мнений молодежи Республики Беларусь о престиже различных профессий в современном белорусском обществе и построение на их основе шкалы профессионального престижа.

Методы

Исследовательские выводы получены в результате анализа данных республиканского опроса населения Республики Беларусь, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в рамках задания 5.04 «Комплексное исследование социальных ресурсов интеллектуализации, гуманизации и технологизации белорусского общества» подпрограммы 12.5 «Социология» государственной программы научных исследований 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» в ноябре 2022 года по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта. Выборочную совокупность (N) составили 1848 респондентов. Доверительный интервал равен $\pm 2,28\%$. Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики»¹, молодыми гражданами признаются «граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от четырнадцати до тридцати одного года». В связи с этим для достижения целей данной работы среди всей выборочной совокупности отобраны 382 представителя молодежи (N_{молодежи}) в возрасте от 18 до 31 лет. В их числе

263 человека (80,4 %) — жители городов и поселков городского типа, а также 64 человека (19,6 %) — жители сельских населенных пунктов. По полу распределение молодых граждан выглядит следующим образом: 148 человек (45,3 %) — юноши, 179 человек (54,7 %) — девушки.

Представленные результаты получены при количественном и качественном (изучение свободных строк) анализе социологических данных по двум исследовательским вопросам: «Оцените, пожалуйста, престиж следующих профессий в белорусском обществе...», по которому респонденты высказывались относительно предложенного списка профессий по шкале от 1 (наименьшее значение) до 10 (наибольшее значение), с последующим расчетом мер центральной тенденции (среднего значения, медианы, моды), а также «Какую профессию, специальность Вы бы хотели, чтобы получили Ваши дети, внуки?», на который было предложено высказаться в свободной форме, т. е. не было предоставлено никаких вариаций для выбора, респондент записывал свой ответ самостоятельно в открытую строку.

Результаты и обсуждения

В результате анализа при сравнении и ранжировании средних оценок молодых людей престижа предложенных профессий была сформирована шкала профессий, которая представлена в таблице. Наибольшую оценку получили такие профессии, как специалист ИТ-сферы (8,9), сотрудник органов по чрезвычайным ситуациям (8,3) и врач (8,1). Полученные данные отражают те социальные процессы, которые протекают сегодня в белорусском обществе: развитие технологий и информационного общества как значимой задачи государственной политики актуализирует потребность в кадрах в ИТ-сфере, что выражается в лидирующей позиции данной профессии среди остальных в сознании молодежи. Такие аспекты, как высокая моральная и общественная ответственность, длительный и

¹ Об основах государственной молодежной политики: Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-З: с изм. и доп. на 11 окт. 2024 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL:

<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10900065> (дата обращения: 17.06.2025).

сложный процесс обучения врачебной деятельности, выступают факторами высокого престижа профессиональной деятельности врача,

что нашло свое отражение в оценках юношей и девушек (таблица).

Распределение оценок молодежи Республики Беларусь престижа профессий по шкале, где 1 – наименьшее значение, 10 – наибольшее значение, 2022 год

Distribution of assessments of the prestige of professions by young people of the Republic of Belarus, on a scale where 1 is the lowest value, 10 is the highest value, 2022

№	Оцените, пожалуйста, престиж следующих профессий в белорусском обществе	Среднее	Медиана	Мода
1	Специалист IT-сферы	8,9	10	10
2	Сотрудник органов по чрезвычайным ситуациям	8,3	9	10
3	Врач	8,1	9	10
4	Предприниматель	7,6	8	10
5	Юрист	7,6	8	8
6	Инженер	7,4	8	8
7	Спортсмен, тренер	7,2	8	8
8	Специалист в сфере индустрии красоты, моды	7,1	7	8
9	Психолог	7,1	7	8а
10	Журналист, специалист в сфере СМИ	6,9	8	10
11	Военнослужащий	6,9	8	10
12	Экономист	6,9	7	7
13	Милиционер, сотрудник правоохранительных органов	6,9	7	10
14	Государственный служащий	6,9	7	10
15	Преподаватель вуза	6,9	7	8
16	Медицинская сестра/брат	6,7	7	10
17	Учитель средней школы	6,1	6	7
18	Специалист аграрной сферы	6,0	6	5
19	Воспитатель	5,9	6	5
20	Социальный работник	5,8	6	5
21	Продавец	5,8	6	5

Исследование модальных значений оценок престижа профессии позволяет сказать, что,

наряду с указанными профессиями IT-специалиста, сотрудника органов по чрезвычайным

чайным ситуациям и врача, достаточно высоким престижем обладают профессии предпринимателя, журналиста / специалиста в сфере СМИ, военнослужащего, милиционера / сотрудника правоохранительных органов, государственного служащего, медицинского персонала. Согласно таблице, наиболее часто встречающейся оценкой престижа данных профессий является наивысшая оценка в 10 баллов.

Обратим внимание, что престиж профессии учителя получил оценку 6,1 балла, которая близка по своему значению таким профессиям, как специалист аграрной сферы (6,0 балла), воспитатель (5,9 балла), социальный работник (5,8 балла), продавец (5,8 балла), и находится внизу иерархии предложенных респондентам для оценки профессий. По нашему мнению, полученные результаты демонстрируют актуальную проблематику для социологических исследований и поиска путей повышения престижа и привлекательности профессии учителя в белорусском обществе с позиции социологической науки, поскольку, наряду с врачами, службами обеспечения безопасности граждан и государства, педагоги обеспечивают реализацию социально-значимых процессов в обществе.

Кроме того, были проанализированы представления юношей и девушек о престиже различных профессий. Так, по мнению юношей, оценки престижа профессий и иерархия престижа выглядят следующим образом: специалист IT-сферы (8,9 балла), врач (8,3 балла), сотрудник органов по чрезвычайным ситуациям (8,1 балла), юрист (7,8 балла), инженер (7,6 балла), предприниматель (7,6 балла), спортсмен, тренер (7,2 балла), преподаватель вуза (7,2 балла), экономист (7,2 балла), государственный служащий (7,1 балла), журналист, специалист в сфере СМИ (7,0 балла), психолог (6,9 балла), милиционер, сотрудник правоохранительных органов (6,9 балла), медицинская сестра/брат (6,8 балла), военнослужащий (6,7 балла), специалист в сфере индустрии красоты, моды (6,7 балла), учитель средней школы (6,3 балла), специалист аграрной сферы (6,2 балла), воспитатель (6,2 балла), продавец (6,1 балла), социальный работник (6,1 балла).

Девушки, в свою очередь, характеризовали престиж профессий в следующем порядке: специалист IT-сферы (9,1 балла), сотрудник органов по чрезвычайным ситуациям (8,3 балла), врач (7,9 балла), предприниматель (7,6 балла), юрист (7,5 балла), специалист в сфере индустрии красоты, моды (7,4 балла), инженер (7,3 балла), спортсмен, тренер (7,3 балла), военнослужащий (7,2 балла), психолог (7,1 балла), журналист, специалист в сфере СМИ (7,0 балла), государственный служащий (6,9 балла), милиционер, сотрудник правоохранительных органов (6,8 балла), преподаватель вуза (6,6 балла), экономист (6,6 балла), медицинская сестра/брат (6,6 балла), учитель средней школы (5,9 балла), специалист аграрной сферы (5,9 балла), воспитатель (5,7 балла), продавец (5,7 балла), социальный работник (5,4 балла). Важно отметить, что при анализе престижа профессий значимых статистических различий в оценках юношей и девушек выявлено не было.

При исследовании престижа профессии одним из критериев его измерения выделяется определение привлекательности профессий, которую можно интерпретировать как предпочтительный выбор определенной профессии в проективной ситуации, своего рода «примеривание на себя» профессиональной роли и статуса. Замерить привлекательность профессий среди респондентов позволило исследование мнений о предпочтительных видах профессиональной деятельности, в которых респонденты хотели бы видеть своих детей и внуков. Так, при реализации социологического исследования сформирована совокупность релевантных для контент-анализа ответов, полученных от юношей и девушек в возрасте до 31 года¹, общим количе-

¹ Стоит обратить внимание, что из анализа исключены такие варианты ответов, как «Это не мой выбор, дети должны выбрать сами» (34 ответа, 3-й по распространенности во всей выборочной совокупности ответ) и «Пусть выбирают то, что им по душе» (28 ответов, 4-й по распространенности ответ среди респондентов), а также неинформативные для анализа вариации ответов, например, «Любую профессию» (5 ответов). Уточним, что эти результаты

ством 254 позиции, и разделенных нами на два множества: 1. конкретные вариации специальностей и профессий (215 ответов), 2. привлекательные для респондента абстрактные характеристики профессионального занятия (39 ответов).

Анализ первой подвыборки ответов, включающей конкретные профессии и специальности, показал, что наиболее привлекательными для молодежи Республики Беларусь также оказались профессии IT-специалиста и врача: 62 и 42 респондентов соответственно указали, что хотели бы, чтобы их дети или внуки занимались такой профессиональной деятельностью. Полученные данные согласуются с оценками, представленными в таблице.

Также привлекательностью для молодого поколения обладают такие профессии, как юрист (12 ответов), медицинский работник (10 ответов), военнослужащий (9 ответов), инженер (8 ответов), стоматолог (7 ответов), фармацевт (6 ответов), учитель (5 ответов), дизайнер (4 ответа), сотрудник милиции, правоохранительных органов (4 ответов). Указанные профессии, включая профессии IT-специалиста и врача, составили 80,0 % всех ответов анализируемого множества. Стоит обратить внимание, что первая и вторая профессии обладают значительно большей привлекательностью, чем остальные указанные.

Вторую совокупность ответов составили абстрактные характеристики профессиональной деятельности, обладающие значимостью для респондентов. Данные характеристики не называют конкретные профессии, но раскрывают критерии предпочтений профессиональной деятельности для респондентов: 1) сферу занятости («творческая», «умственная», «техническая», «востребованная», «высококвалифицированная»), 2) способствующую самореализации («соответствующая способностям, склонностям, возможностям»); 3) потребности рынка труда («востребованная», «хорошо оплачиваемая», «конвертируемая во всем мире»);

обладают научной значимостью, однако в рамках цели данной работы анализу они не подвергались.

4) мотивацию и удовлетворенность трудом («любимая», «желаемая»). Полученная совокупность ответов отражает специфику ценностных установок респондентов: результаты показывают, что для них значимы не конкретная профессия или специальность сами по себе, а то, чтобы работа соответствовала способностям, склонностям и интересам, чтобы профессия давала возможность самореализоваться, чтобы работа приносила радость и удовлетворение, наделяла некой свободой действий, обеспечивала стабильность в жизни.

Заключение

Таким образом, исследование оценок молодежи Республики Беларусь престижа различных профессий позволило 1) провести с использованием качественного и количественного анализа апробацию социологических индикаторов, измеряющих профессиональный престиж и привлекательность профессий как его критерий, а также 2) выявить, что такие профессии, как специалист IT-сферы, сотрудник органов по чрезвычайным ситуациям и врач, обладают наибольшим престижем для молодежи Республики Беларусь.

Последующие исследования представлений молодежи о престиже профессии могут дать информацию о каналах формирования престижных оценок, в частности выявить роль социальных сетей и онлайн-платформ в этом процессе. Новые исследования могут углубить понимание того, как процессы цифровизации, глобализации, информатизации влияют на изменение профессиональных приоритетов молодежи, а также предложить меры поддержки менее престижных, но социально-значимых профессий и специальностей. Понимание механизмов оценки молодежью профессионального престижа становится важным элементом при разработке социальной политики в области образования и занятости в силу того, что именно профессиональное самоопределение молодого поколения играет значимую роль в определении траектории развития рынка труда и общества в целом.

Список литературы

Абрамов Р.Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001> EDN: OGHIEO

Борисова С.Н. Изучение профессиональных групп в отечественной социологии: основные теоретико-методологические подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2(42). С. 144–148. EDN: WOVAEN

Бочарова Е.Е. Содержательно-смысловые характеристики представлений старшеклассников о престиже профессии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 4. С. 435–439. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-435-439> EDN: XWOMAD

Войтович С.А. Динамика престижа и привлекательности профессий / отв. ред. В.Ф. Черноволенко. Киев: Наук. думка, 1989. 131 с.

Воробьева И.В. Престиж профессии учителя // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 96–104. EDN: SGMBCZ

Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение и престиж учителя: проблемы, пути, решения. М., 1992. 288 с.

Костюкевич, С. В., Толстяк, Т.А. Понятие «престиж профессии»: определение и эвристический потенциал // Наука и общество в условиях новых вызовов: материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 26–27 сентября 2024 г. / гл. ред. Н.Л. Мысливец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. Минск: Альфа-книга, 2024. С. 194–196. EDN: CYAOFD

Кунявский М. Б., МоннВ. Б., Попова И. М. Сознание и трудовая деятельность: ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда. Киев; Одесса: Вища школа, 1985. 188 с.

Левицкая И.А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестник КемГУ. 2014. № 2. С. 136–140. EDN: SMMXGD

Подмарков В. Г. Человек в мире профессий // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 53–62.

Сакс М. Неовеберизм и профессии // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3> EDN: GTCMLV

Социология в России / В.А. Ядов, Г.С. Батыгин, З.Т. Голенкова и др. / отв. ред. В.А. Ядов. Москва: На Воробьевых, 1996. 692 с. EDN: UOZZRN

Титма М.Х., Талюнайте М.И. Престиж профессий. Вильнюс: Минтис, 1984. 185 с.

Филиппов А.А. Социально-профессиональный статус школьного учителя в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2. С. 89–97. EDN: OGGTPT

Флоринская С.А. Методологические основы формирования престижа профессиональной деятельности в сфере туризма // Вестник Национальной академии туризма. 2009. № 1. С. 24–27. EDN: KPZEZZ

Черноволенко В.Ф., Оссовский В.А., Паниотто В.И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979. 200 с.

Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. 240 с.

Яковлев С.С. Проблемы понятия «Молодежь» // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 110–113. EDN: NSBQTH

References

Abramov, R.N. and Bykov, A.V. (2021). [The world of professions in the context of labor and employment: pandemic and digital vertigo]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3, pp. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>

Bocharova, E.E. (2016). [Content-meaningful characteristics of high school students' ideas about the prestige of a profession]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 16, no. 4, pp. 435–439. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-435-439>

Borisova, S.N. (2016). [The study of professional groups in domestic sociology: main theoretical and methodological approaches]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 2(42), pp. 144–148.

Chernovolenko, V.F., Ossovskiy, V.A. and Paniotto, V.I. (1979). *Prestizh professiy i problemy sotsial'no-professional'noy orientatsii molodezhi* [The prestige of professions and problems of social and professional orientation of young people]. Kiev: Naukova dumka Publ., 200 p.

Filippov, A.A. (2011). [The socio-professional status of a school teacher in modern Russian society]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obschestvennye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences]. No 2, pp. 89–97.

Florinskaya, S.A. (2009). [Methodological foundations for forming the prestige of professional activity in tourism]. *Vestnik Natsional'noy akademii turizma* [Vestnik of National Tourism Academy]. No. 1, pp. 24–27.

Kostyukevich, S.V. and Tolstyak, T.A. (2024). [The concept of "profession prestige": Definition and heuristic potential]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauka i obschestvo v usloviyakh novykh vyzovov» (g. Minsk, 26-27 sentyabrya 2024 g.)* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Science and Society in the Context of New Challenges" (Minsk, September 26–27, 2024)]. Minsk: Alfa-kniga Publ., pp. 194–196.

Kunyavskiy, M.B., Monn V.B. and Popova, I.M. (2014). *Soznanie i trudovaya deyatel'nost': tsennostnye aspekty soznaniya, verbal'noe i fakticheskoe povedenie v sfere truda* [Consciousness and labor activity: value aspects of consciousness, verbal and actual behavior in the sphere of labor]. Kiev; Odessa: Vischa shkola Publ., 188 p.

Levitskaya, I.A. (2014). [Professional self-determination as a sociocultural process]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 2, pp. 136–140.

Podmarkov, V.G. (1972). [Man in the world of professions]. *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 53–62.

Saks, M. (2020). [Neo-Weberianism and professions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6, pp. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>

Shubkin, V.N. and Cherednichenko, G.A. (1985). *Molodezh' vstupayet v zhizn' (sotsiologicheskie issledovaniya problem vybora professii i trudoustroystva)* [Young people entering life (sociological studies of the problems of profession choice and employment)]. Moscow: Mysl' Publ., 240 p.

Titma, M.H. and Talyunayte, M.I. (1984). *Prestizh professiy* [The prestige of professions]. Vilnius: Mintis Publ., 185 p.

Vorob'eva, I.V. (2014). [The prestige of the teaching profession]. *Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 4, pp. 96–104.

Voytovich, S.A. (1989). *Dinamika prestizha i privlekatel'nosti professiy* [Dynamics of the prestige and attractiveness of professions]. Kiev: Naukova dumka Publ., 131 p.

Yadov, V.A. (ed.) (1996). *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow: Na Vorob'evykh Publ., 692 p.

Yakovlev, S.S. (2007). [Problems with the concept of "youth"]. *Obschestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. No. 1, pp. 110–113.

Ziyatdinova, F.G. (1992). *Sotsial'noe polozhenie i prestizh uchitel'stva: problemy, puti, resheniya* [The social status and prestige of teaching: problems, ways, and solutions]. Moscow, 288 p.

Об авторе

Толстяк Татьяна Анатольевна
младший научный сотрудник

Институт социологии
Национальной академии наук Беларуси,
220072, Республика Беларусь, г. Минск,
ул. Сурганова 1/2;
e-mail: tatyana.tolstyak@mail.ru

About the author

Tatyana A. Tolstyak
Junior Researcher

Institute of Sociology of the NAS of Belarus,
1/2, Surganova st., Minsk, 220072, Belarus;
e-mail: tatyana.tolstyak@mail.ru

РЕЗОЛЮЦИЯ

IV Всероссийской конференции с международным участием
«Свет и тени цифровой реальности: живой интеллект и его аватары»

RESOLUTION

of the IV All-Russian Conference with International Participation

“The light and shadows of digital reality.

Living intelligence and its avatars»

1. Можно с уверенностью заявить, что, как и в предыдущие три года, проблемное поле конференции, связанное с философским и социально-гуманитарным осмыслением развития цифровых технологий в целом и их высшего на сегодня выражения — искусственного интеллекта — остается чрезвычайно актуальной.
2. Констатировать, что многие задачи развития Конференции, поставленные в Резолюции 2025 года, выполнены: примерно на треть увеличилось общее количество заявок, сохраняется их широкая география; более широкой стала представленность на конференции промышленных партнеров и инженеров; усилена дискуссионная составляющая конференции, реализованная в формате круглых столов, в т. ч. по актуальным направлениям — ИИ в государственном управлении и по «цифровой трансформации сознания», по философии «гибридного интеллекта».
3. Выразить особую благодарность за помощь в организации и проведении Конференции ее основным партнерам: НСМИИ РАН, ИНИОН РАН, ЧОУ ДПО «Центр инновационного развития человеческого потенциала и управления знаниями» и ГКБУК «ПГКУБ им. А.М. Горького», а также партнерам – представителям пермского бизнес-сообщества: АО «Бионт» и АНО «Совет директоров по информационно-коммуникационным технологиям Пермского края».
4. Особо отметить следующие особенности и результаты работы основных секций Конференции:
 - в секции «Живой интеллект и онтология цифрового разума» ключевыми темами стали проблема субъектности/агентности ИИ, границы расширенного познания, архитектурные ограничения симуляций;
 - в секции «Философия инженерной деятельности» основными темами обсуждения стали: роль инженерных школ, проблемные зоны и риски цифровой инженерии, инженерная этика и правовые аспекты развития ИИ и цифровых технологий в целом;
 - в ходе работы секции «Homo creator и общество» было отмечено, что становление цифровой реальности ведет к качественным изменениям человека, его бытия, форм культуры, познавательной деятельности, мировоззрения, творчества, что требует выработки новых методологических подходов философов, психологов, социологов, культурологов, антропологов к изучению этих процессов;
 - в ходе работы секции «Трансформация образования в условиях цифровой реальности» отмечено, что приоритетными задачами системы образования должны стать селекция на основе баланса максимально объективной оценки способностей обучающегося и его субъективных интересов и потребностей; изменение роли преподавателя с

выходом в режим наставника и модератора мышления; превращение ИИ в полноценного партнера в системе «студент-преподаватель-ИИ».

5. Особо отметить роль дискуссии в отношении онтологического статуса искусственного интеллекта и пределов его интеграции с человеком, в отношении содержания понятий «гибридная реальность» и «квазисубъектность» в отношении человеко-машинных систем; эту дискуссионность следует рассматривать как важные «точки роста» для будущих конференций.
6. Информировать всех участников конференции о том, что по предложению Организационного комитета, после доработки в формат статей и осуществления рецензирования, их доклады могут быть опубликованы в научных журналах, аффилированных с конференцией; тексты докладов, переработанные в формат статей, будут представляться авторами до 01.08.2026.
7. Обзор конференции и ее резолюцию, доработанную с учетом предложений модераторов секций, членов программного и организационного комитетов, опубликовать в научных журналах, аффилированных с конференцией.
8. Организационному комитету приступить к подготовке пятой — юбилейной — конференции «Свет и тени цифровой реальности».

**Программный и
Организационный Комитет
IV Всероссийской конференции
с международным участием
«Свет и тени цифровой реальности:
живой интеллект и его аватары»
27 марта 2026 года**

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России, а также в «белый список» научных журналов.**

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**Кибер.Ленинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Редколлегия напоминает авторам о том, что использование технологий искусственного интеллекта при создании научных публикаций регламентируется нормативными документами, в т.ч. ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения».

В связи с формированием Министерством юстиции РФ перечня и реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в перечень и реестр: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/>, <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-inostrannyh-i-mezhdunarodnyh-organizacij-deyatelnost-kotoryh-priznana-nezhelatelnoj-na-territorii-rossijskoj-federacii/> <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2026 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 1 февраля	2 апреля
в № 2 — до 1 мая	3 июля
в № 3 — до 1 августа	1 октября
в № 4 — до 1 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published, and also on Russian «white list» of scientific journals.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2026

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 2
No 2 May 1	July 3
No 3 August 1	October 1
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2026
Выпуск 3

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *М.К. Шишкина*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 29.09.2026
Дата выхода в свет 01.10.2026
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 21,75
Тираж 40 экз. Заказ 1210.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
(Философско-социологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке
Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-Пресс»
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/9020596/>
Подписной индекс — 41011